ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА.

Мое путешествіе изъ Красноярска въ Москву, въ Перервинскій монастырь,

съ 11 числа Іюня по 26-е число Іюля 1870 года, въ теченіе 45-ти дней *).

I. Предисловіе.

Имѣя всегда слабое здравіе, я въ прошедшемъ 1869 году, 4-го Іюня, имѣлъ почти внезапное тяжкое пораженіе: послѣ неоднократной рвоты желчію, у меня сдѣлалось такое головокруженіе, что ожидалъ кончины житія моего. Господь спасъ меня, возвратилъ мнѣ жизнь и здравіе, но на половину. Ученый врачъ Леонидъ Николаевичъ Бартеневъ не могъ возвратить мнѣ полное здравіе.

Съ того времени я уже и не поправился. Въ головѣ шумъ и пустота, близъ обморока; ноги отяжелѣли, меня всего тянуло книзу: я не могъ отстоять и раннюю литургію (часъ), не присаживаясь. Послѣдній разъ я служилъ въ каѳедральномъ соборѣ въ Воздвиженіе Креста Господня. Затѣмъ я уже только ходилъ къ своей ранней домовой литургіи. Достигши праздниковъ Рождества Христова и Крещенія и не находя въ себѣ силъ служить, я рѣшился просить Святѣйшій Сѵнодъ объ увольненіи меня отъ епархіальнаго управленія.

Я написалъ три прошенія: 1, въ Св. Сѵнодъ, чрезъ митрополита С.-Петербургскаго Исидора, о увольненіи отъ должности; 2, къ митрополиту Московскому Иннокентію, о помѣщеніи меня въ одномъ изъ Московскихъ монастырей; 3, къ оберъ-прокурору Сѵнода графу Дмитрію Андреевичу Толстому о дарованіи мнѣ пенсіи и прогоновъ до Москвы по милости Сѵнода, сколько признается приличнымъ.

---

*) Эти записки любезно сообщены въ „Русскій Архивъ“ Михаиломъ Николаевичемъ Галкинымъ-Враскимъ, получившимъ ихъ въ свое распоряженіе отъ самаго епископа Никодима. Магистръ Московской Духовной Академіи Никодимъ (род. 5 Сент. 1802 г. † 11 Іюня 1874) былъ первымъ епископомъ Енисейскимъ (съ мѣстопребываніемъ въ Красноярскѣ) по отдѣленіи того края отъ Томской епархіи. Передъ тѣмъ онъ служилъ ваіаріемъ въ Казани, а до того ректорствовалъ послѣдовательно въ нѣсколькихъ семинаріяхъ. П. Б.

Прошенія сіи я отослалъ на почту 5-го Января сего 1870 года. (Въ 1862 году въ этотъ день я пріѣхалъ въ Красноярскъ на службу въ Енисейской епархіи).

30 Марта я получилъ телеграмму отъ митрополита Московскаго изъ Петербурга, коею меня спрашиваетъ: «который изъ двухъ монастырей я избираю себѣ для покоя: Перервинскій или Серпуховской». Я отвѣчалъ: «Перервинскій».

23 Мая я получилъ указъ изъ Св. Сунода (22 Апрѣля 1870 г. № 754), коимъ мнѣ объявлено: а) что я уволенъ отъ управленія епархіею по разстроенному здоровью высочайшею властію Императора, по представленію Св. Сунода 6-го числа Апрѣля; б), что мнѣ дозволяется помѣститься въ одномъ изъ монастырей Московской епархіи по соглашенію съ митрополитомъ Московскимъ. О пенсіи же и о прогонахъ не упомянуто ни словомъ. Обстоятельство сіе дало мнѣ грусть: я получилъ жалованье за весь Апрѣль, а указъ 23 Мая, когда я уже почти все издержалъ; между тѣмъ а), надобно возвратить перебранное за Апрѣль, б) жить чѣмъ знаешь и гдѣ хочешь, кромѣ Красноярскаго архіерейскаго дома.

Но обстоятельство сіе мною было предусмотрѣно, и я по нему размышлялъ: «Мила мнѣ родина моя; я желалъ бы улетѣть къ ней на крыльяхъ, хотя знаю, что я тамъ всѣмъ чужой; а здѣсь, въ Красноярскѣ, я сближенъ со многими, и нигдѣ лучше меня не знаютъ какъ здѣсь. Полетѣлъ бы, но нѣтъ денегъ на проѣздъ; а здоровье мое разстроилось такъ, что я сомнѣваюсь, могу ли вынести тяжкій четырехгысячный путь. Посему, на случай, я положилъ: построю себѣ домъ на архіерейской землѣ въ Красноярскѣ, въ уголкѣ, и буду здѣсь жить потихоньку съ благословенія мѣстнаго преосвященнаго». Въ сихъ мыслях я и началъ строить себѣ домъ, и къ 23 Мая онъ уже выведенъ былъ выше оконъ. Къ Августу онъ былъ бы готовъ.

Когда я это твердилъ тому и другому, я замѣчалъ на лицахъ слушателей недоумѣнія, сомнѣнія, грусть. Я сталъ самъ проговаривать: не ѣхать ли въ Москву? Первый, отецъ каѳедральный протоіерей, лучшій мой собесѣдникъ, совѣтникъ и другъ (онъ же и отецъ мой духовный) сквозь слезы сказалъ мнѣ: «Желали бы мы васъ видѣть около себя навсегда; но мы жалѣемъ васъ; нельзя не быть вамъ скорби. Каковъ бы ни былъ вашъ преемникъ, ему нельзя выдержать всегдашняго мира съ вами. Найдутся обстоятельства и люди, которые возмутятъ покой вашъ. Намъ жаль васъ. Поѣзжайте въ Россію, успокойте себя и насъ избавьте отъ подозрѣній и злорѣчія недобрыхъ, которые не преминули бы возмутить покой нашъ, владычній и вашъ».

Такія и подобныя рѣчи, слышанныя мною и отъ другихъ, рѣшили меня сбираться и ѣхать немедля въ Россію.

Я попросилъ въ попечительствѣ заимообразно тысячу рублей. Мнѣ ее дали. Потомъ сами отцы, не знаю изъ какихъ суммъ, поднесли мнѣ пятьсотъ рублей. Еще Петръ Матвѣичъ Куртуковъ прислалъ мнѣ сто рублей. Я успокоился и нашелъ полную возможность ѣхать въ Москву.

Какъ бы въ залогъ или свидѣтельство моего довѣрія и уваженія къ духовнику Красноярска, я оставилъ тамъ: а) всю мою библіотеку, б) лучшее платье и вещи.

Послѣ того я сталъ быстро собираться въ путь. 7-го числа Іюня, въ Воскресевіе Всѣхъ Святыхъ, я въ послѣдній разъ отслужилъ въ каѳедральномъ соборѣ. 11 числа, въ Четвергъ, въ половину дня, я выѣхалъ изъ Красноярска, проплакавъ сладко-горько въ домовой архіерейской церкви, благодаря за милости ко мнѣ здѣсь Божіи, прося пощадѣнія за погрѣшности и ошибки и испрашивая благословенія въ путь далекій.

II. Путь до Ачинска.

О. каѳедральный протоіерей Василій Дм. Касьяновъ попросилъ дозволенія проводить меня до Ачинска. Онъ ѣхалъ въ особой повозкѣ. Въ селѣ Арейскомъ меня встрѣтили и со мною простились ключарь-священникъ Алексѣй Конст. Угрюмовъ и о. Григорій Климовскій, Покровской церкви, оба члены консисторіи.

Мы ночевали въ деревнѣ *Ибрюль*, у старушки разумной и небѣдной (отъѣхали четыре станціи).

Еще раза два мы ночевали у сей же старушки.

12 число Іюня, Пятница. Деревенская жизнь, особенно здѣсь, грязна и безпокойна. Здѣсь скотина бродитъ по селенію, приставая гдѣ сама захочетъ; запертая собака визжитъ раздирательно (я боюсь собакъ, ихъ запираютъ ради меня), корова реветъ подъ окномъ, и тутъ же гурьба мужиковъ, сидя на завалинѣ, ведутъ праздныя рѣчи, громкимъ говоромъ. Можно ли покойно спать?

Еще: въ Сибири собственно двора нѣтъ; на дворахъ постройка разбросана по площади двора безъ порядка, и всѣ прозрачны: негдѣ укрыться для нужды, вездѣ васъ видно. И это для меня всегда было испытаніемъ. Однако, проѣхавъ верстъ 70 и послѣ тревогъ прошедшаго дня, я уснулъ и спалъ глубоко. Добрая, богобоязненная старушка утѣшила своею добродѣтелію и хорошею ухою. Мы встали въ 5 часовъ. Гремитъ громъ. Поѣхали.

На станціи *Козулька* вѣжливый писарь - старикъ, утѣшилъ меня своею уважительностію, которая, конечно, есть свидѣтель его богобоязненности. Вторая станція село *Кемчугъ*. Такъ зовется рѣка, обтекающая сіе село и хребетъ горъ, верстъ на 150, сопровождающихъ правый берегъ рѣки *Чулымъ*, которая въ этомъ мѣстѣ отъ тракта налѣво верстахъ въ 60-ти. Рѣка предъ селомъ, мы къ ней спускались съ горы на версту, высокой и крутой. Направо, и налѣво, и впереди красивые виды вiющейся рѣки Кемчуга, горныхъ откосовъ, легкой изволоки, на которую намъ придется подниматься, и сплошной тайги сосенъ, лиственницъ и отчасти кустарныхъ деревъ.

Рѣка Кемчугъ съ Москву-рѣку. Село на той сторонѣ, на ровномъ мѣстѣ. Мы остановились у священника Ильи Тыжикова. Чай и пирогъ, который есть и блюдо: откройте верхушку, подъ нею найдете и уху, и жаркое изъ отличной сейчасъ пойманной рыбы.

Священникъ Илья пренабожный до возбужденія: онъ даже померкъ было въ разсудкѣ отъ напряженной набожности. Слава Богу, прошло. Онъ ходилъ пѣшій, кажется, въ Иркутскъ (1000 верстъ) на богомолье и возвратился просвѣтлѣвши разумомъ. Онъ среднихъ лѣтъ. Бываютъ дѣти, но гаснутъ: видно есть что либо ненормальное въ немъ или въ женѣ его, или въ обоихъ. О, Боже мой! Въ супружествѣ надобно помнить исторію Товія. (Умерла жена о. Иліи, молодая женщина; мнѣ написалъ о. протоіерей 11 Января 1871 года).

Третья станція, село *Черная рѣчка*. Здѣсь церковь каменная, во имя Архистратига Михаила. Построена въ честь Михаила Михаиловича Сперанскаго, управлявшаго Сибирью при Александрѣ I-мъ. (Есть и еще церкви на память его и въ честь ему). Церковь мрачная, угрюмая, почти безъ оконъ. Свѣтъ сверху. Иконостасъ бѣднѣйшій.

Остановились у священника *Сакердона*: совершенный типъ чистаго Сибиряка. У него обѣдъ. Человѣкъ неученый, но разумный, дальновидный и съ характеромъ. Съ нимъ въ 1862 году мы плавали въ Туруханскъ. (Онъ нѣсколько лѣтъ былъ въ урочищѣ Дудникѣ, ниже Туруханска ста четыре верстъ, приходскимъ священникомъ). Дѣти у него хорошія, но каждый почти изъ нихъ наложилъ ему крестъ: дочь дѣвица почему-то не пожелала быть въ супружествѣ и отцвѣтаетъ дѣвою, не желая однакоже идти въ монастырь. Сынъ, на коего была вся его надежда, послѣдній останный, былъ женатъ; я посвятилъ его во діакона. Отецъ готовилъ ему свое мѣсто, и что же? Поживъ года два въ супружествѣ, сынъ овдовѣлъ! Препона быть священникомъ, а отцу отчаяніе и слезы. У него было еще два сына, и оба умерли въ молодости. Первый сынъ умеръ, кажется, въ Томскѣ, въ семинаріи, до меня; послѣдній умеръ въ Красноярскѣ, уже назначенный въ се-

минарію изъ здѣшняго училища. И когда же? Во время нашего плаванія въ Туруханскъ. О. Сакердонъ узналъ о семъ въ Енисейскѣ по возвратѣ нашемъ изъ Туруханска. Жаль было и мнѣ видѣть его въ такой скорби.

Четвертая станція, село *Тарутино*; длинное село, заселенное ссыльными по проекту генералъ-губернатора, лѣтъ за 40 предъ симъ. Тутъ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, которую выстроили при мнѣ, и я ее освятилъ. Подъѣзжаемъ къ церкви, народу много, стоятъ кучами. Я вышелъ. Благословилъ. Поговорилъ. Меня проситъ священникъ къ себѣ въ домъ; я съ досадою отвергъ, пошелъ къ повозкѣ, сѣлъ; меня подвезли къ дому священника. Я раздосадовалъ болѣе, велѣлъ везти на станцію. Я полагалъ, что станція далеко, на прежнемъ мѣстѣ, а она тутъ и есть. Я сошелъ. Хотѣлъ обождать здѣсь пока запрягутъ лошадей; станція набита людьми внизу, а на верхъ узкая лѣстница, мнѣ не влѣзть бы.

Тутъ я увидѣлъ промахъ и свою строптивость. Чтобъ скрыть это, я пошелъ въ церковь, приложился къ престолу; посмотрѣлъ ризницу, которая была разложена; припомнилъ часы освященія храма и вышелъ нѣсколько успокоившись.

Въ это время успѣли запрячь лошадей, и я поѣхалъ далѣе взволнованный, однакоже и видя, что я самъ виновникъ всего конфуза, и затѣмъ глубоко оскорбилъ священника и спутниковъ: двухъ протоіереевъ, Красноярскаго и Ачинскаго.

Была гроза; тяжкіе удары грома и ливень, какіе здѣсь рѣдки. Когда небо очистилось, я захотѣлъ встать. Остановили лошадей. Я слѣзъ. Прошелся. Нарвалъ цвѣточковъ. До города Ачинска оставалось верстъ 12. Мы ѣхали въ двухъ повозкахъ: я впередъ, а за мною о. протоіерей. Садясь въ повозку, я, по предложенію о. протоіерея (онъ пересѣлъ ко мнѣ), велѣлъ его повозкѣ ѣхать впередъ, чтобъ предувѣдомить въ Ачинскѣ о. протоіерея, Александра Срѣтенскаго.

Такія распоряженія я дѣлалъ стоя на приножкѣ и не сѣвши въ повозку. Мой ямщикъ держалъ лошадей, стоя на землѣ у головъ ихъ, а другой повозки ямщикъ спдѣлъ уже на козлахъ и тронулъ лошадей, чтобъ ѣхать впередъ. Тронулись и наши лошади. Ямщикъ держитъ, чтобъ остановить и сѣсть на козлы, не сдержалъ, лошади помчали, разъярились, бросились съ азартомъ, ямщикъ упалъ, за нимъ и я.

Я упалъ на лѣвый бокъ, ударившись головою и лѣвымъ плечомъ, на землю. Минутъ десять я лежалъ безъ чувствъ. Потомъ сознаніе возвратилось, но я не смѣю пошевелить ни однимъ членомъ тѣла. Началъ тихонько перечитывать молитвы: «Иже на всякое время»... «Отче нашъ»... «Богородице-Дѣво радуйся»... твердилъ «Господи помилуй!..»

Въ эти минуты я думалъ, что я разбился смертельно и что насталъ послѣдній часъ моей жизни.

Мой келейникъ Ѳедоръ кружился около меня и рыдалъ, приговаривая какія-то рѣчи, прощаясь со мною. Подбѣжалъ о. протоіерей, который соскочилъ съ повозки и тоже упалъ и ушибся (не очень больно). Кричитъ: «Живъ ли, владыко?» Я простоналъ тихонько: «Живъ!»— «Что́ вы ушибли? Нѣтъ ли перелома костей и еще чего опаснаго?»— Я отвѣчалъ: «Нѣтъ». — Меня приподняли. Лошади укрощены. Ихъ подвели. Меня посадили.

Мы пріѣхали въ Ачинскъ къ о. протоіерею. Я тотчасъ послалъ за лѣкарями. Пришли двое (сколько есть). Я просилъ освидѣтельствовать меня. Раздѣлся до нага. Осмотрѣли, ощупали, не нашли ничего опаснаго. Предлагали что-то успокоительное. Я согласился для ихъ утѣшенія, но не принялъ, довольствуясь милосердіемъ Божіимъ за свое спасеніе и воспѣвая Его милость ко мнѣ.

Было 4 часа дня, когда мы пріѣхали въ Ачинскъ. Я могъ бы ѣхать далѣе (даже и долженъ бы былъ, потому что супруга протоіерея Александра, Анна Дмитріевна, завтра имянинница), но за болѣзнію и страшнымъ приключеніемъ со мною остановился ночевать.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ нашла туча, былъ строгій громъ и пролилъ обильный дождь; протоіерей Александръ, повидимому сердечно, со слезами на глазахъ, мнѣ сказалъ: «Ради посѣщенія вашего преосвященства Господь послалъ городу нашему благодать дождя и грома; доселѣ у насъ была страшная засуха. Это первый дождь». О. Александръ далъ ужинъ богатый и Шампанское. Я дозволилъ себѣ лишнюю рюмку и расходился негодованіями на преосвященнаго Аѳанасія (уже покойнаго), бывшаго здѣсь епископомъ, а потомъ въ Казани, гдѣ я служилъ при немъ викаріемъ.

Молча и съ грустію слушали мои жалобы и осужденія отцы, даже и потому, что сами считаютъ его примѣрнымъ архипастыремъ, далеко возвышаютъ надо мною и имъ облагодѣтельствованы. Я это понималъ, но едва сдержался отъ дальнѣйшаго, бывъ глубоко оскорбленъ униженіями и презрѣніемъ отъ покойнаго Аѳанасія въ Казани. Да не вмѣнитъ ему сего Господь! Но я не думаю клеветать на него. Я точно испытывалъ оскорбленія, которыя не всякій перенесъ бы безъ отраженія, даже и потому, что онѣ несправедливы.

III. Отъ Ачинска до Томска.

13 Іюня, Суббота.

Ночь провелъ я порядочно. Поутру, проснувшись, слышу вой и стонъ; я подумалъ: «это собаки воютъ, предваряя мою кончину». Всталъ, подошелъ къ окну. Слышу звонъ къ утрени (можетъ быть,

и собаки выли же). Всталъ тихо. Вчера я ушибъ: а) голову, съ лѣвой стороны поднялся бугоръ и ссадина; б) лѣвое плечо, тоже ссадина и синяя полоса; в) правую ногу у муслыжки, ссадина и багровая полоса. Я потеръ мѣста сіи деревяннымъ масломъ изъ лампады и предался волѣ Божіей. Меня спасла отъ смерти моя камилавка, дурная, изношенная, но густо-теплая. Я упалъ головою на землю, имѣя на себѣ эту камплавку; она-то и умалила жестокость удара головы о землю.

Такъ я прощался съ Енисейскою епархіею. Я принялъ сіе со смиреніемъ, почитая, что сіе есть вразумленіе мнѣ и какъ бы отмщеніе за мое вчерашнее пренебреженіе и безчестіе отъ меня священнику села Тарутина. Вразумленіе, но и пощада, ибо долготерпѣливъ и милостивъ есть Господь. Гордость моя посрамлена и сломлена, я опозоренъ, но мнѣ оставлена моя жизнь.

Священникъ этотъ, изъ дьячковъ, былъ послѣдній посвященный мною. Еще въ прошедшемъ году онъ усплпвался просить себѣ священство. Тогда я отказалъ ему, наипаче потому, что это было въ Іюлѣ или Августѣ, когда я послѣ тяжкой болѣзни служить не могъ. Да и самъ онъ мнѣ казался нестоющимъ. Но за него сталъ ходатайствовать братъ жены его, Василій Ивановичъ Вавиловъ, служащій въ Казенной Палатѣ и усердно покровительствующій духовенству, по надѣлу землею причтовъ. (Вавиловъ самъ изъ духовныхъ, семинаристъ Тобольскій).Послѣ неоднократныхъ настапваній я согласился утѣшить этимъ Вавилова *), въ самомъ дѣлѣ много сдѣлавшаго духовенству добра. Я посвятилъ во священника этого дьячка, кажется, нынѣшнею весною. Его-то я обезчестилъ, не заѣхавъ къ нему. Между тѣмъ, по распоряженію Вавилова, крестьяне меня встрѣтили у церкви торжественно. Но меня привело это еще въ бблышую досаду, потому что я видѣлъ, что все это есть комедія, вынужденная, лицемѣріе.

Между тѣмъ, я въ тотъ день уже имѣлъ два обѣда и двѣ закуски; это была бы третья, а въ Ачинскъ я пріѣхалъ бы на четвертую.

Но паче всего мнѣ тяжелымъ казалось ласкать и величать священника лицемѣрно, безъ убѣжденій и какъ бы по заказу, наипаче котораго я почти презираю. Вотъ моя исповѣдь, меня вразумилъ Господь. Слава милосердію Божію!

Меня оба отцы протоіерея, о. Александръ Ачинскій, хозяинъ дома и города, и о. Василій, каѳедральный, захотѣли проводить еще на станцію, до станицы Бѣлозерской, гдѣ церковь и гдѣ предѣлъ Енисейской губерніи и епархіи.

*) Вавиловъ умеръ 12 Декабря 1870 года отъ тифозной горячки. Я извѣщенъ 11 Января 1871 года.

Городъ Ачинскъ стоитъ надъ рѣкою *Чулымъ*, на правомъ берегу его, высокомъ, гористомъ. Насъ перевезли чрезъ рѣку на самолетѣ и скоро и покойно. Рѣка быстрая, красивая, нѣтъ болотъ, нѣтъ поростовъ. Вода течетъ какъ на блюдѣ, хрустально-свѣтлая. Таковы въ Сибири всѣ рѣки: текутъ быстро и чисты. На мой глазъ, примѣрно, рѣка Чулымъ имѣетъ здѣсь 100 саженъ ширины.

Мы поѣхали низменною долиною, которую огибаетъ Чулымъ; направо и налѣво видишь большія (съ версту) и малыя озерца, въ родѣ заливовъ отъ Чулыма, однако они самостоятельны и съ рѣкою не имѣютъ сообщенія.

1. Пріѣхали въ станицу *Бѣлоярскую*. (Это Сибирскіе земскіе казаки, полукрестьяне и полувоенные, обработываютъ землю и на сроки, по очереди, служатъ въ Сибири же, въ своихъ городахъ; они имѣютъ много привилегій передъ крестьянами и обижаютъ ихъ, какъ беззащитныхъ). Здѣсь граница Енисейской губерніи. Здѣсь простился я съ отцами-протоіереями. Здѣсь же я сдѣлалъ горькій упрекъ (о чемъ жалѣю даже и потому, что это было на улицѣ, при собраніи казаковъ) священнику нетрезвому и погрѣшающему въ повѣнчаніи жителей, безъ осторожностей, безъ справокъ.

Ѣдемъ. У насъ въ виду, въ верстѣ отъ насъ налѣво, на берегу Чулыма (мы поѣдемъ около него верстъ 70), деревня «Зерцало» (странное имя). Это уже Томской губерніи. Здѣсь спасался блаженный Даніилъ (скончавшійся и погребенный въ женскомъ Енисейскомъ монастырѣ въ 1843 году). Осталась здѣсь его келія, накрытая глухимъ сараемъ. Это ровъ или канава въ три аршина глубины и аршина полтора ширины. Съ праваго бока изъ кирпичей полупечь. Все это обтянуто сверху плетнемъ, обсыпано землею, накрыто тесомъ.

О семъ Даніилѣ есть печатное сказаніе. Мы съ о. протоіереемъ Василіемъ въ Красноярскѣ собрали еще нѣчто въ дополненіе и сбирались напечатать вновь, но пока еще не исполнили.

Сей Даніилъ безъ сомнѣнія есть мужъ богоугодный, ибо прорицалъ будущее и чудодѣйствовалъ. И нынѣ продолжаются надъ могилою его явленія чудодѣйствующаго милосердія Божія. Въ Енисейскѣ его весьма почитаютъ.

Пріѣхали въ село, 2. *Красная рѣчка* (въ соотвѣтствіе *Черной рѣчкѣ*, Енисейской губерніи). Церковь каменная. Село огромное. Было бы очень красиво, ибо есть богатые дома; но оно сплющено такъ, что едва могутъ разъѣхаться двѣ телѣги въ улицѣ. (Думаю отъ Поляковъ и по подражанію Европѣ).

До сихъ поръ я ѣхалъ съ двумя: келейникъ Ѳедоръ и какой-то бродящій Николай Шейкинъ, лекарскій ученикъ, весьма не дуракъ,

лѣтъ за 40. Бредетъ въ Москву. Я предложилъ ему ѣхать со мною, мнѣ послужить, взамѣнъ чего я привезу его въ Москву даромъ. Этотъ-то Николай, еще вчера пьяный, а въ Бѣлоярскѣ еще пьянѣе, здѣсь же напился такъ, что не можетъ и влѣзть на повозку. Стыдъ и срамъ. И можно опасаться не свалился бы подъ колесо. Вынужденъ былъ оставить его здѣсь, возвратилъ ему его документы и далъ три рубля.

Я поѣхалъ на волю Божію, съ однимъ келейникомъ, почти юношею (21 года).

3. Пріѣхали въ село *Боготолъ*, огромное и торговое село. Есть двухъэтажные дома. Хорошая каменная церковь. Улицы тоже стѣснены (менѣе 5 саж.) и портятъ красу села. Были у меня священникъ и діаконъ, люди степенные, рѣчи разумныя, осторожныя, обращеніе уважительное.

Противъ Боготола, на той сторонѣ рѣки Чулыма, винокуренный казенный заводъ (нынѣ, кажется, упраздненный). Здѣсь-то блаженный Даніилъ страдалъ отъ тирана и безбожнаго начальника. Онъ обливалъ Даніила холодною водою, поставивъ его на кровлѣ, зимою, въ 40-градусные морозы, не за вину какую-нибудь, а только за то, что онъ богобоязненный человѣкъ. Тиранъ, ругаясь надъ старцемъ, приговаривалъ: «посмотримъ на его святость, согрѣетъ ли она его». Этому тирану послѣдовала кара отъ Бога: у него перевернулась голова лицомъ назадъ.

Дорога по Енисейской губерніи отличная, не уступающая Русскому шоссе; въ Томской губерніи, хотя подражаютъ Енисейской, но дорога далеко хуже и небрежнѣе. Мы впрочемъ ѣхали больше боками. Насыпь, сдѣланная на полотнѣ дороги, изъ битаго камня, такъ груба и небрежна, что предпочитаютъ ее бросить и ѣздить просто по землѣ. Зачѣмъ же мучатъ крестьянъ насыпью дороги?

Въ Енисейской губерніи исправляютъ дорогу крестьяне по своимъ участкамъ, гурьбою; здѣсь работа одиночная. Мнѣ сказали будто это отъ того, что крестьянинъ, давшій рубль, увольняется отъ этой работы; работаютъ же немогущіе дать рубля. Починка дороги оттого выходитъ пестрая, штучная, кусками.

4. *Больше - Козульское.* Село же. Церковь деревянная, Сибирскихъ чертежей, безъ фундамента, на столбахъ.

На станціи юродивый-полоумный Кириллъ, почти нѣмой. Лѣтъ 50 (сказали) ходитъ въ рубахѣ и босой зиму и лѣто. Онъ встрѣтилъ меня быстрыми поклонами. (Понимаетъ же, что я служитель Божій).

Напился здѣсь Сибирскаго квасу; такого нѣтъ въ Россіи, густъ, слѣдовательно есть полушица, полу-блюдо, мягокъ, сладокъ, утоляетъ жажду и совершенно здоровъ.

5. Село *Итатъ* проѣхали молча (ничего не записано).

6. Село *Тижинъ*, большое, при рѣкѣ. Здѣсь ночуемъ, на *дворянской квартирѣ*. Въ Сибири, по крайней мѣрѣ Восточной, въ каждомъ селеніи есть домъ, назначенный отъ общества квартирою для чиновниковъ, властей, вообще на всякую общественную потребу. Домъ обыкновенно хорошій имѣетъ чистую, пріятную горницу, иногда даже великолѣпную. Здѣсь всегда можно остановиться проѣзжающему привиллегированнаго класса. Кротость и добродушіе обыкновенно украшаютъ хозяевъ дома (по крайней мѣрѣ я вездѣ это видѣлъ и нигдѣ ни разу огорченъ не былъ).

Здѣсь мнѣ подали хорошую уху. Я радъ, потому что весь день пробавлялся кое-чѣмъ своимъ, сухимъ.

Приходилъ ко мнѣ священникъ, молодой, ученый, степенный. Поговорили. Онъ доволенъ положеніемъ своимъ.

Я почувствовалъ сильно, въ первую же ночь, недостатокъ другого спутника. Изъ повозки нельзя было выносить все (много, до 14 пуд.); а тамъ оставить небезопасно, по крайней мѣрѣ робко. Я послалъ Ѳедора въ повозку, а самъ ночевалъ одинъ.

Въ Сибири, по крайней мѣрѣ Восточной, по крайней мѣрѣ для меня, на ночь ставятъ сторожей у повозки, и они честно бдятъ подлѣ нихъ; это весьма успокоиваетъ.

Обыкновенно я благодарю рублемъ. Весьма благодарны. Церковь здѣсь деревянная, во имя св. Николая, новая, своеобразная, а не Сибирскихъ печатныхъ чертежей, просторная, свѣтлая, красивая, обшита тесомъ и покрашена; кровля желѣзная, покрашена зеленою краскою.

(Это уже Западная Сибирь. Здѣсь смѣлѣе отрицаютъ тиранію незваныхъ чертежниковъ церквей, миніатюрныхъ, неудобныхъ, темныхъ, насмѣшливыхъ, ребяческія шалости. Такими чертежами снабдили Восточную и Западную Сибирь изъ канцеляріи министра Киселева, лѣтъ за 20 предъ симъ).

14 Іюня. Воскресеніе. Пророка Елисея.

Просыпаясь, пою (мысленно) Московскимъ широкимъ напѣвомъ: «*Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя*».

Вѣтрено и свѣжо. Поѣхали. 1. *Суслово*—деревня.

2. Городъ *Маріинскъ*. Передъ нимъ рѣка *Кія*. Перевозъ на хорошемъ ладейномъ поромѣ, по канату. Остановился въ гостиницѣ. Идетъ обѣдня. Мнѣ дали уху изъ карасей и еще что-то, я сытъ.

Былъ вѣжливый помощникъ городничаго, молодой, пріятный наружности, скромный въ разговорахъ, въ парадѣ.

лѣ литургіи пришелъ священникъ Симеонъ. (Изъ Ишима. Тобольскій, но корень изъ Рязани), діаконъ и два причетника.

Здѣсь я написалъ и отослалъ на почту два письма: а) въ Красноярскъ о. протоіерею, б) въ Чебаки—Захарію Михайловичу Цибульскому.

Съ чиновникомъ велъ рѣчи о жителяхъ города; наполненъ городъ Евреями, Субботниками, Молоканами. Русскіе подавлены имп. Вся торговля у тѣхъ. Меня даже стращали, что станціи на двѣ здѣсь путь небезопасенъ. Бываютъ грабежи и убійства. (Меня однакоже сохранилъ Господь).

Городъ красивый, хорошо обстроенъ. Улица продольная, сажень 100 шириною, есть и площадь. Храмъ Божій каменный, хорошій. Есть кладбищенская церковь. Съ одной (восточной) стороны городъ украшаетъ рѣка Кія (саж. 80) съ высокими чистыми берегами, а съ другой подходитъ полуболотистая тундра. Ее объѣзжаютъ, и трактъ наложенъ по краю ея (что́ дѣлаетъ на 5 верстъ лишняго).

Иногда мы *молча кричимъ* (cum tacent, clamant). Смиренный архіерей, въ простомъ монашескомъ одѣяніи, ѣдетъ по городу. Казалось бы, что за бѣда? Нѣтъ: Еврей, Субботникъ, Молоканъ, взглянетъ свирѣпо, вызываетъ на драку, насучаетъ кулаки, вытягивается, становится въ положеніе готовящагося на схватку, шапку нарочно ставитъ на бекрень: явное нападеніе діавола! Я имъ не сдѣлалъ никакого зла ниже мыслію. *Тяжекъ есть намъ и къ видѣнію*, говорится въ Премудрости.

Есть какая-то склонность въ правительствѣ осыпать привиллегіями такого рода неблагодарныхъ, вредныхъ обществу и ненавистниковъ Русскихъ. *Кійждо да блюдетъ, како назидаетъ... огнь искуситъ.*

Маріинскъ есть складочное мѣсто для золотыхъ промысловъ, находящихся отсюда на Югъ, въ Алтаѣ, недалеко отсюда. Наши Чебаки здѣсь запасаются.

3. *Подъельничная* станція, кажется, деревня. Для меня она примѣчательна тѣмъ, что около нея я встрѣтилъ протоіерея Василія Дмитріевича Касьяна, 3 Января 1862 года, ѣхавшаго встрѣчать меня. То было ночью.

На половинѣ этой станціи огромная деревня, дикой постройки, (безобразна и громадна) на болотахъ, рѣкахъ, мостахъ. Я думалъ, что тутъ раскольники; напрасно: православные. Рѣка и деревня Антибесъ, странное, вѣроятно Остяцкое слово.

4. Село *Бирикульское*. Тутъ на станціи вступилъ со мной въ разговоръ Еврей изъ Маріинска, ѣдущій въ Томскъ (съ семействомъ) посѣтить больного брата. Очень живой и расторопный, даже кажется образованный. Осуждалъ безразсудство Субботниковъ (Русскихъ му-

жиковъ), которые хотятъ быть Еврейскаго закона, не зная аза въ этомъ законѣ, ни языка его. Намекалъ на излишество снисхожденія Русскаго правительства къ видимому сумасбродству, кажется досадуя, что эти безумцы безчестятъ разумное Еврейское богопочтеніе. Я подтакивалъ, почитая излишнимъ распространяться въ разсужденіяхъ о дѣлѣ, не касающемся меня въ это время. Прежарко. Ѣдемъ обычно лѣсами, которые, къ утѣшенію моему, нестоль обезображены злыми-губительными палами, какъ въ Енисейской губерніи; но въ воздухѣ сухая сѣрнаго запаха мгла. Страшная засуха, все увяло, поникло, остановилось въ ростѣ.

5. Село *Почитанское*. Насъ встрѣтила партія арестантовъ; ихъ везутъ на тройкахъ и парахъ быстро, по шести человѣкъ на повозкѣ и седьмой—вооруженный солдатъ. Женщины ѣдутъ особо, семейные съ дѣтьми особо, тяжкіе преступники, подъ проволочною сѣткою, особо; багажъ ихъ везутъ особо. Лица блѣдныя, видно душевное страданіе; но есть и весельчаки.

Встрѣтила насъ Цыганка, дѣвица, совершенныхъ лѣтъ, весьма пріятной наружности, правильно и разумно говорящая по-русски, цѣломудренная, восторженная; проситъ на бѣдность. Я ей далъ рубль и платокъ. Однако она сказала ложно, будто у нея нѣтъ ни отца, ни матери и будто она скитается по чужимъ шатрамъ. Чрезъ полверсты меня встрѣтила мать ея.

Что̀ этотъ родъ, это племя? Дѣвушка проситъ, умоляетъ отчаянно, съ конвульсіями, проситъ прикрыть ея наготу, дать ей на хлѣбъ. Она не лжетъ: ей точно нечѣмъ одѣться, ибо она не умѣетъ шить, да и матеріала для сего она не могла пріобрѣсти; бродитъ по свѣту съ родителями, которые не имѣютъ ни пяди земли, ни ремесла, ни скотоводства. Ей точно нечего ѣсть, потому что ничего не сѣяла, не жала, не молотила. Одна милостыня есть средство ея питанія и согрѣванія.

Въ другой разъ, тутъ же, одна пожилая Цыганка начала меня величать и *пророчествовать* мнѣ всякаго добра. Я ее остановилъ и сказалъ: «Я священникъ. Меня такими баснями не обольстишь; будущее въ десницѣ Божіей. Ты не лги на Бога. Придумай честные способы для пропитанія». Задумалась на минуту Цыганка; потомъ, какъ бы проснувшись и устыдясь уступки, опять заговорила пророчества обо мнѣ, впрочемъ трогательныя: «Ты, мой батюшка, много въ жизни потерпѣлъ, но и все перенесъ и получилъ отъ Бога награду. Будешь и еще терпѣть; но все это кончится большимъ счастіемъ тебѣ, и многіе тебя похвалятъ!»

Еще въ одномъ мѣстѣ, на станціи, Цыганки, угадавъ какъ-то, что я щедръ, обступили мою повозку и начали причитать мнѣ похвалы и

пророчествовать мнѣ всякаго благополучія, заканчивая сіи похвалы прошеніемъ милостыни. Въ это время я былъ на станціи и пилъ чай. Слышу, Цыганки начали стонать жалобно. Я взглянулъ въ окно и увидѣлъ ямщика, стегающаго кнутомъ этихъ женщинъ (хотя съ разборомъ и осторожностію, больше для испуга). Я тотчасъ сказалъ строго смотрителю: «Прикажите ямщику прекратить истязаніе Цыганокъ. Онѣ пришли просить милостыни у меня. Ямщикъ, стегая ихъ, стегаетъ и меня». Смотритель постучалъ въ окно ямщику, махая прекратить битье кнутомъ Цыганокъ, и самъ устыдился. Онъ думалъ этимъ мнѣ услужить!

Бѣдныя Цыганки, терпя удары, выгибались, чтобъ легче былъ ударъ, приговаривая только: «За что ты меня бьешь кнутомъ, Ты не бей меня кнутомъ». Я не могъ не поплакать. Мы ихъ встрѣчали отселѣ до Томска и за Томскомъ встрѣчали же.

Въ селѣ Почитанскомъ мы ночевали. Приходилъ ко мнѣ здѣшній священникъ Симеонъ, молодой, изъ ученыхъ, вѣжливый и степенный. Его братъ, кажется священникъ, женатъ на внукѣ о. Фотія, іеромонаха-казначея Красноярскаго архіерейскаго дома.

15 Іюня Понедѣльникъ. Пророка Амоса, Іоны митроп.

Спалъ тихо. Видѣлъ какой-то сонъ, названный въ запискѣ *при мѣчательнымъ*, но онъ не записанъ *), и я теперь его не помню.

Ѣдемъ. Бѣдственная дорога. Сужена, раскосы сдѣланы крутые, насыпь крупная, неровная. Почти нельзя ѣхать, выбираютъ стороною; но бѣда переѣзжать чрезъ высокій валъ дороги и канаву, а неизбѣжно, чтобъ со стороны попасть на мостъ и опять съ дороги съѣхать на волю. Ясно, что земскіе чины, начиная съ исправника, безъ надзора и отвѣтственности, самовластные цари; а они изъ Польши (большею частію) и мѣняются непрестанно. Жалкая Сибирь!

Опять встрѣтили партію арестантовъ. Въ ней мужъ Маріи, нашей стряпки, скончавшейся въ Ачинскѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ, я ему далъ рубль. Свирѣпый и глупый погубилъ жену свою. Честная и разумная женщина, изъ дворянъ. Она пришла свободно за мужемъ-преступникомъ.

1 станція *Колыонская*. Не записано о ней ничего, и я ничего не помню.

2. Село *Ишимское*. Огромное, до 200 домовъ. Хорошая рѣка. Каменная церковь.

---

*) Записанъ. Вотъ онъ: Папу Римскаго осудили, низвели съ папства, дали ему малое епископское мѣсто и подвергли епитеміи на шесть лѣтъ.

У воротъ села Цыгане. Умоляютъ дать милостыню, причитаютъ, величаютъ, обѣщаютъ счастіе. Живые, острые, пылающіе глаза, обтянутое желтоватое лицо (и все тѣло), талія стройная; тощее, жилистое, прозрачное тѣло; пониманіе быстрое, тонкое, цѣломудріе ограниченное, обдуманное, безспорное. Такъ я изобразилъ ихъ, смотря на нихъ и входя съ ними въ разговоръ.

Здѣсь-то отгоняли Цыганъ отъ моей повозки плетью.

Рѣка *Яя*, перевозъ; другая *Китатъ*, мостъ. Рѣки прозрачныя, бѣгутъ по камешкамъ; весною весьма поднимаются (будто до 7 саж.).

Здѣсь почтенный священникъ Василій видѣлся со мною. Ему подъ 40 лѣтъ. Сказалъ: «пишутъ въ газетахъ, что митрополитъ Московскій Иннокентій 22 Мая отправился въ Кіевъ на богомоліе». (Но кажется, это несправедливо).

3. Деревня *Турунтаево*, ничего не записано.

4. Село *Халдѣево*. Деревянная своеобразная церковь. Вѣжливый и уважительный смотритель. Просилъ дозволенія вступить въ бракъ съ невѣстою, которой недостаетъ полгода до совершеннолѣтія. Я сказалъ, что объ этомъ надобно просить своего архіерея. Увы! Три мѣсяца, какъ подали прошеніе: нѣтъ отвѣта. Кажется, я просилъ Томскихъ отцовъ.

Проѣхали двѣ горы, огромныя, особенно страшенъ спускъ. Тормозимъ. Спустились благополучно. Такихъ горъ нѣтъ въ Россіи.

5. Село *Семилужное*. Въ ямѣ, между горами. Церковь каменная на горѣ. Чтится образъ Святителя Николая и выносится крестнымъ хожденіемъ въ Томскъ (29 верстъ), равно и возвращается такимъ же образомъ. Преосвященный Аѳанасій, бывшій Томскій (скончъ. 1868 г. въ Казани) хаживалъ въ этомъ крестномъ хожденіи изъ Томска. Удивительная ревность! Еще удивительнѣе крѣпость телѣсная! Онъ это дѣлалъ, отслуживши литургію въ Томскѣ и прямо изъ церкви сюда. Приходили уже въ 8 часовъ вечера.

Я захотѣлъ быть въ этой церкви. Подъѣхали прямо къ ней. Я послалъ попросить священника. Сказали: «нѣтъ дома, уѣхалъ съ требой» (кажется, нѣтъ; онъ нездоровъ нетрезвостію). Я вошелъ въ церковь, взялъ священническія одежды, облачился и пропѣлъ съ Ѳедоромъ молебенъ Святителю Николаю (жаль, не было подлинной прославляемой иконы Св. Николая; она въ Томскѣ). Это послѣдняя станція къ Томску—29 верстъ. Она извѣстна грабежами и разбоемъ: небезопасно ѣхать ночью, нападаютъ даже на обозы.

Самъ Томскъ питаетъ внутри себя этотъ сбродъ всевозможныхъ бродягъ и злодѣевъ, какъ сказываютъ. Во всей Сибири Томскъ почитается самымъ слабымъ и потачливымъ для сего бездѣльнаго класса

людей. Они-то партіями и выходятъ на большую дорогу на грабежъ. Имъ помогаютъ Татары (и въ Казани первые разбойники), какъ бы нарочно поселенные на полустанціи этого опаснаго переѣзда. Способствуетъ и мѣстность. Хотя трактъ идетъ по открытому возвышенному мѣсту, направо и налѣво, въ самомъ близкомъ разстояніи, страшныя пропасти, овраги и откосы, сбѣгающіе къ рѣкѣ Томи, которая полукругомъ огибаетъ Томскъ и окрестность. Овраги сіи покрыты густымъ лѣсомъ, больше кустарнымъ.

Мы пріѣхали благополучно въ Томскъ, въ 11 часу вечера. Въ монастырѣ Св. Алексія, гдѣ и архіерейскій домъ, растворены ворота; насъ ждутъ (дали телеграмму изъ Ачинска) и встрѣтили.

IV. Городъ Томскъ.

О. архимандритъ Викторъ, настоятель монастыря, и іеромонахъ Лазарь, экономъ архіерейскаго дома, окружили меня своими ласками, услугою. Преосвященнаго Платона нѣтъ. Онъ путешествуетъ по епархіи. Мнѣ отвели весь домъ его. Дали хорошій ужинъ, и я уснулъ сладко.

16-е число. Вторникъ. Св. Тихона Амафунтскаго.

Спалъ покойно, проснулся въ 7-мъ часу. Просыпаясь твержу: *человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ!* Сіи слова и другія этого же псалма пою во снѣ уже по двѣ ночи.

Лице мое страшно красно, даже опухло, подтеки подъ глазами. Я ѣду незакрываясь: нахожу сіе пріятнымъ и нужнымъ, потому что въ закрытой повозкѣ надлежало бы лежать (много клади), а сидѣть нельзя.

Былъ у литургіи въ домовой церкви. Служилъ іеромонахъ, старикъ сгорбленный, младенчески - тонкоголосый, живой, прозрачный, легкій (изъ крестьянъ).

Былъ о. каѳедральный протоіерей съ просфорою. Разсказалъ: «Въ Калугѣ, въ Вознесеніе, семинаристъ - причетникъ ударилъ кулакомъ преосвященнаго Григорія, стоявшаго на амвонѣ, въ литургіи, предъ малымъ выходомъ. Митра покатилась съ головы преосвященваго, и самъ онъ упалъ». Такихъ злодѣевъ не было между нашими до сихъ поръ. Намъ ихъ дарятъ похитившіе изъ рукъ духовной власти духовное просвѣщеніе. Примѣчательно еще: этого семинариста - злодѣя судъ оправдалъ, нашедши его помѣшавшимся въ разсудкѣ. И это образцы новѣйшаго образованія!

Поѣхалъ по городу. Былъ: 1. Въ *каѳедральномъ соборѣ*. Храмъ раздѣленъ стѣною вдоль на двѣ половины; направо Введеніе во храмъ

Пресвятыя Богородицы, налѣво Благовѣщеніе. Въ первомъ я служилъ дважды: а) въ новый годъ 1862 года, съ преосвященнымъ Порфиріемъ, проѣзжая изъ Казани въ Красноярскъ; б) 5 Декабря 1866 года, при погребеніи преосвященнаго Виталія. Я пріѣзжалъ для сего изъ Красноярска (съ о. каѳедральнымъ протоіереемъ Василіемъ).

Соборъ хорошій, но имѣетъ видъ приходской церкви. Храмъ Благовѣщенія исправляютъ.

Соборъ стоитъ на маленькой и косой полуплощади. Около него ограда; на Западъ, совсѣмъ нѣтъ ея, на Югъ и Сѣверъ съ сажень отъ стѣны храма; на Востокъ поларшина и менѣе, не пройти и ребенку. Вотъ Сибирь! Вотъ образчикъ своеволія и продерзостей Сибирской команды! Такъ и въ Енисейской губерніи, сжаты, сплюснуты, обезображены пустыми постройками храмы Божіи.

2. Въ *Иннокентіевой общинѣ*. Женская обитель, кажется, еще не утвержденная именемъ монастыря. Построена купцомъ Яковомъ Ивановичемъ (Петровъ-Родіоновъ), мѣсто отличное, за городомъ, на высшемъ мѣстѣ, большое мѣсто монастырю, еще большее для сада и огорода въ смежности. Монастырь уже обнесенъ каменною оградою. Хорошій двухъ-этажный корпусъ для сестеръ; два отдѣльныхъ храма. Я былъ въ лѣтнемъ, Св. Иннокентія. Мнѣ отпѣли здѣсь панихиду по преосвященномъ Порфиріи, который здѣсь погребенъ (подъ алтаремъ, справа, въ хорошемъ склепѣ). Храмъ изящный, архитектура смѣлая, легкая: свѣтло какъ въ раю.

Зашелъ къ игуменіи Евпраксіи. Старушка, купеческая вдова. У нея, при ея келіяхъ, домовая церковь, тоже изящнаго вкуса (дивлюсь: это хотя бы въ Москвѣ). У игуменіи чай и закуска. Тутъ храмоздатель и супруга его. Собрано уже десятка два сестеръ, умѣютъ пѣть. Чистота и опрятность въ церкви, въ келіяхъ, повсюду примѣрныя. Заводятся изящныя рукодѣлья.

3. Къ храмоздателю Якову Ивановичу: огромный, необыкновенно тучный мужчина, хотя простого происхожденія (кажется изъ крестьянъ), но человѣкъ мыслящій, разумный, даже либеральный въ наилучшемъ смыслѣ. Супруга его Марья Ивановна, тоже тучная, но сердца нѣжнѣйшаго, сущая женщина, доброта, благожеланіе, добродѣтель дышутъ въ рѣчахъ, во взорѣ, въ движеніяхъ ея, блаженная душа! Ей я приписываю и значущую часть добродѣтелей ея супруга. Могуществомъ своей прекрасной души она заставила его полюбить добродѣтель и благочестіе, даже быть подвижникомъ ихъ. (Яковъ Ивановичъ сперва, говорятъ, былъ довольно воленъ, въ дурномъ Европейскомъ духѣ).

Да украшаетъ Господь житіе ихъ! Да благословитъ домъ ихъ и все, что̀ ихъ и окрестъ ихъ! Они меня полюбили идеально, ни за что, по единой настроенности любить служителей духовныхъ.

Здѣсь была хорошая, отличная закуска.

Вечеромъ былъ у о. архимандрита Виктора. Онъ изъ Россіи, но служитъ въ Сибири давно. Вседушевно-религіозный человѣкъ, самыхъ непорочныхъ мыслей, не знающій, не испытавшій, не понимающій коловратностей и суетъ міра сего. Много было рѣчей, и всѣ умныя, честныя, достойныя. Насъ было трое, третій отецъ Лазарь. Вечеръ мягкій, прошлись и по монастырю.

Получилъ изъ Красноярска отъ отца-протоіерея телеграмму съ благожеланіями. Тамъ все хорошо, и я отвѣчалъ.

17-е число Іюля. Середа. Святыхъ Самуила, Савела.

Вставши осмотрѣлъ мѣста ушибенныя (12 числа) на правой ногѣ, черно-багровая полоса, на лѣвой—менѣе багровая-красная. Шишка на головѣ проходитъ. Въ плечѣ не чувствую боли. Вздохъ немного колетъ подъ ребрами. Меня спасла теплая густая камилавка, бывшая на головѣ моей: еслибъ я упалъ голою головою, или подъ тонкимъ покровомъ, вѣроятно я убился бы до смерти. (Въ Москвѣ я перешилъ ее и положилъ на нее новую крепу. Сберегу ее до смерти. Равно и рясу, въ которой я тогда былъ, упавши. Ее я носилъ четыре года и въ ней ходилъ обычно въ домовую церковь слушать службы).

Былъ у литургіи въ мовастырской церкви Казанскія Богоматери. Служба протяженная, съ прибавленіями: послѣ часовъ акаѳистъ страстямъ Господнимъ (соч., кажется, Иннокентія Борисова) со всѣмъ послѣдованіемъ. Литургія.

Потомъ я попросилъ отпѣть литію надъ могилою преосвященнаго Виталія, въ этой церкви за правымъ клиросомъ погребеннаго, а отсюда за церковію, надъ могилою блаженнаго Ѳедора Кузьмича, тоже отпѣли литію.

Могила съ монументомъ, ограждена на Сѣверо-востокъ отъ алтаря, близъ построекъ.

Былъ у меня о. ректоръ Семинаріи архимандритъ Моисей съ четырьмя учащими и съ учениками Енисейской епархіи. Учениковъ я благословилъ, пожелалъ имъ добраго окончанія ученія, съ ректоромъ же и учащими завелъ рѣчь о новомъ образованіи и крѣпко не похвалилъ тѣ стороны его, которыя мнѣ казались достойными порицанія, и пуще всего, отторженіе надзора за ученіемъ отъ духовной власти, и еще уничтоженіе духовнаго сословія въ дѣлахъ духовныхъ.

Тутъ былъ Шавровъ, инспекторъ и профессоръ, дурной души и правилъ; онъ можетъ повредить мнѣ, передавъ мои рѣчи (съ украшеніями) въ Петербургъ.

Съ о. архимандритомъ Викторомъ мы ѣздили къ новому собору, недостроенному и обрушившемуся и брошенному. Его начали строить золотопромышленники въ 1843 году (въ тоже время начали строить такой же соборъ, тоже золотопромышленники, въ Красноярскѣ; и здѣсь соборъ обрушился же, разобранъ и снова построенъ Сидоромъ Григорьевичемъ Щеголевымъ). Въ 1856 года онъ обрушился и оттолѣ доселѣ стоитъ, непокрытый, незащищенный отъ дождей, снѣговъ и вѣтровъ. Строила комиссія, изъ всѣхъ начальниковъ города. Преосвященный между ими былъ, по свойственному намъ смиренію, послѣдній. Безпечность, своеволіе и грабежъ, украшали сей комитетъ.

Вечеромъ былъ на чаѣ у о. Лазаря, іеромонаха, эконома архіерейскаго дома. Былъ священникъ и благочинный, овдовѣлъ, человѣкъ разумный и энергичный, достоинъ своего мѣста.

Тутъ былъ и о. архимандритъ. Разговоры шли живо, хотя впрочемъ мірскіе и полученые.

Входитъ къ намъ юродивая, Домна Карповна, извѣстная всему городу. Сперва она заговорила рѣчи непонятныя; между ними я отдѣлилъ только рѣчь: «не теряйте записокъ!» Это она мнѣ много разъ твердитъ и даже пишетъ въ письмахъ. Нужное слово! Отъ потери одной записки я едва не потерялъ всю службу (въ 50-хъ годахъ).

Потомъ она произнесла чисто и ясно два вопроса: 1. «Можно ли грѣшнику, состоящему подъ епитиміею, причащаться? 2. Можно ли причащаться черезъ мѣсяцъ?» Вопросы сіи я отношу къ себѣ: они суть и поученіе мнѣ, какъ понимаетъ моя совѣсть. (12 Сентября 1870 года, въ Перервинскомъ монастырѣ).

Она при томъ подарила мнѣ пучекъ зеленаго лука. А поутру, она же подарила мнѣ женскій черной матеріи теплый чепчикъ, довольно поношеный.

Домна Карповна Малороссіянка, женщина повидимому образованная, ссыльная, юродствуетъ уже болѣе десяти лѣтъ. Она не имѣетъ собственно одежды, а вся обложена лоскутьями и кусками матерій, бумаги, рогожъ, мѣшковъ, веревокъ, мочалъ.

Да дастъ ей Господь терпѣніе и мужество проходить избранный ею скорбный путь!

Она не живетъ въ домѣ, а на улицѣ, и большею частію въ папертяхъ церковныхъ. Такъ и зимою!

Отойдя отъ насъ въ переднюю, она запѣла мужественнымъ и нѣжнымъ женскимъ голосомъ: «Достойно есть яко воистинну блажити Тя Богородицу».... и ушла.

Здѣшній преосвященный Платонъ, Москвитянинъ родомъ, по фамиліи Троепольскій. Онъ былъ ректоромъ С.-Петербургской семинаріи.

Здѣсь ему семинаристы подарили трость камышевую (безъ колѣна). съ огромнымъ набалдашникомъ, сребро-позлащеннымъ, украшеннымъ камнями. А здѣсь граждане подарили ему тоже трость, изъ разныхъ яшмъ. Обѣ эти трости такъ высоки и толсты, что могутъ назваться чудовищными, и потому употреблять ихъ, кажется, нельзя. Однако это служитъ знаменіемъ уваженія къ преосвященному, которое надобно заслужить, а исторгнуть нельзя.

Подъ благовиднымъ предлогомъ обозрѣнія епархіи онъ уѣхалъ въ Алтайскія горы къ минеральнымъ водамъ у Барнаула лѣчиться.

Преосвященный Платонъ похваляется въ Томскѣ за искренность, ревность, безпристрастіе въ управленіи. Предшественники его уронили честь архіерейскую, особенно послѣдній, Алексѣй, опрометчивый, дерзкій, своенравный.

18-е число Іюня. Четвергъ. Св. Леонтія, Ипатія, Θеодула. Боголюбскія Божіей Матери.

Сегодня я предполагалъ выѣхать въ мой путь, но разстройство живота сдѣлалось опаснымъ и лишило возможности предпринять путь, по крайней мѣрѣ угрожало стыдомъ. Я остался; къ тому показался дождь, что́ здѣсь рѣдкость. Написалъ благодарственное письмо преосвященному Платону за пребываніе въ его домѣ. Былъ у литургіи.

Прочиталъ секретный указъ изъ Св. Синода преосвященному Порфирію (здѣшнему) отъ Февраля 1862 года, по дѣлу семинаріи Томской.

Преосвященный Порфирій, замѣтивъ, что въ отчетахъ о семинарскихъ суммахъ не упоминается а., о церковныхъ доходахъ (при семинаріи есть церковь), б., о суммѣ, собираемой съ своекоштныхъ семинаристовъ за содержаніе ихъ въ семинаріи, потребовалъ отчета и самыхъ суммъ по обѣимъ статьямъ. Это было среди Страстной недѣли. Предложеніе требовало представить то и другое на слѣдующій день (въ Великій Пятокъ или Субботу). Правленіе семинаріи, кромѣ прочаго, и по самой краткости времени, не могло выполнить приказанія. Началось дѣло. Ректоръ семинаріи (Веніаминъ) и инспекторъ (Владимиръ) въ это время уже были назначены: первый въ епископа-викарія въ Иркутскъ, второй инспекторомъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Преосвященный ихъ обоихъ задержалъ, нарядилъ коммисію изъ Томскихъ священниковъ, даже пригласилъ полицейскаго чиновника въ качествѣ свидѣтеля при произведеніи слѣдствія; вмѣстѣ съ симъ, пріостановивъ у обоихъ отцовъ ихъ жалованіе, назначилъ двѣ трети къ вычету въ пополненіе могущихъ открыться недочетовъ. Кромѣ сего остановилъ и самый ихъ выѣздъ изъ Томска по назначенію. Межъ

тѣмъ ректоръ и инспекторъ сами отъ себя послали прошеніе объ этомъ же въ Правленіе Казанской Духовной Академіи, которое, разсмотрѣвъ дѣло, составило опредѣленіе въ пользу просителей и представило оберъ-прокурору Сѵнода. Сѵнодъ, разсмотрѣвъ все это, нашелъ ректора и инспектора правыми и обиженными, а преосвященнаго заносчивымъ, оскорбителемъ и несправедливымъ.

Указъ изложилъ дѣло ясно, точно, подробно и наложилъ опредѣленіе степенно, правдиво, извлекши обвиненіе изъ сущности и обстоятельствъ дѣла. Вмѣстѣ съ этимъ дѣломъ посылались въ Сѵнодъ и другія частныя жалобы и злостные доносы на преосвященнаго Порфирія. Сѵнодъ назначилъ ревизію надъ дѣйствіями самого преосвященнаго. Ревизоромъ назначенъ Иркутскій преосвященный Парѳеній, предъ тѣмъ бывшій Томскимъ, оскорбленный преосвященнымъ Порфиріемъ, яко преемникомъ своимъ, который измѣнилъ и отмѣнилъ его нѣкоторые порядки и, можетъ быть, касавшимся чести и раціональности его управленія.

Ревизія произведена. Сѵнодъ, вслѣдъ за симъ, преосвященнаго Порфирія уволилъ отъ управленія епархіею.

Преосвященный Порфирій имѣлъ небольшую слабость невоздержанія, которое при такихъ обстоятельствахъ увеличилось. Онъ скончался отъ удара, полученнаго въ гостиной преемника его преосвященнаго Виталія, при которомъ дерзкій секретарь консисторіи, рѣчью *на ты*, поразилъ преосвященнаго Порфирія.

Его похоронили въ Томскѣ, во храмѣ Инокентіевой общины, который онъ освятилъ къ заложенію. Здѣсь его чтутъ. Онъ положенъ подъ алтаремъ на правой сторонѣ.

Прибавлю свое. Въ 1854 г. въ Февралѣ, когда я былъ уже назначенъ въ епископа, директоръ Духовно Учебнаго Управленія, Александръ Ивановичъ Карасевскій, хорошо знавшій меня съ 1838 года, спросилъ меня: «Кого бы вы желали на мѣсто ваше ректоромъ въ Ярославскую семинарію?» Я сперва сказалъ: не знаю, потому что служилъ далеко отъ центровъ управленія. Потомъ попросилъ времени подумать. Пріѣхавши домой, я спросилъ моего товарища по чредѣ, архимандрита Платона Ѳивейскаго, тогда бывшаго ректоромъ Владимирской семинаріи (нынѣ архіепископъ Костромской): «Кого бы рекомендовать?» Платонъ преубѣдительно сталъ просить меня, чтобъ я рекомендовалъ о. Порфирія, тогда бывшаго ректоромъ Тобольской семинаріи. Такъ я и сдѣлалъ, и о. Порфирій изъ Тобольска переведенъ въ Ярославль на мое мѣсто.

Съ этого случая я положилъ себѣ за строгое правило рекомендовать кому либо другого только того, кого я самъ достаточно знаю.

Преосвященный Порфирій изъ Ярославля скоро взятъ въ Москву викаріемъ къ великому Филарету (не знаю по какому поводу), но и скоро удаленъ былъ отъ него: Филаретъ началъ имъ тяготиться.

По моему мнѣнію и согласно опредѣленію Сунода, преосвященный Порфирій совершенно виноватъ въ дѣлѣ семинаріи. Ревность о казнѣ дурно прикрывала его ненависть къ начальству семинаріи и личную месть. Церковные доходы могутъ и не входить въ отчетъ семинаріи, который дается лишь по капиталу, полученному отъ казны по формальному расписанію. Во всякомъ случаѣ не надлежало спѣшить суровыми и грозными мѣрами ареста и слѣдствія, не объяснившись о дѣлѣ съ начальствомъ семинаріи словесно. Преосвященный Порфирій задержалъ на цѣлый годъ два лица, назначенныя высшимъ начальствомъ на другія высокія мѣста; это есть превышеніе власти въ высшемъ размѣрѣ.

Я былъ въ Томскѣ, проѣзжая на службу въ Красноярскъ, 30 и 31 Декабря 1861 года и 1 Января 1862 года (почти чрезъ годъ по событіи и лишь за мѣсяцъ до полученія о семъ указа изъ Сунода), и имѣлъ широкій диспутъ съ преосвященнымъ по сему дѣлу. Хотя исторію его передавалъ мнѣ самъ преосвященный, слѣдовательно съ украшеніемъ ея въ свою пользу, но я былъ совершенно противъ него и за семинарію, выговаривая ясно: «Тутъ месть, а не ревность. Дѣло не стоило такого шума. Казна не страдаетъ. Вы не уполномочены предрѣшать дѣло своимъ мнѣніемъ. Вы не имѣли права задерживать лица, назначенныя высшимъ начальствомъ къ другимъ должностямъ. Достаточно было, если вы, въ самомъ дѣлѣ, находите или предполагаете безпорядокъ, донести о немъ Св. Суноду».

Сегодня опять была у меня Домна Карповна. Принесла: а) баночку кутьи (бѣлая сладкая каша съ изюмомъ), б) просфору, в) побольше 20 копѣекъ мѣдныхъ денегъ разныхъ чекановъ, г) пучокъ зеленаго лука, обѣщая мнѣ *царство небесное*, среди непонятныхъ рѣчей.

Тутъ мнѣ напоминается смерть, покаяніе. Вразумляйся!

Въ 5 часовъ вечера, съ о. Лазаремъ, я ѣздилъ въ домъ купца Семена Ѳеофановича Хромова, у коего на дворѣ, въ особомъ домикѣ, прожилъ послѣдніе годы блаженный старецъ Ѳедоръ Козмичъ, скончавшіся въ глубокой старости 20 Января 1864 года. Домикъ съ небольшими сѣнями, одна горница съ тремя небольшими окнами на дворъ и въ садъ, печь съ лежанкою. Иконописные образа, лубочныя картины Св. Георгія Побѣдоносца (безъ коня), Николай Чудотворецъ съ мечомъ и храмомъ (Можайскій), два изображенія Аѳонскія Божія Матери.

Сего блаженнаго Ѳеодора, сужденнаго (кажется, въ Перми) за бродяжество и наказаннаго плетьми, сослали въ Сибирь на поселеніе

лѣтъ за 40 передъ симъ и болѣе. Ему назначена Томская губернія для водворенія. Сперва онъ жилъ въ Бѣлоярской станицѣ, Енисейской губерніи, на берегу рѣки Чулыма, въ 12 верстахъ отъ Ачинска. (Тамъ доселѣ остается его келія у благочестиваго казака. Я въ ней былъ. Родъ острога. Окна аршина три выше пола, маленькія, полусвѣтъ, печь съ лежанкою). Здѣсь есть его образъ, Итальянской живописи, и какой-то таинственный вензель, въ которомъ прежде всего видна буква *А*.

Удивительно: есть мнѣніе, якобы этотъ Ѳедоръ Козмичъ никто иной, а императоръ Александръ Павловичъ, сокрывшійся подъ именемъ бродяги изъ политическихъ и религіозныхъ цѣлей. Лѣта и время подходятъ *).

Ѳедоръ Козмичъ говорилъ рѣдко, въ тактъ, какъ бы считая слова свои или маршируя. Рѣчи простыя, но отборныя, чаще загадочныя. Онъ однако болѣе молчалъ, говорилъ въ нуждѣ и весьма мало.

Онъ ходилъ въ простой бѣлой крестьянской рубахѣ и нижнемъ платьѣ, лѣтомъ босой и безъ шапки. Велъ жизнь сокровенную, подвижническую. Просившимъ его наставленій либо отказывалъ, либо давалъ очень краткія, простыя, а чаще загадочныя. Въ самомъ началѣ политическихъ рѣчей прекращалъ разговоръ и какъ бы вспыхивалъ. Барабанъ и военная музыка приводили его въ оживленіе, сколько онъ ни старался это скрыть.

Ѳедоръ Козмичъ современенъ старцу Даніилу, скончавшемуся и погребенному въ женскомъ Енисейскомъ монастырѣ. Они и жили почти въ смежности одинъ съ другимъ: деревня Зерцало, въ коей подвизался блаженный Даніилъ, была въ верстѣ иль двухъ отъ Бѣлоярской станицы, хотя состоитъ въ Томской губерніи, а Бѣлоярская въ Енисейской.

Ѳедоръ Козмичъ искалъ сблизиться съ Даніиломъ, но сей послѣдній уклонялся и, кажется, не сходствовалъ съ нимъ въ понятіяхъ и правилахъ. У Ѳедора Козмича проглядывало Западъ-католичество; Даніилъ былъ чистѣйшій православный.

Хромовъ года за два предъ симъ нарочно ѣздилъ въ Петербургъ, имѣя желаніе испросить дозволеніе представиться Императору и объяснить мнѣніе о семъ Ѳедорѣ Козмичѣ. Былъ и въ дворцѣ, близъ ка-

---

*) Только у насъ въ Россіи, благодаря долгому господству историографическаго невѣжества, могло возникнуть такое загробное самозванство. Къ сожалѣнію, его поддерживалъ покойный Н. К. Шильдеръ и только потому, что однажды, когда онъ былъ въ горячечномъ бреду, Томскій старецъ явился передъ нимъ, яко бы въ очію; а М. И. Семевскій въ „Русской Старинѣ", всячески распространялъ эту басню, съ намеками о томъ, будто Александръ Павловичъ ушелъ въ Сибирь каяться въ томъ, что не далъ Россіи конституціи! П. Б.

бинета Государя, но не былъ допущенъ, потому что не хотѣлъ передать сихъ важныхъ рѣчей никому кромѣ Государя (чего требовали окружавшіе Государя).

Ѳедоръ Козмичъ, какъ сказано выше, погребенъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Вечеромъ, въ 11-мъ часу, когда я уже лежалъ въ постели, вторглась ко мнѣ Домна Карповна (ея не пустили), несла мнѣ рѣдьку: символъ горечи, какую мнѣ доводится встрѣтить въ жизни (я подумалъ).

19 число Іюля. Пятница. Ап. Іуды. Паисія Великаго.

Разстройство живота.

Я грустенъ. Но уже надобно было ѣхать. Примѣтно начинаютъ тяготиться.

Мнѣ пожелалъ сопутствовать до Казани и до Москвы іеродіаконъ Іустинъ, изъ Пензенскихъ, какъ-то сюда зашедшій. Ему меньше 30 лѣтъ. Предался нетрезвости. Имъ начали тяготиться и угрожать высылкою въ Пензу.

Я позвалъ его къ себѣ. Предложилъ довести его даромъ до Москвы, если онъ согласится прислуживать мнѣ въ дорогѣ. Онъ согласился, и я рядъ, прося его не предаваться своей слабости въ пути.

Погода разгулялась. Послѣ вчерашняго обильнаго дождя свѣжо и благоухаетъ, но въ воздухѣ сухая-мгла-изгарь. (Она будетъ меня преслѣдовать почти до Москвы).

Городъ Томскъ едва-ли не лучшій всѣхъ въ Сибири (кромѣ Екатеринбурга), съ двадцатью тысячами жителей, расположенъ на высокомъ берегу (правомъ) величественной рѣки *Томи*, вытекающей изъ Алтайскихъ горъ (верстъ до 500 отсюда). Рѣка сажень 100, свѣтлая, несется быстро, берега чистые.

Рѣка Томь впадаетъ въ Обь. Изъ Томска заведено пароходство до Тюмени, черезъ рѣки Томь, Обь, Иртышъ, Тоболъ и Туранъ. Симъ на 1500 верстъ облегчается сухопутное движеніе.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА *).

V. Отъ Томска до Омска.

Я выѣхалъ изъ Томска пополудни. День хорошій. Меня провожали архимандритъ Викторъ и о. Лазарь. Перевозъ чрезъ рѣку хорошій. Для меня была приготовлена особая ладія, украшенная флагами и съ полдюжиною гребцовъ въ красныхъ рубахахъ; но я нашелъ излишнимъ для себя это великолѣпіе и не зналъ отъ кого оно: потому я сталъ на паромѣ, гдѣ моя повозка.

Мы лишь переплыли рѣку, подъѣхалъ ректоръ Семинаріи архимандритъ Моисей, опоздавшій; махаетъ руками (ибо слышать нельзя), умоляя обождать его; сѣлъ въ изукрашенную ладію, что̀ была приготовлена для меня, быстро переплылъ и палъ мнѣ въ ноги, прощаясь и умоляя меня простить ему нанесенныя имъ мнѣ оскорбленія. Я понялъ мольбу. Человѣкъ, сознавшій свои противъ меня неправды, боится, чтобъ я, пріѣхавши въ Россію, къ центрамъ властей, не сталъ мстить ему. Однакожъ входить въ объясненія по сему дѣлу въ этомъ мѣстѣ, среди постороннихъ, мнѣ казалось неприличнымъ. Я только повторялъ: «Прощаю, успокойтесь. Не повторяйте только въ другой разъ допущенной погрѣшности».

Ученики Красноярскаго Духовнаго Училища, за неимѣніемъ Семинаріи въ своей епархіи, переходятъ въ Томскую Семинарію, яко сосѣднюю. Въ одинъ разъ (въ 1866 году) изъ двадцатипяти учениковъ, посланныхъ нами въ Томскую Семинарію, приняли только шесть учениковъ; прочіе 19 должны были возвратиться обратно, на пространствѣ 550 верстъ, безъ денегъ, безъ одежды и обуви, въ суровую осень. Это было безчеловѣчно и безразсудно. Я пожаловался Св. Сѵноду. Къ счастію Семинарскихъ дѣло все взвалили на архіерея, который лежалъ на одрѣ смертномъ и скончался въ Ноябрѣ того года. Въ семъ-то дѣлѣ ректоръ считалъ себя виновнымъ предо мною.

---

*) См. выше, стр. 220.

(Я написалъ ему письмо изъ Перервы, въ Августѣ, которымъ снова успокоивалъ его, вразумляя, чтобы не поддавался внушеніямъ меньшихъ, а держалъ свой умъ и былъ правдивъ въ дѣйствіи).

Мы простились, и я поѣхалъ далѣе. Дорога шла по берегу (лѣвому) Томи, навстрѣчу ей. Мы любовались красивыми высотами праваго берега ея и вообще обширными видами на окрестность и большую рѣку, разстилавшуюся въ виду нашемъ.

1. Станція—деревня *Колтайская* (или Кол...) на холмѣ, Татарская. И станціонный домъ Татарскій. Здѣсь мнѣ оказалъ грубость писарь, сказавъ на мои понужденія подавать лошадей: «Погодите; я спрошу еще хозяина, должно ли записывать вашу подорожную и должно ли давать вамъ почтовыхъ лошадей». Я велѣлъ позвать хозяина. Увидѣвши мою подорожную, онъ сталъ мнѣ кланяться, велѣлъ тотчасъ подавать лошадей и умиленно смотрѣлъ на меня, боясь, не написалъ бы я въ книгу сіе мнѣ оскорбленіе.

2. Станція *Варюхина*,—опять деревня, Русская. Къ стыду Русскихъ можно ставить въ далекомъ предпочтеніи Татарскія селенія предъ Русскими. Улица широкая, чистая, гнусной скотины на улицѣ нѣтъ. Постройка чистая, широкая, величавая. Даже дворы—чистая площадь. Вообще и самъ Татаринъ князекъ и видимо подавляетъ собою Русскаго. Не хилое ли и вялое наше Русское племя? Весь свѣтъ презираетъ Русскихъ! Нѣтъ; я думаю, что мы очень уступчивы не отъ слабости, а по убѣжденію, ради добродѣтели, и дозволяемъ властвовать надъ собою изъ смиренія.

Всѣ эти три станціи налѣво виднѣлась рѣка Томь. Дорога, сперва грязная, потомъ песчаная, но ѣхали живо.

3. Село *Проскоково*. Здѣсь ночуемъ въ хорошемъ крестьянскомъ домѣ во 2-мъ этажѣ. Хозяйка, набожная старушка, поставила намъ блюдо земляники и молока. Отличный хлѣбъ.

Разстройство живота не утихаетъ. Это мнѣ мученіе и стыдъ.... А я едва стою на ногахъ моихъ больныхъ и хилыхъ: эй, до слезъ плачевно было мое положеніе.

Село огромное (по Сибирскомъ обычаю), больше версты. Церковь на противоположномъ концѣ села и съ боку.

20-е число Іюня. Суббота. Св. Меводія Патарскаго.

Ѣдемъ, помолясь Богу, въ 7 часовъ. Сосны и лиственницы скрылись: ихъ нѣтъ. Видимъ березовыя рощицы.

На телеграфномъ столбѣ сидитъ орелъ и не поднялся, когда мы проѣзжали мимо него, не изъ большихъ, желтовато бѣлаго пера.

1. Станція *Болотное*—село. Приходилъ священникъ Илія Іонычъ Изосимовъ, среднихъ лѣтъ, въ синихъ очкахъ (символъ нигилиста, хотя онъ этого, конечно, не знаетъ), разумный, кажется, изъ Русскихъ.

Запищали колеса. Переднее, слабѣетъ втулка. Заднее дурно поставлено.

Священникъ попросилъ дозволенія для меня прозвонить.

2. Станція *Чебулинская*—деревня. Плохая. Напился квасу.

3. Станція *Ояшинское*—село, большое. Каменная церковь. Хорошая рѣка. Два спуска съ тормазомъ, большія горы. Обѣдаемъ (яица всмятку, молоко).

4. Станція *Ташаринская*—деревня. Дѣвочка 11-ти лѣтъ, Ирина, принесла тарелку земляники, поѣлъ немного, остальное возвратилъ. Вмѣсто 6-ти копѣекъ я ей далъ десять, а когда она сказала: «Отецъ мой въ работникахъ, а мать коситъ», я ей далъ еще 20 копѣекъ.

Выглянула величественная рѣка *Обь*.

5. *Дубровно*—село. Деревянная маленькая церковь и село небольшое, на правомъ берегу Оби.

(Тутъ я видѣлъ мужественнаго крестьянина, но пораженнаго разслабленіемъ, едва передвигаетъ ноги. Простудился).

Насъ переправили черезъ Обь на хорошемъ паромѣ (въ двѣ сплоченныя ладіи) въ 20 минутъ. Кормчій безпрестанно давалъ приказанія звонкимъ тенористымъ голосомъ, кажется, изъ щегольства и для выраженія восторга, перевозить архіерея! Причеты матросскіе: «откалывай! отваливай! разъ! дружно! ударь! хорошо ударь!» Я любовался.

Далъ рубль, чувствительно благодарили.

Ширина Оби здѣсь 700 сажень (сказали). Берега не высоки, скатисты. Оба въ лѣсу. Два острова, впереди и назади. Рѣка течетъ тихо. Вода мутная (бѣлесая), я умылся ею и напился на память. Взялъ камешекъ со дна. Переѣздъ 20 минутъ.

Внизъ потекла Обь въ густомъ бору и довольно высокихъ берегахъ. Какой угрюмый, сумрачный проспектъ, широкій, молчаливый.

При переѣздѣ черезъ рѣку висѣли тучи и покрапывалъ дождь. Крестились. Здѣсь засуха. Все гибнетъ. Сухая, ѣдкая, синяя мгла. Народъ въ унынін.

6. Станція *Орской* (не *Обской* ли) *боръ*,—деревня плохая. Ѣхали кустарнымъ лѣсомъ. Выглядывала великая Обь.

7. Городъ *Колывань*. Здѣсь ночуемъ.

21-е число Іюня. Воскресеніе. Св. Іуліана Тарскаго.

Ночевалъ на станціи. Почетный смотритель, Николай Михайловичъ Свекловъ (да будетъ благословенно имя его), принялъ меня съ

любовію и самымъ глубокимъ и сердечнымъ уваженіемъ. Хотя онъ человѣкъ молодой и, повидимому, совершенно свѣтскій, онъ уступилъ мнѣ свои комнаты, приготовилъ хорошую уху (здѣсь Обь). Я всталъ рано. Написалъ письмо въ Красноярскъ.

Желательно было отстоять литургію въ сей день воскресный, а однако не рѣшился, главное потому, что продолжается крайнее и опасное разстройство живота (хотя, повидимому, не изнуряетъ здравія). Церковь притомъ въ полуверстѣ (при моихъ хилыхъ ногахъ это великій трудъ), и обѣдня еще не начиналась.

Я поѣхалъ въ 6 часовъ утра.

1. Станція *Тарышкино*—село. Хорошая деревянная церковь. Благовѣсты и звоны къ литургіи. Мы остановились на станціи; она противъ церкви (хорошая площадь) пить чай.

Я думалъ, что литургія уже началась и прошла часть ея; потому, и лишь выжидая почту, я сѣлъ за чай. Межъ тѣмъ, выѣзжая, встрѣченъ былъ священникомъ съ причетникомъ; кажется, они ждали меня въ церковь. Жалѣю.

Священникъ, немного свыше 30 лѣтъ, бравый, свѣжій, расторопный, смѣлый, рѣчистый (безъ сомнѣнія изъ ученыхъ), Алексѣй Даниловичъ Изволинъ, велъ со мною рѣчи правильно, ясно, съ подобающимъ уваженіемъ. Подошла и жена его, съ двумя или тремя мелкими дѣтьми своими, и благоговѣйно просила себѣ и дѣтямъ благословенія. Счастливое семейство. Разумный мужъ. Цѣломудренная жена. Но меня тутъ же окружили переселенцы, проѣзжающіе изъ Воронежа на Амуръ, съ своимъ житьемъ, съ женами и дѣтьми. Крайне я погрустилъ о нихъ тайно: ѣдутъ на великія страданія и лишенія. Ихъ ограбятъ и притѣснятъ эти скорпіоны, называемые земскими чинами; посадятъ ихъ въ болото, на пески, на скалы, въ овраги, забросятъ въ чащи лѣсовъ, удалятъ отъ рѣки, стѣснятъ, обрѣзавъ кругомъ ихъ лучшую землю, подавятъ поборами и налогами. Защиты нѣтъ! Только терпѣніе и слезы! Это я только и слышалъ, когда достигали до меня вѣсти съ Амура. Это отчасти я видѣлъ и въ Енисейской губерніи.

Они спросили меня: «далеко ли отсюда до Амура?» Я имъ отвѣчалъ: «столько же, сколько вы отъѣхали отъ своей родины до этихъ мѣстъ; вы проѣхали половину». Мужички ужаснулись. Я далъ имъ три рубля. Они ѣдутъ на волахъ. Повозокъ 50—70. Обносились, загорѣли; дѣти вялы и унылы.

Тутъ же мы догнали вдову чиновника съ тремя малыми дѣтьми: ѣдетъ на родину въ Одессу! Кажется, мужъ ея служилъ въ Енисейской губерніи. Да, лучше ѣхать. Лишь-бы дотянуть до Перми. Тамъ не умретъ съ голода. А въ Сибири женщинѣ-вдовѣ съ дѣтьми, привил-

легированной, бѣда! Безъ смерти смерть! (Иванъ Семеновичъ Савостьяновъ, то ли покойный мужъ ея, то ли родной въ Одессѣ, къ которому она ѣдетъ).

2 станція *Крутые Лога*, село. Службы нѣтъ. Священникъ изъ Воронежскихъ, неученый (родичь преосвященнаго Парѳенія и имъ вызванный), какой-то корявый. Есть починка въ церкви.

Вчера видѣли три орла и сегодня уже одного видѣли. Смѣлы: сидятъ и глядятъ на проѣзжающихъ; поднимаются же, когда самимъ вздумается. Очень велики крылья у орловъ. На струну телеграфа садится кукушка и долго перелетаетъ впередъ насъ.

Объѣзжали мы проводящихъ табуны лошадей на какую-то ярмарку: гордые, свирѣпые, будто вызываютъ на брань и драку. Кажется, раскольники.

Собралась туча на небѣ, кануло нѣсколько капель, и только.

3 станція *Овчинниково*. Кажется, деревня. Здѣсь поворотъ налѣво въ Барнаулъ.

Вчера проѣхалъ, въ обратный путь, въ Омскъ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири, бывшій въ Барнаулѣ съ губернаторомъ Томскимъ. Въ окрестностяхъ Барнаула было возстаніе крестьянъ, которое укротить сочли нужнымъ воинскою силою: навалены кучи убитыхъ крестьянъ, разграблены и сожжены цѣлыя селенія. Дѣло изъ за надѣла землею.

Крестьяне въ окрестностяхъ Барнаула были приписаны къ казеннымъ плавильнымъ заводамъ, здѣсь находящимся. Они были тоже, что́ крѣпостные крестьяне въ Россіи у бояръ. Когда, въ 1861 году, освободили боярскихъ крестьянъ, то по примѣру ихъ, черезъ годъ, или два-три, положили освободить и заводскихъ крестьянъ въ Сибири отъ зависимости отъ заводовъ. За тѣмъ и относительно надѣла землею этихъ крестьянъ постановлены правила, сходныя съ боярскими крестьянами. Тутъ-то и вышла смута. Чины, производившіе отмежеваніе земли для заводскихъ крестьянъ, отрѣзали отъ нихъ наибольшую и лучшую часть земли и оставили имъ долю недостаточную для пропитанія и самую дурную часть (такъ жалуются крестьяне). Крестьяне сперва жаловались, умоляли, составляли депутаціи къ начальствамъ, говорили: «оставьте намъ по крайней мѣрѣ тѣ земли, коими мы владѣли, состоя подъ заводомъ». Ихъ изгоняли, грозили, потомъ стали сажать въ тюрьмы, морить, сѣчь розгами. Крестьяне ожесточились. Припялись за дубинки (говорятъ чины). Тогда-то пущена воинская команда, и крестьяне усмирены оружіемъ. Однако нѣкоторымъ изъ нихъ удалось ускользнуть отъ сихъ тирановъ; они дошли до Петербурга; тамъ ихъ жалоба

выслушана. Потребовались дознанія. И вотъ, вѣроятно, генералъ-губернаторъ, исполняя предписаніе высшихъ, ѣздилъ обозрѣть на мѣстѣ дѣло.

Похоже было въ Казанской губерніи. Тогда говорили, что побоище крестьянъ было преждевременно, не выслушавши жалобы крестьянъ, и напрасно; потому что крестьяне не думали противиться силой, а хотѣли достаточно удостовѣриться, что новыя распоряженія, обрѣзывающія ихъ поля для бояръ, была точная и прямая воля Государя. Конечно, тоже было и у Барнаульскихъ крестьянъ.

Не говоря ничего другого, я не могу не сказать: стѣсненіе Барнаульскихъ крестьянъ, по моему, есть сущее и напрасное ругательство надъ крестьянами. Почему не отдать имъ ту землю, какою они уже владѣли? Кому она нужна теперь, когда была не нужна тогда? Боринъ дорожитъ каждою полосою земли: она есть его капиталъ. Казна для чего дорожитъ полосами, ей вовсе не нужными, при томъ въ Сибири, гдѣ милліоны квадратныхъ верстъ земли лежатъ нетронутые, и гдѣ, около Барнаула, гдѣ живутъ около 100,000 заводскихъ крестьянъ, можно безъ сомнѣнія поселить еще полмилліона душъ? По сему въ чинахъ я вижу ругательство надъ крестьянами и преступное притѣсненіе ихъ безъ правъ и безъ пользы для казны.

4 станція *Сектинская*, деревня, у озера. На немъ острова (отселѣ начинаются озера). Со мною вела разговоръ женщина смѣлая и разумная, объ озерѣ, о засухѣ. Здѣсь мы опять догнали почту.

Вечеръ. По улицѣ гуляютъ молодые крестьяне обоего пола, по-праздничному одѣтые. Пьяныхъ, кажется, не видалъ.

5 станція *Иткульское* село, деревянная церковь во имя св. Димитрія Солунскаго. Дьячекъ карло. Село при двухъ озерахъ: налѣво верстъ восемь длину и до пяти въ ширину, направо съ версту. Оба озера какъ бы безъ береговъ, вода солоноватая, убавляется и портится, дѣлаясь болѣе и болѣе солоноватою. Теперь водятся только караси, а прежде были и щуки.

Ѣдучи, встрѣтилъ обозъ Вятскихъ крестьянъ, поселившихся было въ Енисейской губерніи, въ окрестности села Аманатъ (Канскаго округа), но бросившихъ мѣсто, хорошее, обширное, лѣсистое. Можетъ быть, тоска по родинѣ, а вѣроятно и притѣсненія отъ земскихъ чиновъ, которое терпятъ бѣдные Сибиряки и какого здѣсь въ Россіи не испытываютъ. Крестьяне изъ Нолинскаго уѣзда, а тамъ раскольники. Можетъ быть, и поэтому соскучились Вотяки: въ Енисейской губерніи нѣтъ раскола, и его крестьяне ненавидятъ.

Я подозвалъ одного крестьянина, поговорилъ, пожалѣлъ о ихъ глупости (въ Вяткѣ великая тѣснота въ землѣ) и далъ рубль. Крестьянинъ возразилъ: «не грѣшно ли?» я убѣдилъ. (Не знаю, какъ понять

отвѣтъ сей: а, *не грѣшно-ли* принять милостыню отъ архіерея, какъ отъ *еретика*; или, по смиренству, не *грѣшно-ли* принять милостыню *непрошеную* и *пока безъ надобности*).

6 станція *Карапская Дуброва*. Кажется, деревня. Здѣсь ночуемъ на земской квартирѣ. На почтовой станціи ждутъ Томскаго губернатора, возвращающагося отъ проводъ генералъ-губернатора своего.

Ѣдемъ по Барабѣ. Ни овражка, ни бугорка, ни ручья, ни рѣчки. Равнина болотистая, солонцоватая. Озера большія и малыя и всѣ солоноватыя; либо вовсе безъ рыбы, либо съ одними карасями. Дорога поправкою только изрыта и испорчена. Страшная толкотня, стараются ѣхать по бокамъ. Удивляюсь небрежности! Даже и начальниковъ своихъ возятъ по этой безчестной дорогѣ (траты силъ и денегъ большія).

Здѣсь только березы, и то кустарныя или искрпвленныя трогапіемъ (скотиною, людьми) или опаленныя. И здѣсь свирѣпствуетъ пàла: жгутъ безщадно все, поле, лугъ, болото, кустарникъ, лѣсъ, все что̀ видитъ глазъ. За неимѣніемъ краснаго лѣса, всѣ постройки здѣсь изъ березы, даже дома; оттого видъ здѣшнихъ селевій грустный, мизерный, корявый. Хотя мы ѣдемъ болотами, но поелику дождей не было, то шероховатая полукаменная (съ солью) грязь дѣлаетъ дорогу истинною казнію: толчки и толчки.

Здѣсь не лѣса, а куртинки ихъ, виднѣющіяся по бокамъ: это, кажется, дача крестьянина того, другого, третьяго, оставляющаго сіи кустарники на свой обиходъ. Строевого же березоваго лѣса на дорогѣ и вдали я не видалъ; за нимъ ѣздятъ далеко.

Въ воздухѣ сухая, синяя, вонючая мгла. Печальный видъ!

NB. Замѣтье: *Карпа*-тская дубрава. Это отъ *карги*, т. е. пни, излома, уродованія тычинъ обгорѣлыхъ лѣса. По Сибири есть сотни селевій отъ *карги*. Тѣмъ Сибиряки даютъ потомству память о себѣ, что они всю прекраснѣйшую растительность Сибири обратили въ *карги*, во пни и тычины, изуродовавъ ее пàлами, потѣшнымъ рубленіемъ, зарубками, изломами, обдираніемъ коры и всякимъ дикимъ и безобразнымъ терзаніемъ. Затѣмъ, загадивши и изуродовавъ мѣсто, сами тутъ же селятся на своихъ *каргахъ*.

Мы стали встрѣчать Сибирскую саранчу. Ее зовутъ *кобылка*. Она прыгаетъ, а не летаетъ. Поменьше кузнечика. Она тоже, что̀ саранча. Губитъ посѣвы начисто и съ соломою.

По моему мнѣнію, кобылка отъ паловъ, которые дѣлаютъ засуху.

22-е число Іюня, Понедѣльникъ. Св. Евсевія Самоса.

Крестьянинъ Андрей, гдѣ мы ночевали, добрый и богобоязненный. Въ этой деревнѣ занимаются разведеніемъ и продажею лошадей. Бѣд-

ный имѣетъ десять, а богатые 50 лошадей и болѣе. Въ послѣдніе годы падежъ разорилъ, по крайней мѣрѣ сдѣлалъ бѣднымп и тощими почти всѣхъ.

Хотя я не вставалъ во всю ночь (что́ очень рѣдко), но спалъ тревожно. Боялся и предчувствовалъ ударъ. Почти всю ночь терзательно выла собака подъ самымъ окномъ. И въ отдаленіп тоже выли собаки. Это еще болѣе меня смущало.

Всталъ, помолился, прочиталъ 6 главъ Новаго Завѣта п каѳизму (симъ я старался въ дорогѣ пополнять пустоту празднаго времени). Чувствую, приближается, какъ туча, *онѣмѣніе*. Я вышелъ на дворъ, чтобъ освѣжиться, затрясся, лѣвая сторона нѣмѣетъ, нога не движется, и рука костѣнѣетъ. Я закричалъ Ѳедору. Онъ довелъ меня до комнаты. Пришелъ, посидѣлъ, проплакалъ. Стало проходить и прошло онѣмѣніе. Я перекрестился, грустно сѣлъ на повозку, и поѣхали. Предаюсь волѣ Божіей, а ѣхать должно. Но, слава Богу, до плаванія моего на пароходѣ, въ Іюлѣ, подобнаго со мной не случилось. Ѣдучи видимъ журавлей, прогуливающихся по полямъ и у соленыхъ болотъ, куликовъ, кукушекъ, ястребовъ.

(Меня все это занимаетъ, какъ ребенка, потому что въ Красноярскѣ ничего этого нѣтъ).

Вчера вечеромъ, въ Воскресеніе, я видѣлъ на улицѣ крестьянъ гуляющихъ и гурьбами и порознь, и кучами стоящихъ, и сидящихъ около хорошаго дома. Крестьяне въ бѣлыхъ рубахахъ (слѣдовательно сѣютъ ленъ, чего нѣтъ въ Енисейской губерніи), женщины въ ситцахъ яркихъ цвѣтовъ. Пѣсни здѣсь (во всей Сибири) почти не поютъ и, кажется, не знаютъ ихъ. Мнѣ пріятно было видѣть покрой женскихъ платьевъ и всего ихъ одѣянія. Напрасно предаются обнаженіямъ и нецѣломудреннымъ одѣяніямъ женщины привилегированныхъ классовъ! У крестьянъ одѣяніе красиво, соотвѣтственно корпусу женскому, но совершенно цѣломудренно: стыдъ стражемъ всего ихъ одѣянія.

Ѣдемъ грустными обожженными полями, кустарниками и рощицами березовыми: низменныя, суковатыя, хилыя и рѣдкія. Мѣстность ровная, болотистая, солонцоватая; по причинѣ засухи, земля жесткая и сухая. Въ воздухѣ синій сухой дымъ-изгарь: жарко. Встрѣтили озеро *Канкуль* (Татарское названіе) 8 верстъ длины, 5 ширины, съ плоскими берегами, солонцеватое; есть караси.

1 станція *Карлатскій Форъ*(по-нѣмецки) или *Фаръ* (по-голландски) *постъ*. Село. Опять *карлы* (смот. выше). Форъ или Фаръ-посты суть памятники: а) первоначальнаго заселенія Русскихъ; б) мѣсто границы и предѣлъ владѣнія Сибирью во времена Петра или за 100 лѣтъ.

Нынѣ границы Русскаго владѣнія на этой мѣстности на тысячу верстъ южнѣе.

Ждутъ возвратнаго проѣзда губернатора. Пьемъ чай. Дѣвица Тальма, Киргизскаго рода, подошла ко мнѣ съ просьбою. Мѣсяца два предъ симъ, она подала прошеніе въ Консисторію Томскую, изъявляя желаніе принять христіанство (она магометанка), но отвѣта не получила. Слѣдовательно, меня она желала имѣть ходатаемъ по ея дѣлу, даже рѣшителемъ (ей растолковали, что я архіерей). Я далъ ей слово, что буду за нее ходатайствовать у Томскаго преосвященнаго. (Я это исполнилъ, либо изъ Омска, либо изъ Тобольска).

Тутъ религія смѣшивается съ земными видами. Тальма эта похищена Киргизомъ, конечно, и съ ея согласія. У нея есть уже дочь. Но родители ея угрожаютъ ей судомъ или силою исторгнуть ее отъ похитившаго. Опасаясь сего, Тальма рѣшилась быть христіанкою, къ тому склонила и мужа, съ тѣмъ, чтобы по крещеніи сочетаться христіанскимъ бракомъ, о которомъ Киргизы знаютъ, что онъ *нерасторжимъ*. Тальма лѣтъ 20-ти, правильное женское лицо, смѣлая женщина, цвѣтущая здравіемъ.

Ѣдемъ. Видимъ камыши (и безъ воды), смородину (въ Сибири смородина вездѣ. Ее надобно кажется звать *самородина*, т. е. ягода, рождающаяся *сама*, безъ ухода человѣка).

2 станція *Каргинская*. Кажется деревня (опять *карга*).

На проѣздѣ этой станціи встрѣтился губернаторъ Томскій, возвращающійся отъ проводовъ своего генералъ-губернатора. За нимъ мчится исправникъ. Ѣзда по обычаю Сибири *отчаянно* быстрая. Тѣмъ здѣсь отличаются власти отъ простыхъ проѣзжающихъ, и чѣмъ выше власть, тѣмъ ѣзда быстрѣе.

Здѣсь я далъ право получить мое золотое перо, забытое на станціи, гдѣ я ночевалъ, здѣшнему смотрителю.

3 станція *Убинское*. Село. Церковь изъ березы, маленькая. Священникъ здѣсь молодой — овдовѣлъ. Просилъ у преосвященнаго жениться въ другой разъ и быть у преосвященнаго иподіакономъ. Преосвященный отказалъ. Священникъ предался пьянству, не служитъ. Подалъ прошеніе о сложеніи съ себя сана. (Такъ мнѣ разсказалъ смотритель станціи). Сколько тутъ вины въ священникѣ и въ порядкахъ благочинія церковнаго, разсудитъ Богъ. Хотя впрочемъ священникъ ничѣмъ себя не обезвинитъ. *Богъ бо нѣсть искуситель злымъ, не искушаетъ же Той никого же.*

Пораньше сего села, на правой (сѣверной) сторонѣ, началось огромное озеро *Убинское*, имѣющее въ длину до 60 верстъ и до 30 въ ширину. Его здѣсь называютъ моремъ. Жаль, я чуть его видѣлъ

(заслоняется кустарникомъ). Отъ села Убинскаго озеро уже удалено на 12 верстъ. Въ семъ, по преимуществу, озерѣ ловятъ карасей; ихъ сушатъ или вялятъ, потомъ нанизываютъ на палочки (очень исусно и красиво (по сотнямъ) и продаютъ. На Камѣ или Волгѣ я видѣлъ цѣлую баржу, нагруженную сими столбиками карасей, въ родѣ скирда; и по Сибири, тамъ и здѣсь, видимъ же въ продажѣ и въ ѣдѣ этихъ карасей, однакоже очень грязно и грубо приготовленныхъ. Мнѣ сказывали, что тутъ есть караси до 10 фунтовъ (обыкновенно же въ 5—6 вершковъ длиною эти караси)

Село Убинское имѣетъ свое небольшое озеро въ три версты, подъ своими гумнами.

Чадъ-изгарь синяя въ воздухѣ, скрывается окрестность. Несносный жаръ. Засуха. Пауты (по-русски—слѣпни, однако другого вида, ярко-желтые, рубчиками, голова зеленая) начали безпокоить. Беремъ вѣтку дерева, отмахиваемся. Особенно страшно нападаютъ на лошадей, съ 9 часовъ утра до 5, 6, 7-ми вечера.

Смотритель вѣжливый, разговорчивый, уважительный.

4 станція *Комлаково*—село (почти Комлево, моя родина). Здѣсь мнѣ разсказали о возстаніи заводскихъ крестьянъ около Барнаула нѣсколько иначе. Ихъ увлекъ и обманулъ писарь. Они не стали платить подати (которой они не платили, бывши подъ крѣпостію заводовъ), несправедливо полагая, что имъ дана льгота и въ этомъ. Мировой судья, по обычаю Русскихъ властей, не потрудясь спокойно разувѣрить ихъ, хотѣлъ ихъ наказывать. Крестьяне самого его хотѣли посадить въ анбаръ. Судья ускользнулъ (ему, конечно, это дозволили крестьяне), пріѣхалъ въ Томскъ, донесъ губернатору о упорствѣ и возстаніи крестьянъ, а сей послалъ отрядъ воиновъ, который произвелъ надъ безоружными великое побоище: стрѣляли безъ разбора въ стариковъ и молодыхъ, въ мужской полъ и женскій, даже въ дѣтей; жгли и грабили дома и селенія. Затѣмъ болѣе 200 человѣкъ посадили въ острогъ. Три крестьянина ускользнули однакоже отъ побоища, достигли Петербурга, пожаловались Государю. Началось изслѣдованіе. За этимъ и ѣздилъ генералъ-губернаторъ. Остается на совѣсти тѣхъ, кто мнѣ это разсказалъ: такъ ли это дѣло было и таково ли значеніе его. Скажу однако свои мысли.

Первое. Въ Сибири, такъ называемая *власть*, сверху и до низу, отъ губернатора до послѣдняго писаря—суть *цари* (какъ я ихъ называю), т. е. повелѣваютъ, и все предъ ними преклоняется. Бѣдный крестьянинъ есть въ ихъ понятіяхъ животное, его не удостоиваютъ и имени человѣка. Ему нѣтъ защиты въ Сибири; его рѣчей, жалобъ не

примутъ, либо ему же обратятъ въ кару. (Бываютъ явленія правосудія и защиты, но онѣ слишкомъ рѣдки и едва слышимы).

Второе. Подати или налоги нынѣ такъ пріумножены, что, слагая ихъ вмѣстѣ, крестьянинъ платитъ въ годъ за одну душу болѣе 30 рублей; а если у него въ домѣ три, четыре, пять душъ и притомъ нерабочихъ (старикъ-отецъ, малолѣтнія дѣти), то ему надобно внести 100 рублей и болѣе. Гдѣ ихъ возьметъ крестьянъ въ Сибири? А и ему самому чѣмъ же жить? Изъ сего можно понять, что неплатежъ столь высокихъ податей есть не упорство, а сущая невозможность. Стоило бы о семъ поразмыслить высокимъ властямъ.

5 станція *Осиновые Колки*—село. Здѣсь ночуемъ. По рекомендаціи ямщика я хотѣлъ было остановиться переночевать у купца. Остановились противъ дома его (большой, новый, красивый). Я послалъ Ѳедора попроситься. Подъ окнами на улицѣ сидитъ почти старикъ, съ свирѣпымъ видомъ. На просьбу Ѳедора отвѣтилъ: «Нѣтъ дома хозяина». Межъ тѣмъ онъ самъ и есть хозяинъ. Ямщикъ пригрустилъ, видя меня обезчещеннымъ. «Извините, владыка, сказалъ онъ. Это самъ хозяинъ. У него точно обыкновенно ночуютъ бояре. Онъ васъ не принялъ видно потому, что онъ раскольникъ». Такъ врагъ Божій омрачаетъ совѣсть отпадшихъ отъ церкви. Духовный человѣкъ напоминаетъ ему его безуміе и молча. Мы поѣхали на станцію. Тутъ ночевали покойно. Ночевалъ еще офицеръ съ женою, тоже проѣзжающій.

23 число Іюня. Вторникъ. Св. Агриппины. Владимирскія Божія Матери.

Меня преслѣдуетъ разстройство живота. Безпокойство и стыдъ.

Во снѣ: 1) Я покусился снять драгоцѣнный вѣнецъ съ образа (кажется, Спасителя) въ ризницѣ Черниговскаго каѳедральнаго собора, готовясь и къ отвѣту за сіе, въ предположеніи оправдать себя (не знаю, чѣмъ). 2) Просыпаясь, пою: «Спаси ны, Утѣшителю Благій, поющія Ти аллилуія».

(И тогда не понялъ и теперь не понимаю, что́ суть сіи видѣнія; но здѣсь, въ Перервѣ, въ домовую мою церковь назначаютъ образъ *Черниговскія* Божія Матери. 26-го Сентября 1870 года). Буди мнѣ милостивъ, Господи!

На этой станціи я увидѣлъ ласточекъ, которыя подъ кровлями жилищъ вьютъ свои земляныя гнѣзда. Давно невиданное мною зрѣлище.

(Мнѣ дали замѣтить, что съ появленія холеры эти райскія птички сокрылись. И я точно почти не видывалъ ихъ съ того времени, т. е съ 1830 года).

Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Каинскъ.* Купеческій двухъэтажный домъ, съ широкимъ дворомъ. Самъ хозяинъ и управляетъ домомъ.

Ко мнѣ явились гражданскіе чины въ мундирахъ. Обращеніе вѣжливое, искренняя готовность быть чѣмъ можно полезнымъ. Потомъ два священника: служившій сегодня литургію(она лишь отошла) съ просфорою. Оба среднихъ лѣтъ. Почтительные, видъ степенный, на лицахъ покой и довольство. Слава Богу! Протоіерея (третья духовная особа) нѣтъ въ городѣ: въ объѣздѣ по благочинію.

Мнѣ, по моему желанію, отыскали сироту, дочь священника Евгенія Иконникова, скончавшагося въ Туруханскѣ (съ годъ предъ симъ). Скоро она пришла ко мнѣ съ своею родственницею, женщиною свѣтскою, степенною и разумною. Отроковица 16 лѣтъ. Пріятной наружности. Одѣта весьма прилично. Здравіе и довольство на лицѣ ея. Я объяснилъ ей, при всѣхъ, тутъ бывшихъ, что ея предположили въ Енисейской Консисторіи перечислить въ эту Томскую епархію, гдѣ она и пребываетъ и имѣетъ родство, и что о семъ уже идетъ переписка съ Томскою Консисторіею.

Отецъ ея, Евгеній, ученый, изъ Русскихъ. Я нашелъ его уже вдовымъ. Онъ былъ при второй церкви на золотыхъ пріискахъ. По закрытіи этой церкви я предложилъ ему мѣсто въ Туруханскѣ. Онъ согласился, но пожилъ года два и скончался, сокративъ жизнь свою, кромѣ климата, невоздержаніемъ, которое однакоже привилось къ нему послѣ тяжкихъ потерь, сперва жены, а потомъ отца и матери. Такимъ образомъ эта отроковица есть круглая сирота и чужая въ Сибири. Да пошлетъ Господь Ангела Хранителя надъ нею! Я ей далъ 10 рублей. Но послѣ отца ея осталось достояніе, можетъ быть, на 500 рублей. Это ей опора.

Починили оба переднія колеса: размололись втулки (3 рубля).

2 станція. Село *Булатово*. На станціи говорунья жена смотрителя, кажется, изъ Евреекъ. Заговорила меня и принудила выпить чашку чая. Я посылалъ къ священнику и просилъ навѣстить меня; мнѣ сказали, уѣхалъ съ церковною надобностію въ приходъ.

Въ 1861 году, проѣзжая изъ Казани въ Красноярскъ, я у этого священника Михаила провелъ день Рождества Христова. Принятъ имъ честно. Онъ Русскій, цвѣтущихъ лѣтъ, многочадный. Я подумалъ: «не сердится ли онъ на меня, что я не благодарилъ его ничѣмъ, ни даже письмомъ изъ Красноярска». Такъ совѣсть насъ будитъ!

Я уже отъѣхалъ 1000 верстъ, а на столбѣ увидѣлъ «отъ Москвы 3000 верстъ». Пригрустилъ, потому что здравіе мое хило. Сегодня въ Каинскѣ было замираніе въ правой сторонѣ груди, отъ коего опасаюсь краткой смерти. Однако отдышалъ. Предаюсь волѣ Божіей!.. а двигаться впередъ должно. Поѣхалъ.

3 станція. Село *Антошкино* (крестьянское названіе, отъ Антона, *Антошка*). Здѣсь мнѣ старушка подала хорошаго Сибирскаго квасу, напился съ благодарностію. Въ Сибири особаго рода квасъ, густой сладимо-вкусный, полупиво. Здоровый, даже сытный.

4 станція. Село *Покровское*. Здѣсь ночуемъ на станціи. Сегодня мы ѣхали между озерами, направо и налѣво, и около самыхъ береговъ ихъ, и усматривая въ отдаленіи. Самое малое озеро больше версты, а побольше до 8—10 верстъ. Всѣ они безбрежныя, лежатъ въ покатостяхъ. Мѣстность низменная, болотистая, кустарные лѣсочки изъ кривыхъ березъ. Озера солнцеватыя и годъ отъ года упадаютъ, сокращаются, высыхаютъ. Не во всѣхъ есть рыба: соленая вода душитъ ее. А гдѣ есть, то только караси. И самая соленость водъ, говорятъ, увеличивается съ года на годъ. Я все это приписываю сожиганіямъ въ Сибири лѣсовъ, полей, луговъ, вообще всей мѣстности. Мы ѣдемъ въ удивительной ѣдкой, синей, сухой мглѣ. Дождей здѣсь не было. Природа унылая.

Въ Каинскѣ мнѣ дали хорошій обѣдъ: пирогъ, уха, жаркое, и все изъ карасей.

Въ Каинскѣ же мы переѣхали чрезъ рѣку *Омь*. Она недалеко отсюда получаетъ начало и пойдетъ съ нами 500 верстъ, до города *Омска*, гдѣ и впадаетъ въ Иртышъ. Чрезъ Омь становится возможнымъ изъ Иртыша приплавлять строевой лѣсъ, и мы опять видимъ хорошія постройки изъ сосноваго лѣса.

Городъ Каинскъ маленькій, съ одной церковію, каменною, хорошею. Кажется, три улицы продольныя (а двѣ, вѣрно; знаю своимъ глазомъ) и нѣсколько поперечныхъ. Обстроенъ деревянными (есть и каменныя) постройками, отличающимися отъ сельскихъ веселѣе, роскошнѣе, иногда богаче.

Влѣво отъ Каинска (ѣдучи изъ Сибири), на Югъ отъ него, на пространствѣ 200 верстъ и болѣе, лежатъ огромныя озера *Чаны*; ихъ съ десятокъ. Главное болѣе 60-ти верстъ въ діаметрѣ, круглое, другое продолговатое, длиннѣе его, но не очень широко. И тамъ караси и караси. Озеръ сихъ невидно ни изъ Каинска, ни съ дороги (они верстъ 20 южнѣе). Вся окрестность довольствуется этими карасями и даже имѣетъ промыселъ на нихъ и отъ нихъ.

Вечеромъ долго сидѣли у меня священникъ этого села Павелъ Аѳанасьевичъ Львовъ, Тамбовскій, товарищъ преосвященнаго Веніамина Амурскаго-Благовѣщенскаго. Хвалилъ и ублажалъ преосвященнаго Ѳеофила, бывшаго Тамбовскаго (нынѣ на покоѣ). Одобряетъ собранія духовенства для обмѣна мыслей, но и оплакиваетъ разногласія.

Нынѣшнія новоьведенія по духовенству ему повидимому нравятся. Человѣкъ житейскій.

24 число Іюня. Середа. Рождество Св. Іоанна Предтечи и Крестителя.

Я слышалъ благовѣстъ къ утрени, но полѣнился встать и быть въ церкви. Спалъ тихо. Разстройства живота не было.

Во снѣ: «Наполеонъ дружески предлагаетъ нашему Императору возвратить полную свободу Донскимъ казакамъ, ссылаясь на обѣщаніе, данное якобы первыми царями Русскими, не считать Донцовъ подданными царю наравнѣ съ Россіянами. При чемъ выписываются и слова договора. И слова повидимому говорятъ объ автономіи Донцовъ».

Странное сновидѣніе! Я вовсе не думалъ ни о Наполеонѣ, ни о Донцахъ, ни о политикѣ.

Ѣдемъ.

1 станція. Село *Туруново*. 8-й часъ. Благовѣстятъ къ обѣдни. Большое село. Два озера. Рѣчка почти высыхаетъ. Я зашелъ въ церковь. Есть довольно народу. Священникъ, уже подъ старость, кажется ученый. Здѣсь 20 лѣтъ. Служитъ безъ діакона. Пріятно-рѣчистый. Церковь деревянная, ветхая, непросторная. Есть иконы въ ризахъ. Я постоялъ въ алтарѣ, отъ малаго выхода, до конца сугубой эктеніи. Далъ въ церковь рубль и вышелъ (ждутъ лошади).

Постройка изъ сосноваго лѣса (см. выше). Крыша особаго устройства: на рѣшетникѣ настлана береста, а на нее насыпана земля, покрытая дерномъ. Крыша держится хорошо и обрастаетъ зеленью. Такъ кроютъ по всей Барабѣ, по крайней мѣрѣ сотъ на семь верстъ.

Улица широкая, довольно чистая. Ходятъ одни свиньи съ поросятами и стап собакъ. (Другого скота по крайней мѣрѣ нѣтъ, коровъ, телятъ, овецъ, лошадей).

2 станція. Село *Спасское - Голупово* (не *Глупово* ли?). Церковь деревянная, обшита тесомъ, покрашена бѣлою краскою. Опять озёра. Въ одномъ была рыба, но отъ моченія конопли въ немъ рыба издохла и перевелась. (Такъ сказалъ ямщикъ; но я думаю, подошла соленость, и рыба пропала. Озеро версты четыре. Такого нельзя испортить моченіемъ конопли у края его). Есть днища озеръ, уже совсѣмъ высохшихъ. Ѣдемъ около камыша, за которымъ озеро. Сюда при насъ вбѣжалъ волкъ. (Ямщикъ съ Ѳедоромъ и іеродіакономъ побѣжали искать его—не нашли). Тутъ же есть курганы, они тянулись версты двѣ. Село красивое и веселое.

3 станція. Село *Вознесенское*. Старинная деревянная церковь. При рѣкѣ, кажется, торговое. На станціи впдѣли телеграфнаго офицера. Я вошелъ было съ нимъ въ ученый разговоръ о телеграфѣ, чтобъ попользоваться отъ него. Ошибся. Онъ меньше меня смыслитъ. Мнѣ

стыдно было за него. Тутъ же я увидѣлъ ископаемыя кости, какъ бревна: одна полтора аршина длины и больше четверти въ діаметрѣ толщиною. Выставлены для желающихъ купить. Онѣ принадлежатъ священнику, здѣшнему благочинному. Онъ приходилъ ко мнѣ и съ другимъ священникомъ (ихъ двое здѣсь). Кости сіи священникъ нашелъ въ берегу ихъ рѣки предыдущей станціи *Тартадъ* или *Тартасъ*. (Мы ее переѣзжали на паромѣ).

Въ прошедшемъ (иль за прошедшемъ) году проѣзжалъ Французской посланникъ изъ Китая. Увидѣвъ эти кости, онъ пожелалъ одну, самую большую, пріобрѣсти. Спросилъ: «Можно ли купить?»—Можно.—«Чего стоитъ?»—10 рублей.—«Много. Нельзя ли взять пять рублей?» Смотритель (по довѣренности священника) согласился, и самая большая кость увезена Французомъ. Выслушавши эту исторію, я сказалъ о. благочинному. «Напрасно вы понизили такъ цѣну. Назначили бы сто рублей — дали бы. Увидѣвши же, что вы незнакомы съ лакомствомъ Европейскихъ искателей древностей, онъ сталъ торговаться съ вами, опасаясь вамъ дать тотчасъ 10 рублей, чтобъ вы не одумались».

Благочинный, товарищъ нашего Минусинскаго протоіерея Георгія Бенедиктова и, кажется, землякъ. Человѣкъ степенный и разумный.

Село богатое, а поѣсть на станціи нечего. Погрызли кое-чего своего. Писарь иль смотритель мальчишка и, кажется, еще Полякъ.

Начались холмы и возвышенія. Видѣли огромную эндову—дно высохшаго озера круглое, верстъ 7—10 въ діаметрѣ; растетъ трава, покосы. Есть опять курганы рядами, продолговатые. Чуть видно солнце. Сухая мгла заслонила его: тяжело дышать. Однако, за недѣлю предъ симъ, здѣсь, говорятъ, былъ хорошій дождь.

4 станція, село *Камышевское*. Деревянная церковь, большая, новая, своеобразный чертежъ. Красивая, обшита и покрашена.

Большое озеро, въ 7 верстъ, опоясываетъ село. Тутъ мнѣ сказали, что въ окрестностяхъ этого села насчитываютъ до 30 озеръ. Такое озерное здѣсь мѣсто, и Бараба усѣяна ими.

По рѣкѣ Тартасъ (см. выше), которая выходитъ съ Сѣвера, плавятъ въ здѣшнія селенія строевой лѣсъ; постройки здѣшнія оттого благоприличны (на проѣздѣ этой станціи я немного уснулъ; это отмѣчено мною потому, что я почти не сплю ѣдучи).

5 станція село *Ново-Назаровское*. Церковь деревянная, недавняя, почти безъ оконъ (они вверху). Это послѣдняя станція Томской губерніи.

Истерзалъ меня ямщикъ, безпощадно дергая возжами и раздирая удилами ротъ у лошадей, безъ всякой надобности, изъ какого-то звѣрскаго нетерпѣнія и находя въ этомъ какое-то наслажденіе. Я упра-

шивалъ его не дѣлать сего — не слушаетъ. Сверхъ того, самъ онъ страшно икалъ, посибирски, выдавливая изъ внутри себя какой-то нечеловѣческій звукъ, похожій на ржаніе, скрипъ и свистъ вмѣстѣ. Не замолчитъ ни на мгновеніе, визжитъ, дергаетъ возжами, хлопаетъ или махаетъ кнутомъ и самъ весь въ конвульсіяхъ.

6 станція, село *Еланское*, уже Тобольской губерніи. Здѣсь ночуемъ. Былъ у меня священникъ этого села Ѳедоръ Васильичъ Смирновъ. Кончилъ курсъ въ 1824 году, тогда же опредѣленъ на это мѣсто и съ тѣхъ поръ доселѣ живетъ на этомъ же мѣстѣ. Имѣетъ камилавку. У него 17 человѣкъ дѣтей! Говорунъ. Но мнѣ пріятно было слушать старину Тобольскую. Митрополитъ Иннокентій слушалъ въ его церкви литургію и былъ въ его домѣ. Священникъ поручилъ мнѣ кланяться митрополиту.

Меня мучитъ разстройство живота. Выдти для нужды сущее наказаніе: негдѣ укрыться, либо оттуда, либо отсюда видно: люди, окно, дверь, щель, разобрано, а къ тому стаи собакъ. И на улицѣ собаки бродятъ стадами, дерутся, мирятся, сватаются, визжатъ и воютъ отъ голода. И тутъ же лошади, коровы, свиньи, тоже съ своими забавами и привычками; подъ самыми окнами выполняютъ свои нужды: пострадность, вопь и терзаніе! Жалѣю, что Сибиряки въ этомъ отношеніи не озабочены чистоплотностію, опрятствомъ, чувствомъ приличія и благородства; смѣшивать себя съ животными, имѣть предъ собою весь обиходъ ихъ препровожденія жизни, грязно, даже нецѣломудренно.

25-ое число Іюня, Четвергъ. Св. Февроніи.

Всталъ въ 6-мъ часу. Синяя мгла. Солнца нѣтъ, мутное коричневое небо. Спалъ непокойно, терзали уличныя собаки и ревъ скота. Разстройство живота.

Ѣдемъ.

1 станція, *Хомутницкая*-деревня, при озерѣ, которое зарастаетъ. При рѣкѣ Оми. Берега ея обваливаются. Мягкая земля безъ камней. Здѣсь пьемъ чай. Мгла ужасаетъ, подавляетъ, наводитъ тоску. Говорятъ: «горятъ Бурманскіе лѣса» (симъ именемъ въ Тобольской губерніи зовутъ всѣ сѣверные лѣса). Но я думаю, не издыхаетъ ли земля изъ подъ себя, отъ внутреннихъ огней, свой дымъ, чадъ, изгарь, сквозь незамѣтныя щели земли. Около Тобольска я видѣлъ страшные палы, окружившіе пол-окрестность на Сѣверо-западъ, но воздухъ былъ прозрачный и довольно свѣжій).

Рѣка Омь, какъ сонная, течетъ весьма тихо, даже незамѣтно. Мѣстность ровная. Березы куртинами. Трава высокая, крупная, желтая, колючая. Пасется по ней скотъ, не стоя или двигаясь понемногу, а идучи быстрымъ, поспѣшнымъ шагомъ, хватая на лету и какъ бы

спѣша куда-то. Погорѣло все, нечего схватить въ ротъ. Пастухъ едва догоняетъ стадо.

2 станція, *Нижне-Омская*, деревня, тоже на рѣкѣ Оми. 17 верстъ ямщикъ промчалъ въ часъ, дорога ровная, но ѣхалъ нѣбезобразно и безъ визга, свѣжею, ровною рысью.

Мѣстность жалостная. Курчавыя березки маленькими кучками. Сожжено засухою все: и посѣвы, и трава, и самыя деревца упали и поблѣднѣли. Удушливая черно-синяя мгла.

Смотрителя нѣтъ. Хозяйки, желавшія чѣмъ либо услужить, поговорить, посмотрѣть на архіерея. Есть и женскія великія, согрѣвающія душу добродѣтели!

3 станція, *Кабырлинская* деревня же. Степь еще голѣе. Появляется ковыль-трава. Домъ станціи хорошій. Уснулъ на десять верстъ.

4 станція, *Юрьевское* село. Переѣздъ 36 верстъ. Однако мы ѣхали менѣе трехъ часовъ. Дивлюсь сносливости Сибирскихъ лошадей: такой длинный путь, несносный жаръ, страшная засуха, убійственная чугунная мгла въ воздухѣ, а лошади бѣжали скоро толикое пространство. Правда, на этомъ переѣздѣ проходили надъ нами одна за другою три тучи и кануло нѣсколько капель. Воздухъ сталъ свѣжѣе, хотя ниже чугуннаго цвѣта.

На двадцатой верстѣ заселяются Зыряне изъ Усть-Сысольска. Народъ набожный, цѣломудренный, работящій. Мѣсто болотистое (теперь сухое, ни озера, ни рѣчки. Голое безъ кустика мѣсто).

Видѣлъ орла съ дитею, сидятъ на сухой березѣ; дѣтенышъ сидитъ повыше.

5 станція, *Сыропятское* - село, на рѣкѣ Оми, на высокомъ и крутомъ берегу: бѣлая глина. За пять верстъ до станціи, впереди насъ на небѣ сгустилась черная сѣдая туча; я порадовался, думая, что насъ и природу освѣжить влага дождевая. Туча растетъ, небо чернѣетъ; не облака, а какая-то усатая чугунно-сѣрая шуба одѣваетъ небо до земли, идетъ на насъ и закрыла насъ; сухая съ тончайшею пылью мгла безъ вѣтра. Она закрыла мѣстность и на двадцать сажень едва можно различить предметы. Не видывалъ я такихъ явленій.

Къ ужасу отъ тучи присоединилась досада и мученіе на ямщика (кажется, отставной, либо въ отпуску, солдатъ, брѣется): рваль удилами лошадей нещадно, ревѣлъ и визжалъ, вертѣлся и махалъ кнутомъ (въ Сибири зовутъ *бичъ*). 28½ верстъ ѣхали 1¾ часа. Ѣзда не очень быстрая; но ямщикъ, терзая напрасно лошадей, дергая вожжами и въ тоже время притягивая ихъ къ себѣ, не давалъ свободы бѣжать лошадямъ, которыя безъ того промчали бы еще скорѣе. Я сперва мягко уговаривалъ его ѣхать ровно, степенно и не терзать лошадей: не

слушалъ. Потомъ возвысилъ голосъ и приказывалъ ѣхать ровно и не терзать лошадей напрасно. Солдатъ разсвирѣпѣлъ и началъ ревѣть и визжать, дергать и бить лошадей до изступленія. Я вынужденъ былъ молча терпѣть и мучиться. Пріѣхавши на станцію, я обошелъ лошадей: у двухъ рты разорваны, течетъ кровь; всѣ онѣ въ мылѣ и трясутся лихорадочно. Солдатъ свирѣпою косиною выглядывалъ на меня изъ подъ лба и, повидимому, готовился выслушать мои упреки и защищаться тою же свирѣпостію. Я сочелъ благоразуміемъ смолчать, взглянувъ на него сожалительно. Лошади у этого солдата вѣроятно чужія. Вѣроятно онъ ихъ испортилъ. Не знаю, что можно бы придумать къ укрощенію толикихъ свирѣпостей, которыя притомъ такъ мучатъ сѣдоковъ.

Исторія: «Ямщикъ, возвращаясь пустой изъ Омска, умеръ въ повозкѣ, не доѣхавъ версты до этого села. Это было 17 числа Іюня. Его до сихъ поръ не хоронятъ: «нужно-де судебно-медицинское изслѣдованіе». Пусть бы такъ; но судей нѣтъ вотъ уже восемь дней, тѣло гніетъ. Лютый жаръ и засуха. Жена покойнаго, Лукерья, умоляла меня исходатайствовать погребеніе покойнаго».

Вотъ образчикъ Сибирскихъ управленій. Здѣсь гноятъ умершія тѣла по мѣсяцу, по два, даже до полугода въ ожиданіи судей и слѣдствія. И судей не виню много: неизмѣримыя пространства, а ихъ немного. Почему бы не уважить свидѣтельство: а, крестьянъ всего села; оно подано; б, свидѣтельство священника; оно не замедлило бы, если бы пожелали имѣть его. Я думаю: требовать судебнаго изслѣдованія тѣла умершаго 1) когда того ищутъ родные, 2) когда требуетъ сего окружающее сосѣдство умершаго.

Ямщикъ, который такъ истерзалъ меня, кажется, нарочно выразилъ свою тираннію надъ лошадями, чтобъ мнѣ нанести досаду и доказать, что онъ есть власть, а не я, проѣзжающій. Такой потѣхи надъ сѣдокомъ онъ не дозволилъ бы себѣ, если бы то былъ какой-нибудь полу-офицеръ.

На станціи Сыропятской я вздумалъ было ночевать для того, чтобъ въ Омскѣ не тревожить протоіерея, человѣка мірского и мнѣ лично неизвѣстнаго, въ глухую ночь. (Я у него предположилъ остановиться въ Омскѣ и о томъ писалъ ему изъ Красноярска). Но мы пріѣхали на эту станцію въ $6^1/_2$ часовъ вечера. Скучно бы было три и четыре часа ждать ночи. Я рѣшился ѣхать, хотя до Омска 34 версты. Поѣхали.

Въ самомъ селѣ спускъ на рѣку Омь и перевозъ. Спускъ крутой и опасный. Берега Оми обрывисты, обвалъ земли вертикальный (какъ у моря). Зрѣлище на Омь ужасаетъ. Малые ручьи отъ великихъ дождей, при мягкости береговъ, раскалываютъ ихъ и образуютъ зіяющія

щели и отвѣсныя пропасти. Слава Богу, мы спустились къ рѣкѣ, переплыли ее и поднялись наверхъ благополучно. Затѣмъ до самаго Омска равнина. Ямщикъ, столь же ярый, помчалъ насъ нещадно. Я молчалъ. Мѣстность голая, у самаго города, версты на двѣ, истерзанный (скотиною) курчавый мелкій кустарникъ. Земля лежитъ даромъ: запашки я почти не видалъ. Сухой колючій бурьянъ, или ничего, голая земля.

Мы пріѣхали въ Омскъ въ 9 часовъ вечера, слѣдовательно ночью; я ничего не видалъ еще и потому, что черная мгла-изгарь покрывала землю.

VI. Городъ Омскъ.

Я остановился у законоучителя въ здѣшнемъ Кадетскомъ корпусѣ, о. протоіерея Александра Ивановича Сулоцкаго (изъ села Сулость, около Ростова, что на берегу озера въ виду города и монастырей Бѣлогостицкаго, Петровскаго и Аврааміева). Человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, благословенъ отъ Бога много и благочадіемъ. (Одна дочь уже замужемъ за кѣмъ-то въ Омскѣ свѣтскимъ).

Александръ Ивановичъ, магистръ Духовной Академіи (кажется, Московской), былъ профессоромъ Семинаріи въ Тобольскѣ, затѣмъ поступилъ сюда. Онъ литераторъ и охотникъ отыскивать Сибирскія древности. Ему и г. Абрамову (уже покойнику, тоже изъ нашихъ), Сибирь одолжена многими любопытными и назидательными сказаніями.

Послѣ многихъ разнородныхъ рѣчей, меня угостили хорошимъ городскимъ ужиномъ (я не имѣлъ его отъ Томска, почти на тысячу верстъ). Мнѣ дана хорошая комната, кабинетъ хозяина. Уснулъ сладко.

26-е число Іюня, Пятница. Тихвинскія Божія Матери.

Утромъ написалъ два письма: 1, въ Красноярскъ о. протоіерею каѳедральному Василію, 2, въ Кострому къ преосвященному Платону.

Въ обѣдъ получилъ телеграмму изъ Красноярска отъ о. протоіерея, пущенную отъ сего дня въ 8 часовъ утра. Разстояніе около 1500 верстъ, и всего пять часовъ шла телеграмма. И я отвѣтилъ телеграммою же (поручилъ о. Александру).

Отдалъ поправить карманные часы; поправили въ три часа. Отдалъ поправить переднія колеса; поправили.

Затѣмъ мы поѣхали съ о. протоіереемъ путешествовать по городу. Намъ данъ экипажъ, карета, какою-то старушкою, купчихою или боярынею.

Были: 1, въ церкви Св. Николая. Казацкая. Прехорошая и немалая церковь, свѣтлая, иконостасъ степенный, большой. Нижній рядъ

иконъ въ богатыхъ золоченыхъ ризахъ. Сбѣжался народъ къ благословенію. Въ церкви младенецъ умершій для отпѣтія. 2. Въ соборѣ Воскресенія Христова. Служитъ протоіерей города Стефанъ Яковлевичъ Знаменскій. Мы вошли; онъ читаетъ за лѣвымъ клиросомъ, у пылающихъ свѣчъ и кутіи, имена покойниковъ рѣчисто, возгласно, не торопясь. Это заамвонное поминовеніе произнесено при насъ; не одно сто имянъ! Затѣмъ кончена литургія. Въ церкви есть народъ. Опять умершій младенецъ. Храмъ круглый, огромный шириною, но не высокій. Екатерининскій иконостасъ низкій, затѣйливый, далеко бѣднѣе Никольскаго.

Соборъ стоитъ въ крѣпости, довольно похожей на Петербургскую, даже и положеніемъ у рѣки Оми. Построено много корпусовъ, конечно, военнаго значенія. О достоинствѣ крѣпости я не могу судить, но кажется она недовольно заботливо содержится.

Протоіерей о. Стефанъ охотникъ до протяженной службы и громко извѣстенъ въ городѣ (можетъ быть, и далѣе) строгостію, даже аскетизмомъ житія своего. Онъ за 6 лѣтъ вдовый. Былъ у меня, въ домѣ у о. Сулоцкаго. Съ орденомъ.

3. У генералъ-губернатора Западной Сибири. Александръ Петровичъ Хрущевъ. Сперва мнѣ было отказали, сказавъ: «занимается генералъ дѣлами, нельзя доложить». Я было собрался выходить; прибѣжалъ офицеръ, проситъ, растворяетъ двери. Входимъ въ дѣловую залу. Насъ встрѣтилъ Александръ Петровичъ, почти старичекъ, небольшаго роста. Посадилъ насъ (съ протоіереемъ) у стола. Спросилъ: кто я, что̀ я и куда и зачѣмъ ѣду. Я объяснилъ. Рѣчи мягкія, вѣжливыя, хотя впрочемъ общія и не близкія. Чрезъ четверть часа я всталъ, откланялся, вышелъ.

Г. Хрущевъ лѣтъ подъ 60, холостой. Ежели онъ живетъ въ плотской чистотѣ и цѣломудріи, то онъ блаженный человѣкъ. Однакоже вручить великое управленіе полъ-Сибирью свѣтскому, холостому небезопасно.

Послѣ того мы съ о. протоіереемъ объѣхали лучшія части города.

Омскъ стоитъ на рѣкѣ Оми, по обѣимъ сторонамъ ея. Крѣпость на лѣвомъ берегу. Домъ генералъ-губернатора, всѣ лучшія зданія на правомъ берегу. Здѣсь Омь впадаетъ въ Иртышъ, такъ что городъ стоитъ и на Иртышѣ, но я не былъ на этомъ мѣстѣ. Большой городъ, до 20,000 жителей. Главныя и лучшія постройки казенныя. Домъ генералъ-губернатора походитъ на дворецъ, стоитъ самъ по себѣ среди площади, имѣетъ садъ и окруженъ оградою и стѣною. Средина его возвышена еще на этажъ (кажется, домъ трехъ-этажный).

Кромѣ военныхъ, дѣйствительно служащихъ, городъ заселенъ военными же, вышедшими изъ службы. Военное и центральное граж-

данское управленіе привлекаетъ сюда образованіе, гражданственность, богатство.

Омскъ есть Сибирская и единственная крѣпость. Она поставлена на прежней границѣ Сибири къ Югу. Нынѣ Россія выдвинулась въ этомъ мѣстѣ далеко на Югъ (до тысячи верстъ). Крѣпость упраздняютъ, либо уже упразднили.

Окрестность города унылая: равнина и степь безлѣсная.

И удаленіе города отъ Россіи, и безлюдность степи навѣваютъ тоже унынie при всемъ блескѣ военныхъ мундировъ.

Въ это время, когда я здѣсь былъ, была удушливая сѣдая мгла и жаръ. Солнца не видно, хотя небо безъ облаковъ. Тяжелое унынie!

VII. Отъ Омска до Тобольска.

Послѣ хорошаго обѣда, добродушнаго усердія и благожеланій, я отправился въ дальнѣйшій путь.

АлександръИвановичъ провожалъ меня всѣмъ городомъ и за городъ.

Я имѣлъ неосторожность сѣсть на его линейку (чтобъ лучше видѣть городъ). Впереди ѣхала наша повозка. Ямщики, особенно Сибирскіе, имѣютъ какое-то дикое наслажденіе ѣхать въ селеніяхъ отчаяннымъ азартомъ. И нашъ ямщикъ бросился опрометью. Наша лошадь должна была нагонять; мнѣ держаться не за что, упереться не во что, боюсь быть вышибеннымъ. Это лишило меня удовольствія полюбоваться городомъ: ежеминутно опасаясь бѣды, читалъ молитвы.

Мы ѣхали городомъ по крайней мѣрѣ четыре версты, потому что огибали рѣку Омь, по этой и по той сторонѣ для того, чтобъ переѣхать ее по мосту.

За городомъ я простился съ о. Александромъ, сѣлъ въ свою повозку при страшной мглѣ, похожей на осенніе сумерки. Ни города, ни окрестности не видно и на версту. Поѣхали. Мѣстность ровная, дорога хорошая. Ямщикъ завизжалъ, началъ икать всѣмъ чревомъ своимъ, какъ уязвленный вепрь; мы помчались. 27 верстъ мы ѣхали $1\frac{3}{4}$ часа.

1 станція *Кулачинская*—деревня. Нѣтъ и писаря. Ѣдемъ далѣе.

2 станція *Красноярская*, на берегу великой рѣки *Иртыша*. Селеніе названо такъ, конечно, отъ красныхъ береговъ рѣки. Такъ точно и *Красноярскъ* городъ, откуда я ѣду, названъ отъ блѣдно-красныхъ скалъ песчанаго камня, окружающихъ Красноярскъ.

Яромъ Русскіе называютъ крутизну и наипаче берега.

Женщина принесла въ полоскательной чашкѣ земляники. Я покушалъ половину, остальное отдалъ ей же. Спросилъ: сколько стоитъ? «8 копѣекъ». Я далъ ей 20. Рада и благодаритъ. У нея есть дѣти.

Берега Иртыша въ этомъ мѣстѣ съ обѣихъ сторонъ умѣренные, голые, земляные, т. е. не каменные. Иртышъ гораздо у́же Оби, менѣе версты. Намъ сказали: «рѣка сильно упала отъ засухъ». Вода мутная, какъ и въ Оби. Перевозъ хорошій, пространный, чистый, благонадежный. Перевозчики ребята бравые и веселые.

Есть островъ влѣво отъ насъ, ближе къ тому берегу.

Иртышъ не имѣетъ камня. Примѣчательно: по крайней мѣрѣ, ни здѣсь, ни въ Тобольскѣ, въ Иртышѣ нѣтъ ни камушка.

Рѣка течетъ тихо. Разливается и выходитъ изъ береговъ весною.

(Нашъ Енисей никогда не выходитъ изъ береговъ, потому что мчится быстро).

3 станція *Суковская*. Пріѣхали въ 9 часовъ. Ночуемъ. Мгла наводитъ унынie, даже пугаетъ: не задохнуться бы. Страшная засуха. Все погорѣло или остановилось въ ростѣ и развитіи. Жалостное зрѣлище.

Постройки опять пошли березовыя. Видно, Иртышъ течетъ вверху по голымъ Киргизскимъ степямъ.

27 Іюня Суббота. Полтавская побѣда.

Просыпаясь пою: «Хвалите Его вси ангели Его, хвалите Его вся силы Его: тебѣ подобаетъ пѣснь Богу!» Перекрестился и возблагодарилъ Бога. Пока запрягаютъ лошадей и укладываются, я, оставаясь праднымъ, обыкновенно читаю Новый Завѣтъ, Псалтирь. Ту и другую книгу я почти прочиталъ, а Псалтирь, кажется, трижды. Слава Тебѣ, Господи! Симъ я удалялъ скуку, отгонялъ унынie и наполнялъ душу высокими и святыми чувствіями. Мнѣ, болѣзненному и грѣшному, сіе нужно, нужно!

Плачетъ дитя у хозяйки. Ѣдемъ!

1 станція *Бекишево*—село, дома березовые. Мгла. Свѣжо. Поддѣваю фуфайку. Гнилая изба, гдѣ станція. Догналъ какой-то проѣзжающій. Ѣдучи видѣлъ на телеграфныхъ столбахъ двухъ орленковъ; глядятъ на насъ, не поднялись.

2 станція *Андронкино*. Опять ѣдемъ съ проѣзжающимъ. Скучаю. Лишены свободы выйдти, остановиться. Науты тучами садятся на лошадей и насъ безпокоятъ; отмахиваемся вѣничками изъ травы и прутьевъ. У меня дѣлается помраченіе въ глазахъ и круженіе. Зажмурюсь—пройдетъ.

3 станція, городъ заштатный *Тюкалинскъ* (въ народѣ зовутъ *Тюкалá*). Станція 26 верстъ. Ямщикъ въ лоскутьяхъ, но грубіянъ. По дорогѣ не ѣхалъ, а боками, иногда такъ далеко, что и не видно тракта.

Я ему замѣтилъ это и требовалъ держаться ближе къ дорогѣ: огрызается нахально и обидно. Я замолчалъ. Либо пьяница, либо раскольникъ (подумалъ я).

Есть лѣсокъ: благоухаетъ. Видѣлп въ боку озеро. И самъ Тюкалинскъ на берегу хорошаго озера (налѣво отъ Сибири); поперекъ города протекаетъ порядочная рѣчка. Но мы увидѣли пепелище города, а не его самаго. Три четверти его, самая середина, самое лучшее и центральное, выгорѣло до тла. Стоятъ отъ трехъ до пяти двухъэтажныхъ каменныхъ домовъ, безобразные остовы, и торчатъ трубы на черномъ пепелищѣ.

Хотя заштатный, но былъ порядочный городъ. Двѣ церкви, деревянная и каменная, на разстоянiи полуторы версты. Первая сгорѣла, другая осталась, хотя лѣвая линiя улицы, на коей съ правой стороны церковь, сгорѣла насквозь и правая выгорѣла же до самой церкви, такъ что̀ церковь, оставшись сама невредимою, сдѣлалась щитомъ и того, что̀ осталось за нею.

Городъ сгорѣлъ въ Вознесенiе Господне, 21 Мая, въ 1 часу дня. Причины пожара не знаютъ. Пало подозрѣнiе на крестьянина, у котораго зады дома предъ тѣмъ загорались дважды, но были потушены. Повидимому и третiй пожаръ, уничтожившiй городъ, начался отъ этого же дома. Крестьянина подвергли слѣдствiю и судятъ, но послѣдствiя неизвѣстны (по крайней мѣрѣ, тѣмъ, съ кѣмъ я говорилъ на станцiи). Терпѣливый, подавленный, робкiй, Русскiй людъ. Не смѣютъ и роптать, жаловаться на свое разоренiе: боятся, не пострадать бы и за это. Я, съ моихъ соображенiй, не сомнѣваюсь, что Тюкалинскъ сожженъ намѣренно злодѣями, не злодѣями Тюкалинска, а—Россiи.

а) Загорѣлись зады: какому тамъ быть огню? б) лѣтомъ и въ полдень, что̀ тамъ дѣлать съ огнемъ? в) домишко выбранъ утлый, деревянный, съ края города; явно съ расчетомъ сдѣлать его зажигателемъ города; г) зажженъ домишко: аа) въ бурю, бб) по вѣтру, т. е. съ той стороны, откуда шелъ вѣтеръ на городъ и наперекосъ, т. е., чтобы не полосу города, а весь его выжечь.

Таковы по моему мнѣнiю девять десятыхъ пожаровъ въ Россiи. Злодѣи ея имѣютъ адское злорадство терзать Россiю, не имѣя силъ помѣриться съ нею въ открытой схваткѣ и завидуя ея благоденствiю и славѣ, а также досадуя за помѣхи, которыя ставитъ Россiя Европѣ, злодѣямъ человѣчества, развратителямъ ея. Папа Римскiй и его лучшiй слуга Полякъ: вотъ, по моему мнѣнiю, зажигатели селенiй и городовъ Россiи.

Не сѣтую на Русскiя начальства: скрытаго и полудомашняго врага можно ли услѣдить? Тотъ, кто дѣйствительно зажегъ городъ, можетъ

быть Русскій пьяница и лоскутникъ, котораго нанять на это злодѣйское дѣло, можетъ быть, стоитъ одного полштофа водки. Ихъ иногда хватаютъ на мѣстѣ преступленія, судятъ, разстрѣливаютъ; но это ничтожное орудіе, казнь ему, злодѣянія не только не прекращаетъ, но не дѣлаетъ и угрозы злодѣянію. Лоскутниковъ всегда можно найдти и купить за гривну. Иногда зажигатели подманиваютъ дѣтей лѣтъ семи и менѣе, даютъ имъ игрушку, да еще зажигательный составъ, который учатъ бросить въ лучшемъ зажигательномъ мѣстѣ. Хватаютъ и дѣтей; но что съ ними дѣлать?

Однако, во всякомъ случаѣ, гдѣ случился опустошительный пожаръ, непремѣнно долженъ быть агентъ Европейскихъ злодѣевъ разумный, образованный. Ему не мѣшаетъ быть и порядочнымъ чиновникомъ въ этомъ мѣстѣ. Вы его узнаете по его усиленнымъ аханьямъ и воздыханіямъ о несчастіи, иногда и на пожарѣ увидите его самымъ озабоченнымъ. Или же, о Боже! Неужели я столь несмыслень и золъ, что смѣю возносить толикія клеветы на невинныхъ?! Или же, ужели только въ сіи наши времена, съ тридцатыхъ годовъ, мы, Русскіе, годъ отъ года становимся безпечнѣе, безразсуднѣе и глупѣе, что жжемъ и палимъ наши селенія и города безъ пощадѣнія, усиливая это погубленіе со дня на день?

Бывало, пожаръ большого города—вѣковая рѣдкость; нынѣ пылаютъ города, даже и столицы, почти каждый мѣсяцъ. Сколько городовъ выгорѣло до тла въ послѣднія десять лѣтъ? Ужели все неосторожности?

На станціи я похлебалъ ухи изъ карасей, поѣлъ своего балыка. Сытъ. Ѣдемъ.

4 станція *Колманово*. Жарко. Мгла рѣдѣетъ. Появилась кобылка (Сибирская саранча). На этой станціи я ночевалъ въ Декабрѣ 1861 года, въ страшную зимнюю бурю.

5 станція *Крутая*—село. Каменная церковь, огромный куполъ, т. е. вся церковь подъ куполомъ. Видѣли два озера, послѣднее подъ селомъ. Засуха. Кобылка. Пауты. Въ кустахъ муравьи; трава колючая, и подъ нею тоже муравьи. (Нельзя сорвать вѣтки: осыплютъ муравьи).

6 станція *Орлова*. Несносный жаръ. Тучи паутовъ, безпрестанно отмахиваемся. Лошади облѣплены ими и вьются тучами надъ ними (надъ лошадьми). Сами лошади стараются бѣжать скорѣе, чтобъ стряхнуть съ себя эту кровопійную гнусь.

Засуха. Все помертвѣло. Въ народѣ уныніе, воздухъ однако свѣжѣетъ, просвѣтляется. Здѣсь ночуемъ.

28-е число Іюня. Воскресеніе. Св. Кира и Іоанна безсребренниковъ. Сергія и Германа Валаамскихъ.

Безпокоили мухи. Убралъ съѣстное, отворилъ окно, угомонились. Я уснулъ. Во снѣ: «Архіерей, старшій меня, привелъ меня, съ другими, къ какому-то вельможѣ на обѣдъ. Я рекомендуюсь ему: «Епископъ Никодимъ, бывшій Красноярскій, уволенный на покой. Ѣду въ Москву, въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей».

Пасмурно. Свѣжо, но сухо. Ѣдемъ.

1 станція *Камышенское*—село. Недаромъ названіе: вездѣ камышъ, даже и на сухомъ мѣстѣ. Мы камышами отмахивались и отъ паутовъ, страшно нападающихъ. Даже ѣхать мучительно. Какія же муки терпятъ отъ нихъ люди, жители и скотъ? Немногіе лѣсочки березовые выжжены (впрочемъ не въ нынѣшнемъ году). Стоятъ обгорѣлыя тычинки. Скоро здѣсь совсѣмъ нельзя будетъ жить. Домишки и вся хилая постройка березовыя. Мѣстность голая. Жесткій бурьянъ полузасохшій ковыляется.

На дорогѣ вамъ попался табунъ лошадей, прорвавшійся за полевые ворота. Табунъ бѣжитъ намъ по пути, по дорогѣ, обрѣзанной глубокими канавами; дорога узкая (меньше десяти сажень). Надобно обогнать, но это нелегко; мучились верстъ пять и страшно запылены.

Тутъ же мы увидѣли двухъ мужиковъ на дорогѣ, въ лоскутьяхъ. Я слѣзъ. Спрашиваю. Говорятъ: «Мы погорѣли, выгорѣла вся деревня. Загорѣлось *въ задахъ!* Не вѣдомо отчего». Я далъ имъ немного. (Выжигаютъ очерченную мѣстность).

Пріѣхавши уже въ Москву, въ Перерву, я прочиталъ въ газетахъ о истребленіи пожаромъ города Петропавловска почти до тла и еще нѣсколько большихъ ярмарочныхъ селеній. Это все сосѣди Тюкалинску; не ясно ли систематическое злодѣяніе?

2 станція *Абацкое* село. Я думаю: *Аббацкое*, отъ Аббатъ. Католическое и церковь, во имя Петра и Павла (папы Римскаго). Большое, торговое. На рѣкѣ *Ишимъ*. Чрезъ рѣку хорошій почти городской мостъ, но есть и паромы. Въ селѣ ярмарка, сосредоточенная наипаче около церквей (ихъ двѣ), но и расходящаяся по улицамъ села и по обоимъ берегамъ рѣки Ишима.

Станція близъ церкви. Я здѣсь остановился пообѣдать. Церковь растворена (11 часовъ). Служатъ, или просто молятся богомольцы. Завтра храмовой праздникъ. Священники у меня не были.

Одна церковь деревянная, ветхая, другая каменная, еще недостроена. Рисунокъ, какъ въ селѣ Крутомъ. Преогромный куполъ, равный всему корпусу церкви.

Я посмотрѣлъ на Сибирскую ярмарку. Тутъ Татары главные и богатѣйшіе, смѣлые, тучные, важные, богато одѣтые. Киргизы крѣпкій, оливковаго цвѣта человѣкъ; Русскій, послѣдній, хилый, оборванный, робкій. Здѣсь женщина - полумужикъ, запрягаетъ, распрягаетъ, кладетъ на возъ, складываетъ съ него, стоитъ у товара, продаетъ; взглядъ смѣлый, походка мужественная, одѣта цѣломудренно, на лицѣ смѣлость, но и простота, безъ наглости: сущая, кровная природа, безъ баловства, жеманствъ, лукавыхъ взглядовъ. Желалъ бы, чтобъ такихъ женщинъ посмотрѣли дамы и мадамы городовъ, привиллегированныя, избалованныя, фальшивыя, выдохнувшіяся.

Тутъ я видѣлъ цѣлые возы сушеныхъ карасей, нанизанныхъ на тычинку. Я купилъ было съ сотню ихъ (меньше 50 коп.), чтобъ привезть въ Москву—показать; бросилъ въ перекладываньяхъ на пароходъ.

Мужикъ, Иванъ Ѳедоровъ Чигиревъ, изъ сосѣдняго села Челконова, лѣтъ 45, женился во второй разъ на дѣвицѣ. Она пожила съ нимъ восемь недѣль и бѣжала въ домъ родителей. Прошло три года; она не возвращается, не смотря на его просьбы. Крестьянинъ подалъ о семъ прошеніе преосвященному, отвѣта нѣтъ. Просилъ меня крестьянинъ ходатайствовать за него (я это сдѣлалъ въ письмѣ изъ Тюмени).

Я говорилъ мужику: «Вѣроятно, ты жестоко обходился съ твоею молодою женою». Онъ задумался. Мужики иногда сущіе злодѣи и тираны своихъ женъ, но видно и женщины сильно уязвляютъ мужика. Не всѣ же мужики тираны: есть супружества, достойныя всякаго уваженія.

Село Абацкое есть пунктъ раздѣла тракта на двѣ стороны: а) налѣво, на Западъ, трактъ на Ишимъ, Ялуторовскъ и Тюмень; б) прямо, на Сѣверъ—въ Тобольскъ. Первый, настоящій Сибирскій трактъ; второй, только по Тобольскъ и до Тюмени, дѣлаетъ лишнихъ почти двѣсти верстъ. Я рѣшился, однако (еще въ Красноярскѣ) ѣхать по Тобольскъ: а) спѣшить въ Москву мнѣ нѣтъ надобности; б) въ Тобольскѣ я не былъ и тогда, когда ѣхалъ изъ Казани въ Красноярскъ, въ 1861 году въ Декабрѣ; в) Тобольскъ, есть какъ бы столица Сибири, по крайней мѣрѣ такимъ онъ былъ прежде, и архіерейская каѳедра, митрополичья и епископская. Донынѣ архіерей здѣшній имѣетъ титулъ «Тобольскій и Сибирскій». Больше ста лѣтъ вся Сибирь имѣла точно одного архіерея въ Тобольскѣ.

3 станція село *Челноково*. Ѣдемъ на Тобольскъ. Дорога уже и хуже. Мостишки крестьянскіе, утлые, безъ надзора. Станція огромная, 32 версты. Везъ грубіянъ. Встрѣтили два озера: а) полторы версты, б) пять верстъ. Озера мелкія, наполовину поросшія камышами. Кажется, высыхаютъ. Передъ селомъ рѣка, мостъ. Купаются. Вѣтеръ, мгла. Засуха. Хлѣбъ тонкій, рѣдкій, малорослый. Стали попадаться березовыя ро-

щицы. На станціи полъ, крыльце, вымыты такъ чисто, будто новые. (Это для праздника Апостоловъ, который разстилается по всей Сибири; думаю, принесли Поляки).

4 станція *Малахово*, деревня (звучитъ Польшею). Спускаясь въ полдень съ горы къ рѣкѣ Ишимъ, мы встрѣтили страшную мглу, но въ три часа она разсѣялась, и воздухъ сталъ чистый. Я перекрестился и возблагодарилъ Бога, увидѣвъ чистый свѣтъ Божій. Но засуха и засуха.

5 станція *Готопупово* (я думаю *Голопупово*, слово, которое нынѣ стыдно произнесть) село. Церковь деревянная, немудрая. Отличный станціонный домъ, но было только 7 часовъ, ночевать рано: поѣхали дальше. Ѣхали разрѣженнымъ березовымъ лѣсочкомъ, больше мелкимъ: останки и отпрыски отъ сожженнаго лѣса. Вдали виднѣются рощицы, стоятъ опаленные остовы березъ. Мѣсто низменное, полуболотистое, ровное; на протяженіи этого проѣзда былъ сегодня дождь (Вотъ причина изчезновенія мглы). Стоятъ на дорогѣ лужицы.

6 станція *Чистяковская*, длинная, 30 верстъ. Пріѣхали въ 10 часовъ вечера. Ночуемъ.

29-е число Іюня. Понедѣльникъ. Апостоловъ Петра и Павла.

Вчера легъ спать безъ ужина. Не было хозяевъ дома. Выпилъ стаканъ воды, разбавивъ бѣлымъ виномъ, съ тѣмъ и уснулъ. Спалъ мирно. Во снѣ: «Мнѣ, съ нѣсколькими другими, поручено принести откуда-то въ церковь святыя вещи, торжественно. Мы пошли, взяли вещи, несемъ. Я почти послѣдній и отсталъ. Когда я поравнялся противъ царскихъ дверей, служащій въ это время читалъ поминовеніе христіанъ на великомъ выходѣ. Мнѣ пришлось слышать: «Во царствіи Твоемъ»... Проснувшись перекрестился, прося Господа помянуть меня во царствіи Своемъ. Подумалъ: «Это есть предвареніе близкой кончины моей». День ясный. 6 часовъ. Ѣдемъ.

1 станція *Кусоярская*—деревня. Переѣздъ 30 верстъ. Ѣхали дурно, лѣниво и вяло. Дорога предурная. Дня за три былъ дождь, но уже не воскреситъ погорѣвшихъ посѣвовъ: тощи, низки, рѣдки, или подавлены крупною дикою травою, полу-сухою, колючею. Лѣсу довольно, но весь обожженъ, стоятъ обугленныя тычины, немного зеленаго.

Видѣли двухъ журавлей, прохаживаются по окраинѣ лѣса, по травѣ. Огромный орелъ сидѣлъ на сухой березѣ.

На станціи вышла ко мнѣ старуха-хозяйка и не кивнула. Тотчасъ сѣла и заговорила о житьѣ-бытьѣ. (Я подумалъ, раскольница). Повелъ и я тихо рѣчь съ нею, не давая ей замѣтить ея спѣси предо мною или глупости. Она сказала, что на нашемъ переѣздѣ, направо

и налѣво, есть до 50 озеръ! Какое озерное мѣсто! Это все еще Бараба, но кончается. Мѣстность готовится къ перемѣнѣ.

2 станція *Балеклейская*—Татарскій аулъ. Начался красный лѣсъ, высокій, густой. Одна сторона выжжена, другая зеленая; я крестился отъ радости. Воздухъ свѣжѣе. Переѣхали двѣ рѣчки, небольшія. Здѣсь пьемъ чай (11 часовъ). Здѣсь отдыхаетъ проѣзжающій изъ Тобольска воинскій начальникъ. Жена его въ мужскомъ одѣяніи. (Видѣлъ Ѳедоръ, а не я. Мнѣ она, конечно, совѣстилась показаться въ этомъ костюмѣ; потому же, вѣроятно, не показался мнѣ и мужъ. Они сидѣли молча въ другой комнатѣ, какъ два таракана въ щели. Такъ-то матушка—совѣсть, ни запьешь, ни заѣшь; она кричитъ). Здѣсь же мнѣ жаловался Русскій крестьянинъ, Иванъ Ильичъ Сухихъ, житель этого улуса, на Татаръ, которые его избили безчеловѣчно на полосахъ посѣва. Крестьянинъ точно избитъ тяжко: пищитъ какъ цыпленокъ. Я сказалъ (на улицѣ) Татарамъ: «За что вы избили Русскаго сосѣда вашего такъ безчеловѣчно?» — «А онъ зачѣмъ поселился между нами? Это наша земля. Пускай бы шелъ къ своимъ Русскимъ». Бѣдный Русскій! Онъ и дома чужой. Хотя и то сказать должно, что неблагоразумно одинъ Русскій поселился между Татарами.

И здѣсь Татары бравый народъ; одинъ другого бравѣе. Смѣлый, живой, рьяный и одѣтъ лучше Русскаго. Улусъ строенъ не въ линію, но дома одинъ другого лучше, и улица чиста, какъ гумно, даже и ограда для домашняго обзаведенія.

У женщинъ дурная походка. Безпоясые и мужчины, и женщины.

(Жалобу крестьянина я передалъ въ запискѣ преосвященному Тобольскому изъ Тюмени).

Дорога хуже и хуже. Мелкіе бѣлоглинистые пески, подъ ними рѣшетникъ, полусогнившій съ промежутками. Прыгаютъ и толкаются колеса: трясеніе несносное, а ѣзда медленная.

Лѣса у Татаръ сохранились лучше. Есть широкія полосы зеленѣющаго, густого, нетронутаго (можетъ быть, никогда) палами лѣса.

А однако впереди насъ вьются клубы бѣлаго дыма: пылаетъ лѣсъ, на треть горизонта. (Пріѣхавши въ Тобольскъ, мы узнали, что это палы еще далѣе Тобольска верстъ сто. Слѣдовательно мы ихъ видѣли почти за двѣсти верстъ).

3 станція *Истянская*, деревня, либо улусъ. Рѣка Вагай (или Вагой). Тутъ по обоимъ берегамъ бѣлый (съ прожелтью) песокъ, чистый, мелкій. Мнѣ понравился, я набралъ его (привезъ сюда въ Перерву, 30 Октября 1870 года). Немного уступаетъ въ бѣлизнѣ, мелкости и чистотѣ Кіевскому (который тоже ведется у меня съ 1841 года).

На рѣкѣ мельница хорошаго Русскаго устройства (въ Сибири—уродливыя, безобразныя, неудобныя и очень маленькія мельницы).

Здѣсь водворился поселенецъ, кажется изъ привилегированнаго сословія, женился и принялся за хозяйство: мельница его, и домъ у него городской.

Спускъ къ рѣкѣ и подъемъ высоки и крутые. Я шелъ пѣшій и едва вытянулъ.

Здѣсь я привѣтствовалъ впервыя можжевельникъ, котораго нѣтъ въ Сибири. Пошли опять сосны. Увидѣлъ липу (ее нѣтъ въ Сибири). Обоняю Русь и радъ какъ ребенокъ!

4 станція *Дресвянская*—деревня. Переѣздъ 31 верста. Боръ и песокъ и подмостки. Измученъ. Ямщикъ Татаринъ, лукавый и лѣнивый. Ѣдемъ утомительно-тихо.

5 станція *Копотилово*, кажется, деревня. Переѣздъ 34 версты. Ѣзда тихая. Дорога предурная, почти безъ надзора. Ѣдемъ лѣсами. Хорошіе, крупные, смѣсь краснаго съ лиственнымъ. Есть полосы обгорѣлаго лѣса, но цѣлаго лѣсу гораздо болѣе.

Мы ѣдемъ въ виду рѣки Вагоя. Тихая, подъ сѣнію бора. Берега—черноземъ и пески мягкіе. Нѣтъ ни камушка.

Проѣхали село. Видѣли на крыльцѣ церкви духовенство. Подошелъ священникъ Алексѣй Силинъ, четыре года кончившій курсъ, вѣжливый и разумный. Церковь деревянная недавно обшита тесомъ и покрашена, видъ новый. Пріятно видѣть въ молодомъ священникѣ озабоченность. И себѣ онъ строитъ хорошій домъ, а теперь пока живетъ въ дурной избѣ, гнилой. Звалъ къ себѣ на чай. Я отказался за хилостію ногъ и за позднимъ временемъ.

Лиственницы въ лѣсахъ уже нѣтъ, она кончилась еще въ Томской губерніи. Здѣсь ночуемъ.

30 число Іюня. Вторникъ. Двенадесяти Апостолъ.

Вчера мнѣ въ ужинъ дали молока съ ягодами и два яйца смятою. Спалъ тихо.

Просыпаясь, читаю: «Азъ есмь червь, а не человѣкъ». Всталъ, перекрестился, помолился. Чувствую себя порядочно.

На улицѣ свѣжо. Ѣдемъ.

1 станція *Старопогостинская*—деревня. Мѣстность красивая. Огромное (верстъ 7 въ діаметрѣ) болото, почти высохшее. Его огибаетъ дугою высокій берегъ и по немъ на большихъ разстояніяхъ до полдюжины деревень. Вдали виднѣется зеркало озера. Еще дальше, направо, параллельно, высокій хребетъ: это берегъ величественной рѣки Иртышъ. (Такъ я обычно любовался въ Енисейской губерніи

хребтами горъ, коими означалось ложе Енисея, Чулыма и другихъ большихъ рѣкъ). На этомъ дугообразномъ хребтѣ, въ числѣ первыхъ деревень, и наша станція.

Церквп нѣтъ, и далѣе въ деревняхъ невидно. Вѣроятно, тутъ раскольники. Названіе станціи показываетъ, что тутъ была церковь (*погостъ* есть кладбище, которое въ старину всегда бывало при церкви).

Въ деревнѣ, на пути, въ бору, переправляемся чрезъ рѣку *Ашлыкъ* на паромѣ. Впереди хорошая мельница, а на берегу хорошій двухъэтажный домъ.

Воздухъ чистый и свѣжій. Я чувствую себя въ пріятномъ расположеніи.

Пàлы есть и здѣсь. Курится боръ, даже самый огонь мы видѣли. Но все же здѣсь горѣлаго лѣсу несравненно меньше, и зеленѣющіе лѣса пріятно утѣшаютъ. Лѣса здѣсь густые, густѣйшіе (въ Сибири рѣдкіе), зелень могучая, а не тощая, дремлющая, хилая, корявая, полусухая, умирающая, колючая (какъ въ Сибири).

Дорога: пески же и гати мучительныя. Мостишки предурные, дѣлаемы мужицки, безъ знанія. Въѣзжая на мостишки, непремѣнно получишь страшный толчекъ, равно и съѣзжая ткнешься внизъ. Сибирскіе мосты (особенно Енисейской губерніи) превосходные: неслышно, какъ въѣдешь и съѣдешь съ моста.

2 станція *Бакшеево*—деревня. Здѣсь все, кажется, раскольники. Нѣтъ церквей.

Встрѣтились кедры, сіи цари деревъ. Сосны передъ ними, какъ цыплята передъ маткою. Густые, многовѣтвистые, темнозеленые. И сукъ, какъ бревно. Я слѣзалъ, чтобъ полюбоваться ими. Земля бѣлая. Хлѣбъ тощій, особенно яровой, никуда не годится, едва выглядываетъ изъ земли и хилый. Здѣсь навозятъ (въ Сибири не знаютъ этого), собираютъ даже соръ съ улицъ.

Болотистая рѣчка въ логовищѣ широкихъ болотъ.

Подъѣзжаемъ къ Иртышу. Деревни по краямъ и берегамъ небольшія, но ихъ много: видно довольство (кажется, раскольники).

Въ концѣ этой полустанціи (она раздѣлена на двѣ), мы опять переправлялись чрезъ Иртышъ, на правый его берегъ. Лѣвый берегъ низменный, а правый высокій, обрывистый, но земляной (нѣтъ ни камушка, даже и въ рѣкѣ). Вода въ Иртышѣ мутная глинисто-желтая, впрочемъ мягкая и пріятная на вкусъ.

Тотчасъ, по переѣздѣ рѣки, Абалацкій монастырь. Западъ его смотритъ на Иртышъ. У самой западной стѣны монастыря трактъ, а за нимъ страшная пропасть, отвѣсный берегъ надъ Иртышемъ.

Монастырю грозитъ разрушеніе: берегъ подмывается. Уже и теперь есть провалы, защищаемые широкою работою для возможности держать здѣсь трактъ. Но зрѣлище отъ воротъ монастыря на Иртышъ направо и налѣво, и чрезъ него въ даль, рѣдкое.

Я былъ въ монастырѣ. Хорошій, немалый, хорошо обстроенный, весь каменный, опрятно содержимый. Двѣ особыя церкви: 1) Знаменія Божіей Матери, Абалацкой, огромная, свѣтлая, круглая, два ряда оконъ. Иконостасъ древній, Московскій, въ нѣсколько рядовъ. Здѣсь я попросилъ эпитрахиль и предъ образомъ Знаменія Божіей Матери (я родился при храмѣ Ея имени) прочиталъ акаѳистъ Божіей Матери (Послѣдованной Псалтири), проплакавъ сладко (со мной былъ лишь послушникъ) 2) церковь теплая, въ трехъ престолахъ: а) Пресвятыя Троицы; б) Вознесенія Господня; в) Николая Чудотворца. И эта церковь обширная; она новѣе.

Мы подъѣхали къ монастырю и вошли въ него часа въ три. Мертвая тишина. Я послалъ Ѳедора поискать живого человѣка. Иди куда хочешь, келіи росперты, иидѣ спять. Такъ мы, монахи, просты и благонадежны: почитаемъ цѣлый свѣтъ своими братьями.

Къ концу акаѳиста, мною читаннаго, пришли архимандритъ и еще два-три старца. Епитимійный священникъ. Архимандритъ Антоній, уже старецъ, почтеннаго вида.

Я внесъ три рубля на братію и въ церковь.

Былъ страшный вѣтеръ, такъ и рветъ; по площади монастыря безпокойно ходить. Я думаю, это у нихъ всегда. Монастырь на высокомъ берегу, обрывистомъ, надъ огромною рѣкою, совершенно открытый. Въ этомъ монастырѣ чтится икона Божіей Матери Знаменія. Ее привезъ изъ Новгорода первый митрополитъ Тобольскій всей Сибири Корнилій. При первомъ завоеваніи Сибири (при царѣ Ѳеодорѣ или Борисѣ) Корнилій Новгородскій пріѣхалъ со своею святынею. Онъ, или другой преосвященный послѣ него, водворилъ сію икону здѣсь въ монастырѣ, не знаю; только монастырь огражденъ для сей иконы. Ее чтитъ вся Сибирь. Ее чтутъ чудотворною. Она совершенное подобіе Новгородской. (Я это знаю). Названа еще эта икона, а съ нею и монастырь *Абалацкимъ*, не знаю почему. Мѣстность открытая и ровная.

Отъ Тобольска считаютъ 17 верстъ. (Тутъ гдѣ-то перемѣна лошадей, полустанція, называющаяся *Соленая*. Мы перемѣнили лошадей).

За десять верстъ отъ Тобольска мы встрѣтили страшные многовѣтвистые провалы. Спускъ нашъ ко дну ихъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ на пути нашемъ и великолѣпныхъ. Маленькая рѣчка разрѣзываетъ и разъѣдаетъ эти щели, имѣя вблизи Иртышъ, въ который впадаетъ, раскалывая обрывистый хребетъ его берега, состоящій изъ

мягкой глины. На полудне этого дикаго оврага, на той сторонѣ рѣчки, на косвенной площадкѣ построенъ хорошій женскій монастырь во имя Іоанна Предтечи и называемый *Межигорскій* (по подражанію такому же Кіевскому). Когда мы поравнялись съ симъ монастыремъ, въ немъ благовѣстили (вѣроятно, къ вечернѣ, 5 часовъ). Я опустилъ въ кружку сбора малую серебряную монету (50 коп.).

Подъѣзжаемъ къ городу, видимъ впереди столбъ страшнаго пожара, пожирающаго лѣса за городомъ. Но еще ближе, надъ самымъ повидимому городомъ, вдругъ поднялись клубы чернаго дыма. У меня замерло сердце. Я подумалъ: не столь ли я несчастенъ, что въѣзжаю въ пылающій городъ? Подъѣхавъ ближе, узнали, что это курятся кирпичные сараи.

Въ городъ въѣздъ ровный (кажется съ Сѣверовостока). Улицы прямыя, высланы досками (камня здѣсь нѣтъ). Скоро въѣхали на обширную площадь, на коей красуется соборъ и еще, кажется, двѣ церкви, и архіерейскій домъ.

Приняты дружелюбно. Насъ давно здѣсь ждутъ. (Я писалъ и есть телеграмма изъ Омска). Насъ встрѣтилъ экономъ дома, протоіерей Никита Ѳедоровичъ, вдовый (изъ Муромскихъ). Преосвященный слушалъ вечернюю службу. Преосвященный Варлаамъ принялъ меня дружески, обласкалъ, наговорились досыта, поужинали вмѣстѣ. Мнѣ далъ весь верхъ (3-й этажъ) огромнаго архіерейскаго дома. Помолился. Сладко уснулъ.

VIII. Городъ Тобольскъ.

1-е число Іюля. Середа. Св. Космы и Даміана.

Архіерейскій домъ въ Тобольскѣ лучшее зданіе въ городѣ, на лучшемъ мѣстѣ. Онъ обнесенъ оградою и съ башнями, въ видѣ монастыря. Площадь огромная. Службы каменныя. Домъ въ три этажа; видно всякому, что это не частный домъ. Въ немъ двѣ церкви: во второмъ этажѣ обширная и какъ бы соборная, въ третьемъ—какъ бы келейная (послѣдняя мнѣ лучше понравилась. Живопись Греческая, на золотѣ, разительная. Идея высокая и смѣлая).

Первый выходъ мой къ литургіи. Преосвященный Варлаамъ пришелъ прежде меня. Вхожу: мнѣ подстилаютъ орлецы. Царскія двери растворены. Преосвященный проситъ, чтобъ я съ амвона благословилъ народъ и указываетъ мнѣ пройдти въ алтарь чрезъ царскія двери! Я былъ стѣсненъ и ужасался, но нашелъ благоразумнѣе покориться, разсуждая, что я, своимъ смиреніемъ и уклончивостію, могъ бы обидѣть преосвященнаго и какъ бы обличить его въ присвоеніи себѣ неподобающаго.

Служба степенная, пѣніе пѣвчихъ чинное; есть народъ. По окончаніи службы преосвященный вмѣстѣ съ собою опять повелъ меня сквозь царскіе врата. Опять потребовалъ, чтобъ я осѣнилъ народъ съ амвона и потомъ просилъ сдѣлать поученіе. Это меня привело въ замѣшательство. Сочелъ однако приличнѣе повиноваться и сказалъ нѣсколько словъ (теперь не помню, о чемъ). Затѣмъ, съ благословенія преосвященнаго, я началъ мое путешествіе по Тобольску.

Сперва каѳедральный соборъ. Хотя онъ стоитъ на хорошей городской площади, но восточная часть его, а именно весь алтарь его входитъ, во дворъ архіерейскій, и ограда архіерейскаго дома примыкаетъ къ нему съ Юга и Сѣвера. Соборъ Софійскій (ясное подражаніе Новгородскому). Недавно обновленъ, въ лучшемъ видѣ: все свѣжо и сіяетъ. Иконостасъ многоярусный, стѣны расписаны.

Теплый соборъ, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, особенный, построенный внутри архіерейскаго двора, близъ холоднаго. Либо вовсе вновь построенъ, либо перестроенъ съ значительнымъ расширеніемъ направо и налѣво, преосвященнымъ Евлампіемъ. (Царство ему небесное! Многострадальный, искушенный). И эта церковь возобновлена въ самомъ удовлетворительномъ видѣ: характеръ чисто-Греческій, ничего новаго.

Изъ собора пошли въ ризницу. Она въ колокольнѣ. Входъ очень неудобный и высоко. Удивила меня ризница. Есть вещи брилліантовыя, какихъ я не видалъ даже въ Москнѣ и лаврахъ, напримѣръ, панагія, вся брилліантовая, самыхъ крупныхъ зеренъ. Много древнихъ крестовъ, митръ, сосудовъ, облаченій, посоховъ. Хранится посохъ, врученный первому святителю Сибирскому Корнилію патріархомъ Филаретомъ: вещь, однакоже по стоимости въ настоящее время мало-цѣнная.

Хранятся съ десятокъ подлинныхъ древнихъ грамотъ.

Отсюда, по распоряженію преосвященнаго, я поѣхалъ въ Семинарію. Она въ нижнемъ городѣ, среди его, въ хорошемъ Знаменскомъ монастырѣ. Пріѣхалъ. Меня здѣсь уже ждутъ, собрались въ парадной залѣ. Я пришелъ. Пропѣли молитву. Тутъ всѣ наставники и часть учениковъ (представительная, кончившіе курсъ).

Было родъ засѣданія. Сидимъ за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ. Молчатъ, смотрятъ на меня. Ожидаютъ моихъ рѣчей. Я вынужденъ былъ говорить. Старался заводить рѣчи такъ, чтобъ ввести въ разговоръ съ собою по крайней мѣрѣ о. ректора и тѣхъ, что близъ меня: отвѣты короткіе. Къ несчастію, о. ректоръ (архимандритъ Димитрій) нетрезвъ. Поговоривши немного, я вышелъ. Пошли въ церковь Знаменія. Она среди монастыря. Хорошая, простая, свѣтлая, стариннаго характера. Поѣхалъ домой.

У преосвященнаго браный обѣдъ: члены Консисторіи и семинарскіе чины. Ректоръ уже довольно нетрезвъ, и видно, что мученикъ своей слабости, жалѣетъ и стыдится, какъ красная дѣвица. Члены Консисторіи важные, смѣлые, исполненные опытовъ и знаній. Говорилъ больше преосвященный, но и я вмѣшивался. У преосвященнаго кушанья не пріятны: рыба тяжко солена и имѣетъ запахъ, тоже икра и прочія кушанья грубы; не думаю, чтобы любилъ это владыка. Дурная прислуга и экономія помрачаютъ все доброе. При мнѣ экономъ былъ даже тяжко пьянъ, и казначей (завтра придетъ ко мнѣ поутру) до обѣдни, тоже пьяный іеромонахъ. Видно, и у строгихъ архіереевъ безпорядковъ немало.

Отдохнувши, въ 5 часовъ вечера, мы поѣхали вмѣстѣ съ преосвященнымъ:

а, На дачу его, тотчасъ за городомъ (къ Сибири), съ версту отъ города. Немалое мѣсто: роща березовая и лугъ. Небольшой домъ деревянный. Хорошая каменная церковь (ее построилъ преосвященный Владимиръ Алявдинъ и тутъ погребенъ. Искатель, формалистъ, но послѣ сокрушенный и богобоязненный). Здѣсь мы походили и по рощѣ. Преосвященный указалъ мнѣ дерево, разбитое молніею, кажется, въ нынѣшнемъ году. Ничего въ мірѣ даромъ не бываетъ. Преосвященный задумался. И я боюсь, не ему ли это перстъ отъ Бога!

Помолясь въ церкви и погулявши по рощѣ (направо и налѣво, въ смежности, дачи горожанъ), мы поѣхали на 10-ю версту въ Сибирь обратно, въ женскій Іоанно-Предтеченскій Межигорскій монастырь. Ѣхали быстро (ровная дорога). Пріѣхали. Насъ ждутъ. Встрѣтили.

Мы пошли сперва въ училище дѣвицъ духовнаго званія. Ихъ побольше двадцати. Начали экзаменъ. Преосвященный предложилъ мнѣ давать вопросы, отвѣчали дѣвицы изрядно по Церковной Исторіи, по Катихизису и по Географіи. Законоучитель священникъ, въ камилавкѣ, среднихъ лѣтъ, степенный и разумный. Игуменья тонкая и наблюдательная. Порядокъ и чистота вездѣ. Она и директриса училища. Дѣвушки веселаго взгляда, слѣдовательно довольны, одѣты прилично. Ихъ кроватки, мебель, жилище въ хорошемъ видѣ. Словомъ, училище доброе; побольше бы такихъ!

Съ училищемъ смежно заведеніе бѣлѣнія воска и дѣланія церковныхъ свѣчъ. Симъ дѣломъ занимаются сестры монастыря и молодыя дѣвицы. Свѣчи хороши. Аккуратность и чистота всюду. Дѣло лишь въ началѣ: ожидаются большіе успѣхи, и дай Богъ! Молитва и чистота души трудятся надъ дѣломъ симъ во славу Божію. И здѣсь пріятно было видѣть сестеръ и дѣвицъ, рачительно занятыхъ на указанномъ мѣстѣ, послушныхъ и ревностныхъ. Видно, что онѣ не тяготятся за-

нятіемъ симъ, а рады ему. Вотъ что значатъ благочестіе и добродѣтель! Въ сладость иждиваютъ себя, во славу Божію! (Игуменія изъ Екатеринбургскаго женскаго Ново-Тихвинскаго монастыря, гдѣ дѣланіе свѣчей давнее и укоренилось).

Пошли въ церковь. Пропѣтъ сестрами стихъ. Преосвященный опять обратился ко мнѣ съ предложеніемъ сказать сестрамъ поученіе. Не готовясь опять къ такому порученію, я произнесъ протяжно: «*Блаженніи чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*». Преосвященный благодарилъ.

Походили по монастырю, видѣли бѣлѣніе воска, сады, огороды, садикъ отроковицъ училища: весь въ цвѣтахъ (что имъ такъ прилично).

Простились и поѣхали обратно въ Тобольскъ.

2-е число Іюля, Четвергъ. Положеніе ризы Богородицы. Ахтырскія Божія Матери.

Спалъ тихо. Просыпаясь твержу: «Смерти празднуемъ умерщвленіе»... (изъ канона Пасхи). Помолился. Обошелъ комнаты этажа, гдѣ я, и услаждался созерцаніемъ и размышленіемъ въ малой домовой церкви. Какое удобство архіерею спасать свою душу, бесѣдовать молитвенно съ Богомъ, со Ангелами, со Святыми, каяться во грѣхахъ, просить пощады, молиться за паству, за царство, за весь міръ!

Протоіерей Петръ Андреичъ полюбилъ меня, какъ сына еще въ Красноярскѣ, заочно (у насъ были случаи къ перепискѣ съ нимъ) и мнѣ пророчествовалъ: «Не умру, не увидѣвъ лице ваше». Такъ и случилось. Я желалъ бы утѣшить его вѣнчаніемъ главы его митрою. Преосвященный Варлаамъ говоритъ мнѣ: «Старикъ протоіерей и спитъ и видитъ на головѣ своей митру, твердя: «Не умру, не получивъ митры».

Жалѣю, что преосвященный такого старца и столь достойнаго трактуетъ унизительно, обходится съ нимъ, какъ съ ребенкомъ и подручнымъ. Особенно непріятно: стучитъ по лбу его рукою довольно чувствительно, лаская. Но это обида! Протоіерей въ камилавкѣ, въ крестахъ, восьмидесятилѣтній, стоитъ предъ архіереемъ, не играя съ нимъ и не для игрушекъ ему. Такія ласки походятъ на игру кошки съ мышью. Особенно мнѣ жаль было видѣть такое унизительное обращеніе, постороннему: протоіерей стыдился быть подъ пыткою у своего архіерея, особенно при чужомъ.

Мы были на обѣдѣ у протоіерея. Съ нами былъ и вице-губернаторъ Михаилъ Николаичъ Курбановскій (за отсутствіемъ губернатора онъ былъ старшій). Этотъ достойный человѣкъ сынъ Вятскаго протоіерея, коего важныя судьбы совершались при мнѣ тамо. Михаилъ Николаичъ особенно выразилъ мнѣ свое вниманіе по сему

обстоятельству. Онъ учился въ Казанскомъ университетѣ, и это открыло ему путь къ высокимъ должностямъ.

О. протоіерей отъ лѣтъ довольно глухъ и слабо видитъ, но вообще тѣлесно бодръ. Онъ забавлялъ насъ, крича во все горло, въ разговорѣ (онъ, конечно, думалъ, что говоритъ умѣренно) и яко старецъ-младенецъ юродствуя въ поступкахъ и движеніяхъ. Онъ вдовъ. Сыновей нѣтъ. Есть дочери, кажется двѣ, обѣ вдовы, одна была за полковникомъ. Онѣ живутъ у него. Послѣ обѣда преосвященный и Михаилъ Николаевичъ, съ прочими, проводили меня до Иртыша, до перевоза, и здѣсь мы простились.

О городѣ. Тобольскъ на половину стоитъ на горѣ, и на половину подъ горою. Рѣка Иртышъ въ этомъ мѣстѣ выгибается дугою версты четыре или пять въ діаметрѣ, оставляя низменную и ровную площадь (отчасти болотистую), высокій же хребетъ его такою же дугою выгибается во внутрь мѣстности. Первая половина города и расположена по этому хребту, а вторая по низменности, подъ горою, къ рѣкѣ. Въ первой части: соборъ, архіерейскій домъ, присутственныя мѣста, городской садъ, часть жительства горожанъ; во второй, самый городъ, гостиный дворъ, богатые горожане. Тутъ монастырь и много церквей. Сію часть иногда затопляетъ Иртышъ, потому что очень низкое мѣсто. Постройки, наиболѣе каменныя, улицы прямыя, спускъ съ верхняго города къ нижнему, великолѣпный, идетъ по дну оврага (конечно, выровненнаго) отлого; направо и налѣво откосы, горы растутъ постепенно; направо соборъ, архіерейскій домъ, церковь, налѣво городской садъ. Спускъ тянется съ версту: настилка досками продольно. Тормозили экипажъ.

О преосвященномъ Варлаамѣ. Онъ старше меня. Ему 70 лѣтъ, но бодро держитъ себя, хотя говоритъ уже гугниво (нѣтъ многихъ зубовъ), шагаетъ смѣло и широко, но, кажется, и у него болятъ ноги. Онъ впросѣдь.

Да продлитъ Господь надъ Россіею милость свою, да сохранится вѣра православная въ ней и церковные порядки въ ней!

Написалъ письмо въ Красноярскъ. (Оно, кажется, затеряно пьянымъ казначеемъ, въ Красноярскѣ не получено).

Былъ у ранней (въ 7 часовъ) въ соборѣ, въ лѣвомъ придѣлѣ. Служилъ священникъ, родной братъ игумена Измаила, скончавшагося въ Туруханскомъ монастырѣ и на него очень похожій.

Послѣ литургіи я попросилъ отпѣть краткую литію надъ гробницею святителя Іоанна Максимовича, завѣдомо петлѣпно почивающаго, пѣвца и сказателя на пѣснь: «Богородице Дѣво, радуйся»... Мощи его

съ правой стороны перенесены на лѣвую по нуждѣ, при разборѣ стѣны собора. (Лѣтъ за 40 предъ симъ).

Сегодня предположенъ браный обѣдъ у каѳедральнаго протоіерея, Петра Андреича Флицына, старца за 80 лѣтъ, родомъ Москвича, завезеннаго сюда архіепископомъ Антоніемъ Знаменскимъ.

Преосвященный, по возвратѣ моемъ отъ литургіи, зазвалъ меня къ себѣ и далъ два порученія:

Первое. Содѣйствовать въ Москвѣ и Петербургѣ, елико могу, къ награжденію сего каѳедральнаго протоіерея митрою, которой онъ, конечно, стóитъ, послуживши въ священствѣ около шестидесяти лѣтъ и въ томъ числѣ до сорока лѣтъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Имѣющій два креста бронзовыхъ, за 1812 и за 1854—1856 годы, два золотыхъ наперсныхъ и орденъ Св. Анны 2-й степени.

Второе. Преосвященный составилъ ученую статью, коею занимался много лѣтъ, о исправленіи нашего церковнаго лѣтосчисленія. По мнѣнію и изысканіямъ его якобы выходитъ, что если отъ лѣтъ до Христа отнять 8 лѣтъ, приложенные будто лишь для круглоты цикла, то наше восточное лѣтосчисленіе якобы совпадетъ съ западнымъ. Рукопись сію преосвященный Варлаамъ представилъ въ Сѵнодъ; она ему оттуда возвращена съ критикою, сдѣланною преосвященнымъ Ярославскимъ Ниломъ; преосвященный Варлаамъ на сію критику сдѣлалъ опроверженіе и снова послалъ въ Синодъ, испрашивая разрѣшенія напечатать свой трудъ. Святѣйшій Сѵнодъ отослалъ рукопись и съ приложеніями въ Московскую Духовную Академію, гдѣ она и лежитъ безъ движенія. Преосвященный просилъ меня ходатайствовать о движеніи сего дѣла.

По первому. Я, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, тонко напомнилъ митрополиту Московскому Иннокентію. Я получилъ холодный отказъ со стуженіемъ, какъ дѣло не только невозможное, но и нелѣпое. Однако, въ Сентябрѣ, я о томъ же написалъ Василію Борисовичу Бажанову, духовнику Государеву и члену Святѣйшаго Сѵнода.

По второму. Я тоже писалъ къ ректору Московской Академіи протоіерею Александру Васильевичу Горскому, убѣждая дать разрѣшеніе напечатать статью, увѣряясь, что, если она и можетъ подлежать замѣчаніямъ, то все же не есть ересь опасная, слѣдовательно обнародована быть можетъ, въ утѣшеніе сочинителя, во успокоеніе (ибо онъ доселѣ почитаетъ себя обиженнымъ) и, можетъ быть, для пользы мыслящихъ. Отвѣта не получилъ.

Магистръ 6-го курса Московской Академіи 1828 года. Въ службѣ онъ счастливъ. Около 30 лѣтъ въ архіерейскомъ санѣ. Былъ викаріемъ въ Кіевѣ, въ Пензѣ, въ Архангельскѣ, въ Тобольскѣ. Строгъ, любитель правды, которая иногда переходитъ въ жесткость.

Слишкомъ близко вникаетъ въ дѣла подчиненныхъ. Это я замѣтилъ и по дѣламъ собора и Консисторіи, и особенно по женскому монастырю. Игуменія у него какъ будто его ключница, а онъ хозяинъ монастыря. Ошибка и тяжкое стѣсненіе подчиненныхъ и случаи къ нанесенію и полученію оскорбленій. Бывши въ Архангельскѣ, онъ сдѣлалъ доносъ на губернатора въ потворствѣ его Англо-Французамъ (въ Крымскую войну). Хотя все возстало на преосвященнаго Варлаама, даже Сѵнодъ (т. е. оберъ-прокуроръ), но губернаторъ не оправдался и, не дождавшись кары, умеръ скоропостижно. Губернаторъ не Русскій. Не хвалю преосвященнаго за то, что проходитъ чрезъ царскія двери и неслужа: я этого не видывалъ и не дѣлалъ. Мы святы въ служеніи, а безъ него мы простые богомольцы, какъ и всякій христіанинъ.

Преосвященный Варлаамъ нелестно набожный человѣкъ. Я съ нимъ служилъ немного въ Тулѣ, въ Семинаріи. Онъ былъ ректоръ, я инспекторъ (въ 1833—1834 годахъ). Онъ сынъ протоіерея. Важность, слѣдовательно, ему врожденна, какъ мнѣ, сыну причетника—мизерность.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА*).

IX. Отъ Тобольска до Тюмени.

На паромѣ сталъ чиновникъ для проводъ моихъ. Мы заводились съ версту и болѣе вверхъ. На берегу стоитъ фантастическая постройка, приготовленная для встрѣчи Великаго Князя Владимира Александровича, въ прошедшемъ или запрошедшемъ году. Въ этомъ мѣстѣ онъ сошелъ съ парохода. Иртышъ въ этомъ мѣстѣ тоже меньше версты, течетъ трубою, безъ острововъ.

Переплыли благополучно. Ѣдемъ. Насъ везетъ Татаринъ хорошо. Долго видимъ Тобольскъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ круглѣе и законченнѣе онъ виденъ: храмы Божіи—главное украшеніе. Архіерейскій домъ, самая середина города. Присутственными мѣстами кончаются хребетъ горы и городъ, налѣво земля бѣлесая, жестокая, толкаетъ. Лѣсокъ кустарный; есть дубы, липы.

1 станція, село *Карчинское*. Деревянная, многоглавая, своеобразная церковь. Рѣка, сказали *Туранъ*; я думаю *Тоболъ* (можетъ быть, я не разслышалъ).

2 станція, *Кутарбитская*—деревня Татарская. Везъ Татаринъ. Дорога ровная, хотя есть мелкіе овраги. Мосты чуть живы и дурные. Есть лѣсъ, и строевой. По деревнямъ скотина на улицѣ, особенно много овецъ. (Татарское закомство, памятникъ кочевой жизни). Земля тоже глазастая, бѣлесая. Навозятъ. Начали жать. Здѣсь рѣка Тоболъ. Ночуемъ.

3 число Іюля. Пятница. Св. Іакинѳа. Анатолія Александрійскаго Филиппа митрополита Московскаго. Василія и Константина Ярославскихъ.

Я всталъ, а ребята спятъ. Будить жаль. Помолился. Почиталъ изъ Новаго Завѣта и Псалтири.

1 станція, *Байкаловская*. Домъ станціи, кажется, Татарскій: въ передней стѣнѣ низкія палати, настилка для спанья.

Надоѣдаютъ ямщики, прося «на водочку, на чаекъ, на калачики». Не денегъ жалѣю, но тягочусь нравственнымъ униженіемъ. Прося по-

*) См. выше, стр. 387.

видимому милости, хотятъ исторгнуть ее. Проѣзжающаго хотятъ уровнять съ собою и ввести въ свой кругъ грязи; заставляютъ мыслить и располагать высокія чувствія благотворенія по тому, какъ это имъ кажется приличнымъ и должнымъ. Словомъ, учатъ, какъ надобно быть щедрымъ и унизительно напоминаютъ вамъ чувствіе, нами будто забытое и брошенное, учатъ быть *нравственнѣе*. И что дать? Пятакъ, плюнутъ въ глаза; гривну, сдѣлаютъ гримасу. Двадцать копѣекъ, нелегко: на моемъ пути около 150 станцій. И можно ли всегда имѣть готовый двугривенный? Въ Енисейской губерніи и частію въ Томской, не смѣли у меня просить *на водочку*.

2 станція, *Бачелинская* или *Бачалинская*—село, у рѣки Тоболъ (меньше Томи, больше Чулыма). Каменная церковь, новая, хорошая.

Пришелъ на станцію за милостынею слѣпой. Правый глазъ ему проткнутъ грабителями, грабившими скотъ, который онъ пасъ, а на лѣвомъ выросло бѣльмо, отъ слезъ по матери, по смерти которой онъ остался круглымъ сиротою. Ему 20 л. Хочетъ подвергнуть себя операціи снятія бѣльма съ лѣваго глаза. Я не совѣтовалъ: опасная операція, и надобно, чтобы операторъ былъ не изъ рядовыхъ. Далъ ему 50 к.

3 станція, *Іевлевская*. Закусилъ своего и еще похлебалъ квасу съ огурцомъ и лукомъ. Больше на станціи нѣтъ ничего. Я спросилъ было ихъ пищи, сказали: «У насъ скоромная». Такимъ образомъ несоблюденіе постовъ простирается уже и на деревни.

4 станція, *Южаковская*. Жарко. Солнце въ лице (ѣдемъ на Югозападъ), вѣтеръ слабый и попутный несетъ за нами поднятую пыль.

Начинается черноземъ. Яровой хлѣбъ сгорѣлъ, озимый порядочный. На станціи переправлялись чрезъ рѣку Тоболъ. Красно-мутная вода, теченіе тихое. Полей много, даже есть сплошныя (чего нѣтъ въ Сибири).

Сибирскія *поскотины* кончились. Поля подходятъ къ самому селенію. (Въ Сибири окружаютъ селеніе, версты на двѣ и до пяти въ діаметрѣ, изгородью; здѣсь пасется скотина сама собою. Хозяйственныя работы на землѣ, посѣвы и проч. уже за этою изгородью). Въ Татарскихъ селеніяхъ на улицахъ тучи овецъ (и еще никого), а въ Русскихъ чистая улица. Лѣсъ рѣдѣетъ, красный.

5 станція, *Покровское* село. Церковь каменная, большая, новая, двухъэтажная. Обводится пространно хорошею каменною оградою, съ желѣзными рѣшотками. За двѣ версты до села насъ настигла гроза съ крупнымъ дождемъ: были удара два грозные. Мы остановились ночевать въ $7^1/_2$ часовъ (Слѣдующая станція—переѣздъ 32 версты; опасались запоздать). Прекраснѣйшая радуга полная, сіяющая, на закатѣ солнца, которое намъ тоже было видно. Домъ крестьянскій, но, посибирски, весьма опрятный. Намъ отдано цѣлое отдѣленіе, половина дома, лучшая. Домъ противъ церкви. Я въ пріятномъ расположеніи духа. Данъ порядочный Сибирскаго вкуса ужинъ съ рыбкою. Дѣва зрѣлая, пріятной наружности, живая, пылающая, быстрый

взглядъ, пришла къ намъ и сѣла. Спрашиваю: «Ты хозяйка?» «Нѣтъ, работница». «Ты женщина или дѣвица»? «Дѣвица». Двусмысленное посѣщеніе. Однако, я не смѣю мыслить дурное. Полнота и цвѣтущее здравіе дѣлаютъ ее живою и нѣжною. Лицо ея пріятное, даже очень, но и непорочное. Она еще входила нѣсколько разъ по надобностямъ. (Тутъ сундуки, постеля хозяйская и, можетъ быть, ея), но ни малѣйшаго слова, движенія, даже взгляда скандальнаго. Дитя природы, само собою любующееся и благоухающее нѣжностію души.

4 число Іюля, Суббота. Св. Андрея Критскаго. Евфимія Суздальскаго.

Спалъ тихо. Грозное сновидѣніе. «Мнѣ говорятъ: пойди ко врачу такому-то; онъ составитъ тебѣ лѣкарство, отъ котораго ты, можетъ быть, выздоровѣешь. Я пошелъ. Пришелъ врачъ написалъ рецептъ и сказалъ: «Лѣкарство стоитъ 14 рублей. Если ты его выпьешь, можетъ быть, выздоровѣешь; а если не выпьешь, умрешь чрезъ 14 дней. У тебя случится разрывъ сердечной вены». Я отсчиталъ 14 рублей. Проснулся. Заснулъ еще; мнѣ говорятъ: «Тебѣ на почтѣ присланы хлѣбъ, вино и елей». Рабъ Твой есмь, Господи Іисусе: буди воля Твоя! (Смотри 18 и 19 Іюля въ этой книгѣ. Но и письмо изъ Казани, отъ 20 Сентября, полученное мною здѣсь, въ Перервѣ, 5 Октября, служитъ къ наблюденію моему! Благъ есть Господь Богъ нашъ! 8 Октября 1870 г.).

Всталъ въ 5 часовъ. Послѣ толикихъ сновидѣній я захотѣлъ, кромѣ келейной молитвы, помолиться во храмѣ. Послалъ къ священнику, сказали, нездоровъ. А крестьяне, собравшіеся у крыльца, стали горько жаловаться на священника: «пьянствуетъ, не служитъ и въ Воскресеніе и въ великіе праздники, не исполняетъ требъ». Мнѣ однакоже хотѣлось быть во храмѣ. Попросилъ отыскать церковнаго старосту и попросить ключи отъ церкви. Идетъ священникъ, безъ рясы, трясущійся; чернота въѣлась въ лице его; едва движется, будто полусонный, среднихъ лѣтъ. Я пошелъ за нимъ. Вошли въ церковь верхнюю. Здѣсь, за правымъ клиросомъ (кажется) колоссальнаго размѣра, въ кивотѣ, образъ Спасителя Нерукотвореннаго, уважаемый во всей окрестности; есть преданіе, что этотъ образъ Ермака Тимоѳеича, завоевателя Сибири. Я помолился. Потомъ вошелъ въ алтарь, приложился къ престолу, помолился со слезами. Далъ два рубля: одинъ на святость, другой духовенству, прося ихъ молитвъ. Священникъ былъ тронутъ. Надѣлъ эпитрахиль и поручни, благоговѣйно перекрестился, сталъ у престола, раскрылъ Евангеліе и, вынувъ изъ него маленькую красную ленту, подарилъ мнѣ ее. Я принялъ благоговѣйно. (Жаль: кажется, я затерялъ ее дорогою).

При выходѣ изъ церкви подошелъ ко мнѣ другой священникъ, молодой, ученый, изъ Калужскихъ. Я ему сказалъ: «На твоего товарища жалуются крестьяне, что онъ за нетрезвостію мало служитъ и не исполняетъ требъ. Тебѣ бы слѣдовало заступить немощнаго и послужить за него». Легкомысленный, говорунъ и занятый собою, засыпалъ меня рѣчами.

Замѣчаніе о 14 дняхъ сна. Вставши рано, не трогая спящихъ ребятъ и помолившись, я сѣлъ читать Св. Писаніе. Читаю 2-е посла-

ніе къ Коринѳянамъ три главы (какія слѣдуютъ) и въ нихъ читаю: *Прежде лѣтъ четыренадесяти*! Я пріостановился, перекрестился. Дивлюсь, хотя не понимаю и не смѣю помыслить ровняться съ великимъ апостоломъ Павломъ.

2-го Іюля, въ день моего выѣзда, назначенъ бранный обѣдъ у о. протоіерея. Домъ его въ нижнемъ городѣ, отъ архіерейскаго дома версты двѣ, а почтовый дворъ еще дальше. Мнѣ уже незачѣмъ было возвращаться въ архіерейскій домъ; протоіерей на пути мнѣ. Потому я еще утромъ послалъ подорожную на станцію и сказалъ, чтобы къ двумъ часамъ лошади были готовы. Получилъ и отвѣтъ, будутъ готовы лошади. Мы съ преосвященнымъ въ 12 часовъ поѣхали на обѣдъ. Въ часъ обѣдъ. Въ два кончился. Спрашиваю о лошадяхъ; сказываютъ: еще нѣтъ ихъ. Предчувствуя затрудненія, я попросилъ о. протоіерея послать нарочнаго на станцію. Ждемъ часъ, лошадей нѣтъ. Мы пообѣдали. Сидѣть даромъ тягостно. Вице-губернаторъ послалъ казака: воротился, сказалъ будутъ готовы лошади. Ждемъ еще часъ. Нѣтъ лошадей. Г. Вице-губернаторъ заскрежеталъ зубами, послалъ другого казака. Въ половинѣ пятаго пріѣхала повозка; ямщикъ одни лоскутья вонючія, лошади дрянь. Г. вице-губернаторъ сказалъ: «Смотритель Полякъ и недавно поступилъ». Конечно ему будетъ вразумленіе. А однако, конечно, зная все это, Полякъ согласился пожертвовать собою, чтобы не упустить случая раздосадовать и опозорить Русскаго архіерея. Такъ я это понимаю. Въ Сибири почти всѣ управленія у Поляковъ. Ихъ наказываютъ этимъ!

1 станція, *Созоновская*—село. Церковь хорошая, кажется, каменная. Есть рѣка большая, но мы не переѣзжали ея. Переѣздъ 32 версты. Закусили, пьемъ чай. Видѣли дорогою два озера. Одно съ версту, а другое большое, верстъ семь. Вчера на этихъ мѣстахъ былъ обильный дождь (вчерашняя туча). Пыли нѣтъ. Есть лужицы. Воздухъ свѣжій; глотаемъ его съ наслажденіемъ.

2 станція, *Вилижанская*—село. Переправлялись чрезъ рѣку Тура. Будетъ 100 саженъ. Вода красная, мутная, течетъ тихо. Красный лѣсъ, строевой. Болотисто. Настилки на дорогѣ мучаютъ. Жнутъ хлѣбъ. Старуха накормила клубникою (мелка и незрѣла).

3 станція, *городъ Тюмень*. Не доѣзжая его верстъ за десять, мы съѣхались съ Сибирскимъ трактомъ, который, для Тобольска, оставили въ селѣ Абацкомъ 28-го Іюня.

Мы сдѣлали лишнихъ около 200 верстъ.

X. Городъ Тюмень.

Онъ Тобольской губерніи. Городъ большой. Седьмъ церквей и монастырь. Расположенъ по рѣкѣ Турѣ, по обоимъ берегамъ. Главное же жительство на правомъ высокомъ берегу.

Поперекъ городъ не широкъ, а въ длину около четырехъ верстъ. Конецъ его, къ Москвѣ, самый высокій; на вершинѣ его монастырь, отдѣляющійся отъ города глубокимъ оврагомъ.

Сюда недавно переведено главное управленіе ссыльными. Ихъ здѣсь сортируютъ и пріурочиваютъ по губерніямъ Сибирскимъ.

Городъ купеческій, богатый, но мужицкій и грязный. Переполненъ свирѣпымъ расколомъ. Монастырь окруженъ одними раскольниками.

Тюмень, и по прежнему, мѣсто остановокъ и перегрузки товаровъ, идущихъ изъ Россіи въ Сибирь и обратно въ Россію изъ Сибири. Но съ недавняго времени, когда заведено пароходное плаваніе отсюда до Томска (чрезъ рѣки Туру, Тоболъ, Иртышъ, Обь и Томь), на пространствѣ болѣе 1500 верстъ, Тюмень дѣлается важною пристанью.

Я попросилъ дозволенія остановиться въ монастырѣ и ночевать здѣсь ради Воскресенія Христова и памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго. Меня приняли вѣжливо. Дали для помѣщенія хорошія комнаты казначея, который на это время перешелъ въ другія келіи.

Былъ у всенощнаго. Пѣніе и служба приличныя, степенныя, неспѣшныя. Служилъ однако одинъ іеромонахъ съ діакономъ, оба старцы.

Немного грустно было, что служба была просто воскресная, и святой воспоминался Аѳонасій Аѳонскій, о преподобномъ же Сергіи не было воспоминанія. Тутъ однакоже не то, чтобъ было намѣренное неуваженіе, невниманіе, а просто невѣжество: служба преподобному Аѳонасію въ Минеѣ впереди, ее и пропѣли. Такъ монастыри наши переполнены крестьянскимъ невѣжествомъ. Храмъ во имя Пресвятыя Троицы, высокій, обширный, свѣтлый. Иконостасъ многоярусный, тоже большой. Храмъ возобновленъ недавно.

Здѣсь, въ паперти, почиваетъ митрополитъ Тобольскій Филоѳей, а въ схимѣ Ѳеодоръ, современникъ Петра Великаго, бывшій въ Туруханскѣ и потрогавшій мощи блаженнаго Василія Мангазейскаго, за что едва не потонулъ, но раскаялся и ублажилъ святаго.

Есть и другая церковь теплая. Монастырь обстроенъ хорошо, пространный, весь каменный. Ночевалъ покойно, хотя пугали клопами.

5-е число Іюля. Воскресеніе. Преподобнаго Аѳонасія Аѳонскаго и Сергія Радонежскаго.

Литургію служилъ архимандритъ Владимиръ соборнѣ, съ двумя старцами іеромонахами. Въ церкви было немного людей. Пахнетъ расколомъ. Подходили однако уважительно къ благословенію.

Архимандритъ, вчера и сегодня, заговорилъ меня, и оставался у меня все время, и ужиналъ, и обѣдалъ со мною. Не далъ мнѣ ни съ кѣмъ поговорить еще, ни походить по монастырю, ни посмотрѣть, ни отдохнуть, ни исправить мопхъ дѣлъ, ни заняться перомъ: несносный угодникъ и межъ тѣмъ весьма неискренній. Вотъ сортъ людей наипаче презираемый мною. Онъ Казанскій семинаристъ; былъ учителемъ въ Чебоксарскомъ духовномъ училищѣ, постриженъ въ монахи Филаретомъ Казанскимъ. Просилъ меня исходатайствовать о переводѣ его отсюда въ Казань въ Кизичскій монастырь или въ Москву: «Бѣдный монастырь—нечѣмъ жить». Я пожалѣлъ о суетности его. Видъ его почтенный, онъ повыше меня, весь сѣдой, но еще свѣжій и бодрый. Я еще не исполнилъ порученности его, но думаю исполнить, письменно.

(Исполнилъ. Писалъ Казанскому архіепископу и получилъ уже отвѣтъ, 13-го Января 1871 года).

Казначеемъ здѣсь вдовый священникъ, за тридцать лѣтъ. Унылый. Его опредѣлилъ преосвященный, наипаче съ цѣлію завести раціональное хлѣбопашество на монастырскихъ земляхъ, въ видахъ улучшенія состоянія монастыря. Казначей, повидимому, держитъ себя независимо отъ архимандрита, почитая себя особою властію. Вотъ что значитъ вмѣшательство архіерея въ чужія дѣла. У казначея въ клѣткѣ бьется птичка, щеголъ иль чижъ, недавно посаженная. Я желалъ купить у него ее, чтобъ выпустить,—не согласился.

Въ монастырѣ три церкви: а) Троицкая, холодная, главная; б) апостоловъ Петра и Павла, теплая; в) Св. Димитрія Солунскаго, третья (она запущена и разрушается). Всѣ онѣ строены преосвященнымъ Филоѳеемъ, и самый монастырь основанъ имъ же.

Вчера приходилъ ко мнѣ изъ города діаконъ, такъ, лишь изъ любопытства. Я поговорилъ съ нимъ: вѣжливый, степенный и неглупый человѣкъ. Много хорошихъ рѣчей о городѣ, о церквахъ, о духовенствѣ. Оно не бѣдно, потому что, кромѣ раскольниковъ, есть и православные, съ состояніемъ и незабывающіе духовенства.

Здѣсь, близъ города, на рѣкѣ, сгорѣла въ этомъ году баржа, нагруженная дорогимъ товаромъ, шелковыми и шерстяными и бумажными издѣліями, сгорѣла до тла. На ней было товару (можетъ быть, на всю Сибирь) на 600,000 р. Можно весьма подозрѣвать, что баржа сожжена злодѣями намѣренно. а) Баржа, богатѣйшая всѣхъ прочихъ; б) товаръ не столь воспламеняющійся быстро, какъ напримѣръ, порохъ, спиртъ, сало, масло. Ее зажгли, видно, такъ искусно, что нельзя было приступить къ тушенію. Злодѣи, говорятъ, предварительно обводятъ судно (иль домъ) воспламеняющимся мгновенно составомъ и потомъ зажигаютъ.

Кто это сдѣлалъ, если не Полякъ, злодѣй наипаче Россіи! Произведено слѣдствіе, названъ пожаръ: «отъ неосторожности рабочихъ». Бѣдные два купца, чей пароходъ, обязаны выплатить сіи 600,000 рублей тому, чей товаръ. (Половину платитъ Григорій Козмичъ Каменскій, Пермскій купецъ, на пароходѣ котораго я поплыву отъ Перми до Нижняго).

Здѣсь я получилъ письмо изъ Красноярска, отъ 20 Іюня, отъ о. каѳедральнаго протоіерея. Тамъ все благополучно. Мнѣ поклоны, даже изъ Иркутска. Отсюда до Екатеринбурга вольная почта. Я взялъ билетъ на 4 лошади и заплатилъ 36 рублей.

XI. Отъ Тюмени до Екатеринбурга.

1 станція, *Успенское*—село. Преисполнено раскольниками. Село большое, дома богатые, но улицы узки жалостно, не болѣе пяти саженъ: вотъ злодѣи другого разряда и тоже Поляки (они вездѣ во всѣхъ канцеляріяхъ и вѣдомствахъ) сплюснули селеніе такъ, что на улицѣ едва могутъ разъѣхаться двѣ телѣги. Одна сторона улицы смотритъ въ другую, даже можешь слышать разговоры (если отворено окно).

И весьма непріятно вмѣсто улицы видѣть щель въ селеніи, которое разстилается на версту и болѣе длиною. При томъ страшная грязь на улицѣ и зловоніе. Вотъ Сибирь! Вотъ Полякъ, правитель ея!

Тутъ на станціи мнѣ рекомендовали купить коверъ. Работаютъ ковры хорошіе. Я купилъ бы, еслибъ ѣхалъ въ Сибирь; ѣду въ Москву.

Ѣдемъ грязью. Болотистый грунтъ. Злая настилка мелкихъ бревешекъ производитъ толкотню премучительную и замедляетъ ѣзду.

2 станція, *Тугулымская*—село. Каменная церковь. Рѣка. На переѣздѣ мы еще проѣхали двѣ рѣки. Здѣсь ночуемъ. Хорошій двухъэтажный домъ. Кажется, раскольники. Многосемейный домъ: ужинали до пяти мужиковъ бравыхъ, и женщинъ мелькало немало. Я, впрочемъ, не оскорбленъ, ниже видомъ.

Видѣли до седми и болѣе столбовъ телеграфа, разбитыхъ молніею. Два разбиты въ щепы, одинъ разсѣченъ поперекъ; струна лежитъ на землѣ и перешибена, но другая держится.

На этомъ же переѣздѣ, въ 7-мъ часу вечера, я ощутилъ, что у меня за правымъ плечомъ жалобно визжитъ какая-то муха. Я остановилъ лошадей. Слѣзъ, снялъ рясу, мухи нѣтъ. Снялъ подрясникъ и между нимъ на рубахѣ Ѳедоръ снялъ большую муху сѣро-пепельнаго цвѣта, можетъ быть осу или шерстня. Она слетѣла и тотчасъ сѣла на цвѣтокъ; впилась въ него такъ крѣпко, что мы не согнали ея съ него. Я надѣлъ этотъ подрясникъ въ монастырѣ, въ 8 часовъ утра, былъ въ немъ у литургіи, обѣдалъ, простился, поѣхалъ, проѣхалъ почти двѣ станціи, и эта муха 11-ть часовъ сидѣла на плечѣ моемъ жива и не ужалила меня: милостивъ мнѣ Господь! И откуда она въ монастырѣ, въ полузакупоренной келіи. (До меня казначей ни разу не открывалъ оконъ: я открылъ впервыя).

6-е число Іюля. Понедѣльникъ. Св. Сисоя. Іулиніи княжны.

Всталъ въ 5 часовъ. Злокачественный потъ. Просыпаясь твержу: «*Да не речеши въ сердцы твоемъ: кто взыдетъ на небо.... Близъ ти есть глаголъ, во устѣхъ твоихъ и въ сердцы твоемъ, сирѣчь глаголъ вѣры...* Римл.

1 станція, *Марково*—село. Это уже *Пермская губернія*. 28 верстъ ѣхали 4 часа. Грязь. Дорога-гать самая дурная, полусогнившая. Полотно дороги приподнято, насыпано съ валомъ: дорога - гуща грязи. Колеи неровныя, глубокія ямы и непрестанные толчки. Мы забыли на станціи билетъ нашего проѣзда; ямщикъ ворочался верхомъ, отпрягли лошадь (версты на двѣ). Зацѣпили повозкою за столбъ телеграфа (желая выѣхать съ дороги) и повредили зонтикъ повозки. Встрѣтили телеграфиста, ѣдущаго съ аппаратами для починки поврежденныхъ молніею столбовъ. Направо и налѣво сгорѣлъ лѣсъ нынѣшнею весною, красный, почти строевой. Онъ пропалъ. Былъ густъ и опаленъ сильно,—засохъ. По тротуарамъ дороги появились березы въ два ряда: памятникъ царствованія Александра Павловича; березы, уже настоящее дерево, вѣтвистыя, очень красивыя.

2 станція, *Сугатская*—деревня. Станціонный домъ на манеръ этапа. Здѣсь грязь не глубока, дорога засыпана пескомъ, высыхаетъ, колеи не глубоки. Начинаютъ виднѣться налѣво отдаленныя возвышенія земли,—предтечи Урала.

3 станція, *Пылаево*—деревня. (Нѣсколько деревень небольшихъ, на малыхъ разстояніяхъ, у рѣки. Между ними село, хорошая каменная церковь). Страшная толкотня. Ямщикъ ѣдетъ по колеѣ, а она ямами и наталкивается на деревянную настилку, скрытую подъ пескомъ. Тяжко и намъ; но я боялся за повозку, не расшаталась бы и не разсыпалась бы совершенно. Стали подниматься выше и выше. Встрѣтили партію поселенцевъ и арестантовъ: ихъ везутъ на тройкахъ, по шести, седьмой солдатъ съ саблею. Есть линейки особаго устройства. Видѣлъ линейку покрытую проволочною сѣткою: это тяжкіе преступники. Есть дѣти малыя. Есть, повидимому, цѣлыя семейства: мужъ, жена и дѣти, даже грудныя. У всѣхъ лица мертвенныя. *Точное свѣдѣніе.* Насъ встрѣтили четырнадцать троекъ, въ нихъ сто четырнадцать арестантовъ и поселенцевъ. Съ Мая по Сентябрь ихъ провозятъ ежедневно. Въ Іюнѣ провезено 2800 человѣкъ. Перевозитъ тотъ же содержатель почтъ, по особому условію, отъ Перми до Тюмени (800 верстъ и не больше); все это сказалъ мнѣ умный и обязательный смотритель станціи.

4 станція, *Черемышенская*—большая деревня. Ямщикъ везъ хорошо. Тряска малая. Обогнали огромный обозъ, до 100 возовъ. Къ концу переѣзда настигла гроза. Я посадилъ іеродіакона Іустина къ себѣ въ повозку (онъ сидѣлъ на козлахъ). Подъѣхали къ станціи, вошли въ нее. Расположились ночевать. Выбрали постель, съѣстное, проч. Гроза усилилась. Одинъ ударъ былъ надъ самою головою; были и еще два великіе удара. Минутъ 20 былъ ливень, весьма наводнившій землю.

Станція хорошая. Смотритель и жена его, люди молодые, приняли меня съ глубокимъ уваженіемъ и старались всячески услужить. Они накормили меня чѣмъ-то (кромѣ молока и яицъ). У меня тяжко разстроился животъ.

7-е число Іюля. Вторникъ. Св. Ѳомы Малеина. Евфросины, Евдокіи, супруги князя Димитрія Донскаго.

Всталъ, помолился. Тревожитъ разстройство живота. Послѣ нищихъ, съ коими я подѣлился, подходитъ къ окну Цыганка. Послѣ умоленій о помощи она наговорила мнѣ пророчествъ (какъ это у нихъ обычно). Я вышелъ къ ней, далъ 30 копѣекъ (она мать дѣтямъ) и сказалъ: «Я архіерей. Твои рѣчи выслушивать мнѣ неприлично. Будущее во власти Божіей. Не совѣтую тебѣ пророчествовать и восхищать славу Божію, не будучи послана на сіе отъ Бога». Цыганка умолкла.

Пасмурно. Виситъ дождь. Чувствую и тяжесть въ животѣ. Грущу. Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Камышловъ*, при маленькой рѣчкѣ, которая разсѣкаетъ городъ пополамъ. Мѣстность волнистая крупно. Изрядный го-

родъ. Три церкви. Въ воздухѣ паръ отъ дождей. Станціонный домъ на площади противъ красивой часовни, въ память 4 Апрѣля, двухъэтажный. Пью чай съ чернымъ хлѣбомъ въ видахъ исправленія живота.

Прислуга на станціи вѣжливая, уважительная. Лишь сѣлъ я въ повозку, со мною сдѣлалось дурно: открылась рвота. На меня смотрятъ изумленные, окружившіе повозку (узнали, что я архіерей). Какое разительное для меня испытаніе! Смотрѣвшіе на меня могли подумать, что я пьяный и отъ піянства терплю сей срамъ. Сжалось сердце мое. (По всей вѣроятности меня окормилъ вчера услужливый смотритель съ женою. Я ѣлъ насильно, чтобъ ихъ не обидѣть).

2 станція *Паршино*, кажется деревня. Я одѣлся въ лисью рясу: чувствую ознобъ.

3 станція, *Бѣлпйская*—деревня. Я не выходилъ изъ повозки. Свѣжо. Сѣверный вѣтеръ. И еще нѣсколько деревень на переѣздѣ и село, каменная церковь. Заселеніе густое. Кажется, тутъ раскольники.

Насъ миновала опять партія арестантовъ, на тройкахъ. Далъ рубль. Переѣхали большую рѣку *Пышма* или *Пырма*, по мосту. Вода почти стоячая (можетъ быть, ниже есть мельница). Дорога мягче, ѣдемъ покойнѣе и скорѣе; поднимаемся все выше и выше. Показалась красная глина, полу-дресвяная, полу-каменная (таковъ Уралъ: бѣлый камень съ красно-кирпичнымъ).

Вчерашняя гроза и ливень простерлись и доселѣ.

4 станція, *Бѣлоярское*—село. Каменная церковь. Ѣхалъ бѣдственно. Грубый ямщикъ, за мое слово: «Не умѣешь ѣздить», хотѣлъ вступить со мною въ ссору, свирѣпо взглянувъ на меня и, вызывая, нагло вскрикнулъ: «Нѣтъ, я умѣю!» Я замолчалъ. (Онъ неожиданно ударилъ лошадей и завизжалъ; лошади бросились и заметали насъ грязью. комъ грязи ударилъ мнѣ въ глазъ). Затѣмъ ямщикъ поѣхалъ почти шагомъ. 26 верстъ ѣхали три часа. Каменная колея (появился горный камень). На станціи какой-то расчетъ съ ямщиками и пирушка.

5 станція *Косулино*. Пріѣхали въ 10 часовъ. Темная ночь. Ночуемъ. Дали, спасибо, уединенную комнату. Сегодня я не ѣлъ весь день отъ Камышилова. На ночь поѣлъ хлѣба съ квасомъ. Опять встрѣчные обозы.

Грязь. Ямщикъ ѣдетъ непремѣнно по колеѣ, хотя она страшно разболтана и имѣетъ каменныя ямы. (Усыпаютъ дорогу красною дресвою и камнемъ, которые здѣсь уже въ изобиліи и лежатъ подъ тонкимъ пластомъ бурой земли). Весь день моросилъ мелкій дождь. Грязь увеличилась. Повозка сильно нагибается на лѣвую сторону; боюсь разрушенія ея.

8 число Іюля. Середа Св. Прокопія и Прокопія. Казанскія Божія Матери.

Спалъ не худо. Въ три часа ливень и гроза; молнія (я очень боюсь). Ужасное испытаніе! До шести часовъ опять уснулъ. Во снѣ грезы нечистыя и пугающія гибелію и срамомъ. Просыпаясь твержу: «*Яко*

у Господа милость, и Той избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его. Проплакалъ, помолился, ободрился. Ѣдемъ.

1 станція, *городъ Екатеринбургъ*. Переѣздъ 25 верстъ, но мы ѣхали три часа. Было три дождя на этомъ переѣздѣ, и въ Екатеринбургъ выѣхали въ сущій ливень. Страшная грязь. Верстъ за пять передъ городомъ началась насыпь дороги не щебнемъ, а крупными обломками гранита. (Такъ и въ самомъ Екатеринбургѣ, такъ и по всему Уралу). Ужасная, доселѣ неиспытанная мною въ жизни ѣзда. Лучше нельзя ѣхать, какъ шагомъ и безпрестанно толкаясь.

Лишь въѣхали въ городъ, слышимъ благовѣстъ и звоны въ церквахъ (къ литургіи). Для меня это было весьма чувствительно. Великій день Казанскія Божіей Матери, подъ кровомъ которой я служилъ въ Казани болѣе седми лѣтъ. Мы ѣхали городомъ болѣе двухъ верстъ.

Преосвященный Вассіанъ Екатеринбургскій (Викарій Пермскій) принялъ меня братолюбно. Мнѣ приготовлена особая комната, отлично убранная и уединенная. Преосвященный поѣхалъ въ пріютъ, куда его пригласили служить молебенъ: тамъ исправлялась либо годовщина, либо обновленіе.

Здѣсь я встрѣтилъ архимандрита Гавріила, настоятеля Верхотурскаго монастыря. Онъ благочинный на этой сторонѣ Урала: объѣзжаетъ порученные ему монастыри, мнѣ знакомый. (Когда я былъ ректоромъ въ Вяткѣ, о. Гавріилъ, тогда Григорій Леонтьичъ Любомудровъ, протоіерей, вдовый, былъ профессоромъ церковной исторіи въ Вятской семинаріи). Съ нимъ мы и обѣдали. Говорунъ, постарше меня, но совершенно здравый. Обѣдъ и ужинъ, и сегодня, и завтра, поварскіе, браные, не пышные, но деликатные и весьма довольные.

Преосвященный Вассіанъ весь сѣдой, хотя совершенно здравый и свѣжій силами. Малороссъ, Полтавскій (съ Сѣверо-запада) говоритъ по малороссійски. Живой и смѣлый, наблюдательный и критическій взглядъ. На службѣ онъ не очень счастливъ. Служилъ въ Волыни, въ Петрозаводскѣ, въ Астрахани, въ Черниговѣ (при Филаретѣ), былъ уволенъ и былъ просто настоятелемъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, отсюда недавно взятъ въ епископа. Складъ ума, тенденціи и возрѣнія Малороссійскіе, не мирные противъ Великороссовъ. Особенно тяжки и рѣзки рѣчи о преосвященномъ Филаретѣ Черниговскомъ. Надо же было, чтобы со столь идіотичнымъ и живымъ Малороссомъ встрѣтился Великорусскій, упорный и надменный (рѣдкость между нами) самообольщенный Филаретъ. Онъ, кажется, и низринулъ преосвященнаго Вассіана изъ учебной службы. По смерти Филарета у него найдено 12,000 рублей. (Немного. Онъ былъ сочинитель. Написалъ много книгъ).

XII. Городъ Екатеринбургъ.

Послѣ обѣда уснулъ. Распорядился починкою повозки (и она здѣсь починена истинно-честно, правильно, разумно. Я доѣхалъ до Перми совершенно покойно, и повозка уцѣлѣла, хотя, какъ увидимъ, этотъ переѣздъ былъ самый ужасный и бѣдственный, по горамъ и спускамъ, по гранитной насыпи и каменистой землѣ).

9 число Іюля. Четвергъ. Св. Панкратія.

Ночь спалъ на чистой и мягкой постелѣ, въ совершенной тишинѣ, на свѣжемъ воздухѣ, сущее блаженство! А однако разстройство живота преслѣдуетъ меня. Утромъ написалъ два письма: въ Красноярскъ и Тобольскъ. Послѣднее нужное (см. 28 Іюня и проч.).

Въ 10 часовъ съ преосвященнымъ поѣхали на обозрѣніе города. Были: а), въ Екатерининскомъ соборѣ, б), въ каѳедральномъ соборѣ. Богатые соборы и вновь еще и еще расширяются и украшаются. Каѳедральный, кажется, двухъэтажный. И стѣны расписаны. Иконостасы новые, подъ золотомъ. Много хрусталей горныхъ и топазовъ. Есть крестъ изъ цѣльнаго желтоватаго топаза. Иконы писаны самою степенною и безъ укоризненною живописью. Въ обоихъ храмахъ стеклось много народа, и благоговѣйно подходили къ благословенію.

Въ городѣ два храма единовѣрческихъ, и оба стоятъ на лучшихъ мѣстахъ города. *Первый* на площади; имѣетъ на фронтонѣ, надъ западнымъ входомъ, надпись: *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы.* Единовѣрцы (я ихъ почитаю раскольниками), конечно, сею надписью хотѣли сказать: Мы-де истинные поклонники Богу. А вы, православные, то же, что́ язычники. Я бы не дозволилъ имъ сдѣлать такую надпись. *Вторый*, — въ виду архіерейскаго дома, впереди его. Оба храма огромные.

Мой келейникъ, Ѳедоръ, увлеченный послушниками архіерейскаго дома, былъ въ одной изъ этихъ единовѣрческихъ церквей и сказалъ мнѣ простодушно: «храмъ огромный, великолѣпный, блеститъ золотомъ и серебромъ, но въ немъ такой дурной запахъ, что я не могъ быть долго, будто въ пустынѣ». «Я спросилъ (продолжаетъ Ѳедоръ) тутошняго сторожа, отчего такой дурной запахъ? Тотъ отвѣчалъ: я не чувствую, а можетъ быть отъ кадила». Нѣтъ, это смрадъ духовный (я думаю), смрадъ хулы на церковь Божію, смрадъ своевольствъ и ослушанія и, можетъ быть, смрадъ нравственный и плотской грязи, въ коей валяются, яко свиніи, невѣжествующіе старообрядцы.

Отъ соборовъ мы поѣхали въ женскій монастырь. Великолѣпный монастырь имѣетъ до пяти отдѣльныхъ церквей; двѣ изъ нихъ пространныя, свѣтлыя, сущіе соборы. Все обновлено или ново, сіяетъ. Монастырь называется *Ново-Тихвинскій*, 1-го класса. Игуменія разумная. Сестеръ много. Кругомъ корпуса̀ двухъэтажные. Самъ монастырь имѣетъ версту въ квадратѣ, и около него сады и огороды, ихъ еще такая же верста чрезъ монастырь. Даже, кажется, въ немъ самомъ зародился родникъ, столь обильный чистою и легкою водою, что составляетъ почти рѣчку, которая, протекая по городу, пересѣкаетъ садъ архіерейскаго дома. Въ монастырѣ семъ заводъ дѣланія восковыхъ церковныхъ свѣчей въ широкомъ размѣрѣ. Въ ризницѣ не одна сотня ризъ, и однихъ богатыхъ и новыхъ ризъ до 30—40. Вообще все чисто, въ порядкѣ, убрано. Лица монахинь кроткія, цѣломудренныя, чистыя, довольныя. Радуется сердце быть въ такой общинѣ.

Городъ Екатеринбургъ богатый и красивый. Есть дома грандіозные и изящные: составили бы украшеніе и въ столицѣ. Улицы широкія, есть хорошія площади.

Здѣсь монетная (мѣди) и гранильная фабрики. Управляютъ иностранцы. Ихъ дома и заведенія сущіе дворцы.

Среди города течетъ рѣка *Исеть*, горная съ ребръ Урала, многократно перепруженная. Имѣетъ пруды или озера. Городъ стоитъ на скатѣ къ Востоку. Мостовая изъ кусковъ бѣлѣсаго гранита, довольно безпокойная: нельзя ѣхать скоро, толкаетъ.

Видъ города, съ выѣзда въ Россію, весьма красивый: бѣлый, т. е. каменный городъ.

Власть и богатство у иностранцевъ. Русскіе, работники. Немного самостоятельныхъ. Я не покусился быть на монетномъ дворѣ и въ гранильной: опасался презрѣнія; тамъ одни иностранцы.

Есть однако въ городѣ милліонеры и почти всѣ раскольники. Главные богачи золотопромышленники. Объ одномъ изъ нихъ сказали повѣсть. Онъ просилъ у Государя дозволенія вызолотить крышу своего дома (дѣйствительно богатаго, огромнаго, великолѣпнаго, изящнаго на рѣкѣ Исети). Государь ему отвѣчалъ: «дозволю, но прежде позолоти крыши Екатеринбургскихъ церквей». Богатый задумался. Крышъ на церквахъ не позолотилъ, а оттого и свои крыши остались не золочеными. Дѣтская сказка, но она свидѣтельствуетъ о великомъ богатствѣ купца. Кажется, онъ либо раскольникъ, либо единовѣрецъ (что̀ почти тоже). Православные же—работники!

Я былъ въ банѣ у преосвященнаго. Она въ саду у него, у рѣчки (что̀ изъ дѣвича монастыря) и у пруда. Воды изобиліе. Я былъ весь въ пыли и грязи. Особенно голова. Я ее чесалъ несносно. Завелись насѣкомыя. Омылся и сталъ бодръ, веселъ и покоенъ. (Я не мылся съ Красноярска).

Архіерейскій домъ очень хорошій. Строенъ дворяниномъ. Въ два крупныхъ этажа. Каменный. Есть домовая церковь. Довольная площадь, есть службы. Хорошій садъ, примѣрно 40—30 саженъ. Деревья рослыя, благоухающія, лиственныя.

Имѣлъ продолжительныя бесѣды съ преосвященнымъ. Онъ мнѣ между прочимъ разсказалъ нѣсколько событій съ самимъ мною и особенно изъ моей Петербургской жизни и службы у оберъ-прокурора Сѵнода графа Протасова. Удивительно: многое сказано лучше, нежели какъ я понималъ самъ; а еще больше весьма невѣрно.

Преосвященный Вассіанъ смѣлаго ума, широкаго взгляда, склоненъ къ современности, хотя и строго ее цѣнитъ. Его администрація и архіерейская власть въ Екатеринбургѣ и по сю сторону Урала не малая, далеко выше, жизненнѣе и полнѣе моей ничтожной администраціи викарнаго въ Казани и особенно при преосвященномъ Аѳанасіи.

10 число Іюля. Пятница Преподобнаго Антонія Кіевскаго. Коневскія Божія Матери.

Просыпаясь, говорю: *дондеже изведетъ въ побѣду судъ* (Исаіи 53 глава). Душею веселъ и умиленъ, но наводитъ грусть разстройство живота. Преосвященный угощаетъ разнообразными дворянскими кушаніями и изобильно, питіе веселящее.

Вчера вечеромъ игуменія (Магдалина) привезла и подарила мнѣ ящикъ бѣлыхъ восковыхъ свѣчей фунтовъ 20 (спасибо ей; тутъ и носочки мнѣ. Я все привезъ въ Перерву, и доселѣ молюсь при ея свѣчахъ. *15 Октября 1870 года*). Она просила меня обѣдать у нея сегодня. Я далъ слово, хотя преосвященному Вассіану повидимому этого не хотѣлось.

Были, обѣдали, игуменія всячески старалась угодить мнѣ и меня ублажала, конечно, какъ гостя. Но преосвященному Вассіану это было непріятно. Онъ началъ бѣдную игуменію оговаривать. Весьма непріятно было это слышать и видѣть.

Обѣдъ дворянскій, чистый, деликатный.

Каѳедральный протоіерей здѣсь изъ Казанской Духовной Академіи, 1-го курса, человѣкъ солидный. Другой протоіерей, или ключарь, подарилъ мнѣ книжицу, въ коей подробно описано созданіе, расширеніе и украшеніе каѳедральнаго собора.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА*).

XIII. Отъ Екатеринбурга до Перми.

Къ четыремъ часамъ по полудни я собрался. Пріѣхала игуменія проводить меня. Мы тронулись въ свой путь съ молитвою и благословеніями добрыхъ душъ. День былъ солнечный, но по землѣ разстилалась синяя сухая мгла и застѣняла солнце, дѣлая его какимъ-то мутнымъ и усатымъ. Грязь подсыхаетъ. Отъ самаго города мы потянулись на гору. Въѣхали въ сосновый боръ. Дорога — красная глина, усѣянная битымъ гранитомъ и отчасти красною дресвою: несносное толканіе.

1 станція, *Рѣшеты*, деревня. Смотритель изъ почталіоновъ, Москвичъ, заговорилъ меня. Величалъ Москву. Старался мнѣ всячески услужить. Спасибо ему.

2 станція, *Талицкая*, на 14-й верстѣ этого переѣзда, на правой сторонѣ отъ дороги (изъ Сибири), поставленъ хорошій мраморный обелискъ сѣдого мрамора, пирамидою, съ квадратнымъ основаніемъ.

На пирамидѣ надписи: а) направо—*Азія*, налѣво—*Европа*. Воды потекли въ Россію (однако будутъ и въ Сибирь теченія). б, На піедесталѣ: 1., О посѣщеніи Сибири въ 1837 году тогда наслѣдника престола, а нынѣ императора Александра Николаевича; 2., О проѣздѣ въ 1845 году герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго; 3., въ 1866 году Николая Лейхтенбергскаго.

Дорога несносная, жесткая, глубокія колеи. Верстахъ на пяти, на самой дорогѣ, направо и налѣво, насыпаны кучи краснаго щебня (для усыпанія имъ дороги), весьма стѣсненъ проѣздъ.

На этой станціи ночуемъ.

11 число Іюля. Суббота. Св. Евѳиміи. Св. Ольги Княгини.

Смотритель станціи за три дня предъ симъ вступилъ въ бракъ. Подошелъ ко мнѣ съ молодою женою и просилъ благословенія. Приняли меня уважительно.

---

*) См. книга I, стр. 595.

Я не ужиналъ. Я однакоже не чувствую себя истощеннымъ.

Іеродіаконъ Іустинъ, мой сопутникъ, въ Екатеринбургѣ дозволилъ себѣ излишество хмѣльнаго. Не въ силахъ поправиться: шатается пьяный. Стыдъ и опасность, не свалился бы съ повозки подъ колесо (онъ сидитъ съ кучеромъ на козлахъ). И какая досада везти пьянаго и видѣть передъ собою, какъ онъ шатается и ныряетъ, видѣть въ этомъ видѣ монаха, архіерею!

Я всталъ въ 5 часовъ. Помолился. Прочиталъ главы изъ Св. Писанія и Псалтири. Іеродіаконъ бродитъ пьяный около повозки, а Ѳедоръ спитъ. Будить жаль. Сижу сложа руки. Въ 7 часовъ ѣдемъ.

1 станція, *Билимбаевскій* заводъ. 16 верстъ ѣхали два часа. Шероховатая каменистая дорога. Кучи щебня на дорогѣ. Два спуска съ тормозомъ съ каменныхъ горъ. На этомъ переѣздѣ проѣхали огромный заводъ, его назвали *Васильевскій*. Двѣ каменныя церкви. Заводскія зданія тоже каменныя и много, кажется, частныхъ каменныхъ домовъ. Огромный прудъ—запрудъ. *Билимбаевскій*, заводъ же. Тоже каменныя зданія заводскія и частныя. Богатая каменная церковь. Небольшая рѣка. Станція каменная же, съ мезониномъ. Я видѣлъ у заводскихъ построекъ горы отсыпей, подобно какъ на золотыхъ пріискахъ, чернаго цвѣта, блестятъ какъ стекло (можетъ быть, это каменный уголь). Оба эти завода желѣзо-чугунно-плавильные.

2 станція, *Гробовская*—село. Хорошая каменная церковь. Рѣчка бѣжитъ налѣво (а не направо, какъ прежде). Дорога злополучная, хуже худшихъ. Верстъ на пять разсыпаны скопленныя кучи обломковъ гранита; дорога сдѣлалась какъ бы желѣзная, усѣянная острыми, клинообразнымн обломками твердаго камня. Здѣсь переправа черезъ рѣку *Чусовую*, сажень 40, на паромѣ и столько же по мосту. Рѣка течетъ направо. Здѣсь она не быстра. Не здѣсь ли полъ-Урала? Чусовая не дѣлаетъ ли двѣ половины изъ Урала? Стонетъ моя повозка; боюсь, не разсыпалась бы, не доѣхавъ до Перми. За Чусовою двѣ версты вытягивались на гору.

3 станція, *Киргишанская*. Первыя восемь верстъ бѣдственная, какъ прежде, потомъ сносная дорога, мягкая и гладкая. Другой уѣздъ, Красноуфимскій, а прежній шелъ Екатеринбургскій. Земскіе чины здѣсь, какъ цари. Въѣзжаешь въ новый уѣздъ, новая дорога, либо у́же, либо шире, либо брошена, либо обдѣлана; либо такъ, либо иначе. Хотя земля мягка и стала бѣлеса вмѣсто красной, но опять пошли яры и пропасти: спускаемся и поднимаемся непрестанно. Съ Екатеринбурга и доселѣ на дорогѣ просачиваются ключики хорошей хру-

стальной воды. Ключики эти дѣлаютъ дорогу влажною, но не слишкомъ грязнятъ, потому что грунтъ съ пескомъ и дресвою. На станціи похлебалъ молока съ хлѣбомъ. 5 часовъ вечера.

4 станція, *Березовская*, подставъ—полустанція, 16 верстъ. По причинѣ великихъ горъ, спусковъ и подъемовъ, станція раздѣлена на двѣ части. Здѣсь только и есть домъ станціи. Въ темномъ оврагѣ, кажется, бѣжитъ рѣчка. Лѣсъ лиственный наиболѣе (есть и красный), густой, шелковистый, зелень свѣжая, благоухающая. Такова и трава. Я восхищался: невиданное въ Сибири зрѣлище! Здѣсь были благовременно дожди. Лѣсъ неопаленъ. Станціею управляетъ старикъ честный и богобоязненный. Со мною старался говорить для утѣшенія и назиданія и всячески старался услужить. Да благословитъ его Господь! Налѣво потянулись разбѣгающимися лучами хребты великолѣпныхъ горъ, покрытые могучею ростительностію.

5 станція, *Кленовская*—село. Здѣсь ночуемъ. Налѣво у самаго селенія тянется красивый небольшой хребетъ горы, увѣнчанный краснымъ лѣсомъ, а скатъ его вспаханъ и засѣянъ. Предъ станціею мы догнали крестьянъ, возвращавшихся съ покоса, повозокъ семь, парами и тройками. На телѣгахъ нанизаны мужчины и женщины, все молодыя; поютъ съ восторгомъ и во весь голосъ пѣсни, мчатся отчаянно. Спасибо, нашъ ямщикъ не сталъ переспаривать двухъ повозокъ впереди насъ (съ пятокъ мы обогнали), которыя помчались совершенно отчаянно, безпрестанно озираясь на насъ и какъ бы поддразнивая насъ. Я боялся и за себя и еще больше за нихъ: они насѣли на телѣгѣ, какъ птички; малый толчекъ могъ сбросить ихъ подъ колеса. (Мнѣ сказали: это *помочь*, собранная изъ охотниковъ, богатымъ крестьяниномъ. Теперь будетъ имъ данъ широкій и жирный ужинъ съ обильною водкою; они къ нему и спѣшатъ съ такимъ восторгомъ, хоть завтра Воскресенье).

12-е число Іюля. Воскресеніе. Св. Прокла и Иларія.

Просыпаясь говорю: *Законъ же привниде, да обѣтованіе духа пріимемъ вѣрою.* (Первая часть Римл. 6,20. Вторая въ другомъ мѣстѣ гдѣ-то. Галат. 3,14). Я читаю Св. Писаніе дорогою. Святые глаголы Божіи обносятся и нощію въ умѣ моемъ. Слава Тебѣ, Господи: я спалъ сладко. Мы проспали до 7 часовъ. Проѣзжала почта. Вбѣжалъ въ комнату почтальонъ и чуть не сшибъ меня съ ногъ. Я-де казенный! Ѣдемъ. Подъѣхавши къ церкви (каменная), я сошелъ съ повозки, вошелъ въ церковь: готовятся къ служенію, священника нѣтъ. Церковь во имя Св. Николая. Помолился, вышелъ. Встрѣчаетъ молодой священникъ. Извиняется. Я успокоилъ. Далъ рубль, на святость и братіи, пополамъ.

1 станція, *Бисерская*—село. Деревянная церковь, обшитая тесомъ и раскрашена подъ кирпичъ. Ѣхали четыре часа 24 версты. Удивительныя горы. Мы поднимались какъ на стѣну и спускались также. Тормозили. Это раза три. На такую стѣну подниматься должно съ версту, даже болѣе. Хребты горъ, какъ лучи, раскидываются во всѣ стороны по всѣмъ направленіямъ. Мѣстность одѣтая свѣжимъ лѣсомъ, болѣе лиственнымъ и кустарнымъ. Все зеленѣетъ и благоухаетъ. Есть небольшія долины между горъ, ихъ орошаютъ ручьи и рѣчки. Въ одной рѣчкѣ я увидѣлъ двухъ-трехъ крестьянъ, бросающихъ въ воду камни. Я спросилъ, для чего они это дѣлаютъ? Сказали: молодого дикаго утенка, отставшаго отъ гнѣзда, хотятъ убить. Я послалъ 50 копѣекъ, прося не трогать утенка. И здѣсь, даже по дорогѣ, есть ключики чистой воды. Видѣли запрудъ или озеро. На этой станціи пили чай. Село большое.

2 станція, *Ачитское*—село. Высокая каменная колокольня, маленькая церковь. На этомъ переѣздѣ двѣ рѣки, обѣ немалыя, текутъ тихо. Двѣ крупныя горы съ версту. Спуски съ тормозомъ. Съ 8-й версты пошла довольно ровная дорога. Здѣсь смотритель станціи, старикъ, мнѣ сказалъ: «Преосвященнымъ въ Красноярскъ на ваше мѣсто назначенъ не Павелъ Американскій, а Вассіанъ Екатеринбургскій». Но это несправедливо (23 Октября 1870 г., Перерва).

3 станціи, *Быковское*—село. Деревянная церковь. Прямо изъ станціи рѣка, за нею большая, длинная, но отлогая гора. Дорога ровная. Хребты горъ стали отдаляться и виднѣлись вдалекѣ. Хлѣба хорошіе, но еще зелены. Начались сплошныя поля (чего въ Сибири нѣтъ). Ровняютъ крестьяне дорогу старымъ самымъ простымъ приборомъ. Проѣхала партія арестантовъ.

4 станція, *Ключевская*—село, каменная церковь, пятиглавая, каменная ограда. Село длится шесть верстъ, обвиваясь вокругъ трехъ рѣчекъ, которыя въ этомъ мѣстѣ сходятся и дѣлаютъ хорошую рѣку. Рѣчки вьются по широкому, низменному мѣсту, почти безъ береговъ; но по бокамъ, въ верстѣ и болѣе, съ обѣихъ сторонъ выдвигаются голыя каменныя горы. Въ селеніи мы переѣхали три рѣчки и три моста. Селеніе названо *Ключевскимъ*, вѣроятно, по огромному ключу (сажень семь шириною), выходящему изъ подъ камня. На этомъ ключѣ можно бы поставить мельницу. Вода чистѣйшая, но слегка минеральная. Ее однакоже безъ скорби употребляютъ жители. Но въ виду этого же селенія есть другой ключъ, гораздо болѣе этого, вытекающій изъ подъ огромной каменной горы (сажень сто вышины и болѣе версты въ окружности, на глазомѣръ). Этотъ ключъ совершенно минеральный и цѣлебный. Я порывался быть на немъ, но мои хилыя ноги,

позднее время, небезопасный путь по скату каменистой горы, версты три отъ станціи, меня охладили. Здѣсь мы ночуемъ. Хозяева многосемейные, многодѣтные, добрые люди, но писк дѣтей меня ночью тревожилъ. На переѣздѣ этой станціи я вышелъ для нужды, и, при моихъ хилыхъ ногахъ, доползъ до повозки. Какой я жалкій!

13-е число Іюля. Понедѣльникъ. Архистратига Гавріила. Стефана Савваита.

Встали въ шесть часовъ. Ѣдемъ. Ямщика намъ дали мальчика, менѣе пятнадцати лѣтъ. И глупъ, и дерзокъ. Подъ гору погналъ (онъ не умѣлъ сдержать) такъ, что я опасался великой бѣды. Въ другомъ мѣстѣ, лишь спустясь съ горы, на переѣздѣ чрезъ высокій мостъ (очень дурной) въ виду напирающаго на насъ спереди огромнаго обоза, соскочилъ съ повозки, бросилъ возжи и побѣжалъ къ рѣчкѣ напиться. На мою строгую рѣчь огрызается такъ, что готовъ грубіянить. Я замолчалъ.

1 станція, село *Сабанское*. Каменная церковь. Опять надъ горною рѣчкою, сажень десять шириною. Вода чистѣйшая. Село въ одну линію, богатое и мѣстность красивая. На этомъ переѣздѣ мы проѣхали хорошее село *Суксунское*, деревянная церковь. Селеніе при рѣкѣ (кажется, той же, которую мы лишь переѣхали). Можетъ быть, эту рѣку зовутъ тоже *Суксунъ*. Тутъ какіе-то славные заводы (о нихъ я читывалъ), но я ихъ не видалъ и спросить позабылъ. Лишь выѣхали изъ села, надобно подниматься на одну изъ самымъ огромныхъ и великолѣпныхъ горъ всей Сибири, *Суксунскую*. Она каменная, лежитъ, какъ огромный каравай; ее огибаютъ полукружіемъ, поднимаясь постепенно, а однако такъ круто, что можно дрожать за каждый шагъ лошадей: оступятся, ихъ потянетъ назадъ, и нѣтъ спасенія, все раздробится. Гора притомъ голая; направо виднѣется, какъ пропасть, ложе вьющейся рѣки, тоже голое. Тянулись (четыре лошади) мелкимъ шагомъ, а мои оба парня шли пѣшкомъ. На эту-то гору поднявшись, я перекрестился и простился съ Сибирью и Ураломъ.

2 станція, *Бушуевская*, деревня. Уже на скатѣ къ Россіи, а однако и тутъ еще встрѣтили большую гору въ спускѣ. Безпокоили обозы, и встрѣчные, и такіе, которые надобно обгонять.

3 станція, городъ *Кунгуръ*. Мы пріѣхали сюда въ два часа пополудни. Въ почтовой станціи остановились покушать. Городъ немалый, до пяти церквей. Есть женскій монастырь. (Онъ почти въ началѣ города, на въѣзжей улицѣ; съ обѣихъ сторонъ смеженъ съ мірскими домами, каменными, большими). Корпусъ, идущій по улицѣ, имѣетъ окна, какъ въ конюшнѣ, маленькія, полукруглыя. Видно, мало земли

у монастыря. Итакъ безжалостны и нахальны мірскіе, обстраиваясь кругомъ монастыря, которому нуженъ покой и отдѣльность. Городъ раздѣляетъ рѣка *Ирень* а другая, *Сылва*, обтекаетъ его. Первой рѣки вода не хороша, второй лучше. Городъ хорошо обстроенъ. Большой гостинный каменный дворъ, много каменныхъ домовъ.

Былъ рыночный день. Площадь и улицы наполнены людьми и повозками. Здѣсь я пожелалъ видѣть священника, уже заштатнаго, Стефана Попова. Жаль, его не было въ городѣ. Приходила женщина, хозяйка дома, у которой онъ имѣетъ пребываніе. Я разсказалъ ей, что нужно. Сынъ этого священника, Стефана, Александръ, магистръ Казанской Академіи, былъ смотрителемъ Красноярскаго духовнаго училища. Онъ предался неисправимому пьянству. Пріѣзжалъ изъ Томска ревизоръ (іеромонахъ Сергій), нашелъ все управленіе училища въ безпорядкѣ и насчиталъ на смотрителя болѣе тысячи рублей. Его скоро отрѣшили, но суда надъ нимъ не назначили, и его бросили безъ всякихъ способовъ существованія. Я пріѣхалъ въ Красноярскъ, когда все это совершилось уже. Я вступилъ въ это дѣло, писалъ въ семинарію, въ Академію, къ оберъ-прокурору Сунода, прося дать отрѣшенному смотрителю способы существованія, дать ему судъ, и даже, елико могъ, разбиралъ дѣло и просилъ простить смотрителя по крайней мѣрѣ за растрату денегъ (которую притомъ я счелъ, вмѣсто тысячи, не болѣе сотни). Ходатайства мои были однакоже безуспѣшны: прокуроръ молчалъ и на три мои представленія не отвѣтилъ ни единожды. Мы призирали этого бѣднаго Александра, давали по сотнѣ рублей въ годъ. Въ Кунгурѣ я хотѣлъ видѣть отца его, чтобы предложить ему взять сына къ себѣ, чтобъ онъ, на чужой сторонѣ, безъ службы не погибъ отъ голода и холода. Это я и передалъ хозяйкѣ дома, гдѣ живетъ отецъ Стефанъ, для его разсужденія. Ѣдемъ далѣе.

4 станція, *Крыласово* село. Каменная церковь. На рѣкѣ *Бабкѣ*. Берегъ бѣлый зернистый камень. Переѣздъ гористый. Три раза тормозили, изъ нихъ однажды въ самомъ городѣ Кунгурѣ.

5 станція, *Янычевское* село. Церковь и мечеть. Здѣсь ночуемъ. Ѣхали этотъ переѣздъ бойко, дорога отличная; а однако два раза тормозили, хотя горы стали гораздо меньше и отлоги. Направо видѣлся хребетъ, думаю берегъ рѣки Бабки, которую мы переѣхали у станціи по высокому мосту. Ѣхали больше лѣсомъ: пихта, ель, березы и кустарныя растенія. Мгла густѣйшая. Косятъ траву и убираютъ. (Вятскими косулями, и женщины косятъ же). Видѣлъ двухъ юродивыхъ: а, *Григорій*, лѣтъ 60-ти; б, *Василій*, лѣтъ 25. Первый говоритъ, второй только намекаетъ; оба и зимою ходятъ въ рубахѣ, разутые, безъ шапки.

Григорій и спитъ зимою на снѣгу, даже снимаетъ рубаху. Оба видомъ пдіоты. Не постигаю. Вѣдаетъ Богъ!

14 число Іюля. Вторникъ. Апостола Акилы. Стефана Махрищскаго.

Спалъ нехудо, хотя меня преслѣдуетъ постоянно разстройство живота. Во снѣ читаю: «Иже общія сія и согласныя даровавый намъ молитвы»... (Молитва священника въ литургіи предъ малымъ выходомъ). Потомъ, уже вставая, какъ бы слышу, говорятъ: «Къ вамъ изъ Красноярска верховой». Проснувшись ничего этого не вижу. Священникъ этого села молодой, больной, уѣхалъ къ Татарамъ лѣчиться кумысомъ. Лютѣйшая сухая мгла. Ѣдемъ.

1 станція, *Кояновская*, Татарская; есть мечеть. Передъ этою станціей крутой, опасный спускъ. У моей повозки оба тормоза испортились; потому я вынужденъ былъ, несмотря на мои больныя ноги, вылѣзти изъ повозки и сойти подъ гору пѣшій. На станціи вѣжливый и услужливый смотритель. Спасибо ему!

2 станція городъ *Пермь*. 25 верстъ ѣхали четыре часа. Негодный парень, Татаринъ, везъ шагомъ. И страшный грубіянъ: не умѣю понять. Такого не встрѣчалъ доселѣ ни единаго. И имъ кончаю мою сухопутную, въ повозкѣ, ѣзду.

XIV. Городъ Пермь.

Мы пріѣхали въ Пермь почти въ полдень. Я остановился въ архіерейскомъ домѣ, который стоитъ на противуположномъ концѣ города; слѣдовательно, съ перваго раза я имѣлъ удовольствіе проѣхать чрезъ весь городъ по длинѣ его, и, какъ послѣ стало извѣстно, по лучшей его улицѣ. Пермь хорошій городъ, хоть небольшой. Улицы обставлены каменными домами, иногда сплошь на полверсты, есть дома грандіозные, и вообще искусство и вкусъ далеко оставляютъ за собою Сибирскіе города. Мостовой нѣтъ, но какъ-то не пыльно. Городъ стоитъ на лѣвомъ берегу Камы, довольно высокомъ. Рѣка сажень 200, течетъ одною трубою; на лѣвомъ отливѣ бѣрега камушки, на правомъ песокъ.

Архіерейскій домъ стоитъ надъ самою рѣкою. Мѣсто въ длину сажень 100, а въ ширину 50—60. Треть восточной его части: садъ, рослый, благоухающій. Каѳедральный соборъ стоитъ внутри архіерейской земли, почти на серединѣ. Домъ архіерейскій каменный, двухъэтажный, занимаетъ югозападный уголъ, сливается съ колокольнею, отъ которой крытый ходъ въ соборъ. Въ сѣверовосточной сторонѣ, у сада, надъ самою рѣкою Камою, особый каменный двухъэтажный домъ.

Въ немъ-то меня и помѣстили. Въ немъ комнатъ восемь. Его называютъ лѣтнимъ домомъ, но въ немъ, конечно, можно жить и зимою. Весьма одобряю я мысль имѣть домъ про запасъ. Здѣсь Пермскій архіерей, уволившись по старости и болѣзнямъ отъ службы, съ удобствомъ можетъ оставаться на покоѣ, не тревожа правящаго архіерея и не затрудняясь выборомъ себѣ мѣста въ другихъ епархіяхъ. Преосвященнаго Антонія, владыку епархіи, я не засталъ. Онъ выѣхалъ для обозрѣнія епархіи и самаго труднаго мѣста, а именно Соликамска, Чердыни и проч. Онъ оставилъ мнѣ письмо, въ коемъ обстоятельно объясняетъ причины своего отъѣзда, а именно: прежде нежели онъ получилъ мое письмо, коимъ я просилъ дозволить остановиться въ его домѣ, онъ уже сдѣлалъ свое распоряженіе о своемъ путешествіи по епархіи, назначилъ дни и мѣста посѣщенія и сообщилъ о семъ гражданскому начальству. Онъ жалуется, что одинъ его глазъ почти отказывается служить и закрывается, потому и самъ помышляетъ объ увольненіи отъ службы и желаетъ слышать мои рѣчи съ мѣста моего водворенія. (Постараюсь исполнить. До 31 Октября еще не исполнилъ. Исполнилъ. Писалъ дважды. 13 Января 1871 года). Услужливый и разумный экономъ дома іеромонахъ Александръ (изъ Пензы пріѣхавшій съ преосвященнымъ) окружилъ меня своими попеченіями. Я имѣлъ хорошій столъ. Мнѣ готова была всякая услуга. Я занималъ цѣлый домъ и любовался видами на Каму и черезъ нее далеко. Пароходы проходили впередъ и взадъ подъ окнами. Меня скоро посѣтили отцы духовные-администраторы: о. каѳедральный протоіерей, почти старецъ, но свѣжій, заѣзжій (Рязанскій или иной), три отца консисторскіе, ректоръ семинаріи, тоже протоіерей. Разговоры общіе. Отдохнувши послѣ обѣда, былъ въ каѳедральномъ соборѣ, въ домовой церкви преосвященнаго, въ семинаріи, въ церкви, въ библіотекѣ, въ залѣ. У отца ректора пилъ чай. Семинарія стоитъ лишь чрезъ улицу противъ архіерейскаго дома. Строеніе обширное, двухъэтажное, глаголемъ, на двѣ улицы, на берегу Камы. Меня интересовало маловиданное мною зрѣлище плаванія пароходовъ. Ихъ много. По крайней мѣрѣ, пять разъ въ сутки отходятъ и столько же разъ приходятъ. Видѣлъ рейсъ съ арестантами. Для этого устроена особая баржа, она покрыта легкою крышею, а бока обтянуты проволочною сѣткою. Арестантамъ все видно, и воздухъ у нихъ свѣжій, а уйти нельзя. Ихъ перевозитъ одинъ купецъ, имѣющій подрядъ съ казною. Отъ Нижняго ихъ доправятъ сюда (болѣе 1000 верстъ) въ пять-шесть дней, а потомъ помчатъ на почтовыхъ до Тюмени. Отсюда опять на пароходѣ по Иртышу, Оби и Томи, въ Томскъ. Отсюда до Иркутска тоже на почтовыхъ, а тамъ уже не знаю какъ. Отъ. Александръ мнѣ сказывалъ: а, арестантовъ

нынѣшнимъ лѣтомъ переправили уже 23000 *) человѣкъ; б, ихъ (часть конечно) проводятъ чрезъ всю Сибирь, на океанъ, на островъ Сахалинъ, который ими хотятъ заселить. Пожелаемъ успѣха! Но я опасаюсь, не ожидая отъ подлежащихъ властей ни ума, ни усердія, ни чести, ни добродѣтели, чтобъ послужить въ этомъ дѣлѣ человѣколюбія и политики добросовѣстно. Но есть промыслъ Божій!

15-е число Іюля. Середа. Св. Кирика и Улиты. Св. Владимира.

Въ домѣ, который я занимаю, по восточной сторонѣ, которая смотритъ въ садъ, устроена широкая галлерея, вся въ стекольныхъ рамахъ: истинное наслажденіе! Здѣсь я ночевалъ и здѣсь проводилъ почти все время. Къ прискорбію моему меня преслѣдуетъ разстройство живота. Стыдъ и кручина! Но я не истощаюсь. Повидимому еще это меня очищаетъ. И поносъ неизнурительный. Ночью, чрезъ рѣку, я видѣлъ пылающій лѣсъ. Походитъ на пущенную гранату вспыхиваніе высокаго дерева, обгорающаго до макушки. Поутру густѣйшая мгла, сухая, чадъ и сырая, туманъ надъ рѣкою. Солнце чуть видно, красное, безъ лучей, какъ тарелка. Былъ у литургіи въ каѳедральномъ соборѣ Преображенія Господня. Служилъ одинъ священникъ. Служба мѣрная, чинная, благоговѣйная. На молебенъ облачался и протоіерей. Пѣніе церковное. Есть напѣвы Малороссійскіе (я ихъ не люблю). Апостолъ проревѣлъ псаломщикъ ужасно. (Тутъ я виню архіереевъ; я не дозволялъ подобныхъ рёвовъ). Послѣ обѣдни меня провели въ ризницу. Епархія молодая (съ Екатерины), древностей нѣтъ. Много архіерейскихъ облаченій, до 20-ти, прошедшаго столѣтія (архіереи не надѣваютъ, я наиболѣе такія и надѣвалъ бы). Крестъ престольный изъ цѣльнаго камня желтовато-золотистаго цвѣта, прозрачный. Топазъ или горный хрусталь Уральскій. Есть митра изъ крупныхъ бриллiантовъ, рубиновъ и изумрудовъ. Ризница у мѣста (въ смежности съ колокольнею) и очень достаточна пространствомъ, въ два этажа. Устроена преосвященнымъ Неофитомъ. Этотъ корпусокъ онъ дарилъ было ключарю; тотъ не пожелалъ принять (нѣтъ двора). Тогда преосвященный Неофитъ обратилъ это въ ризницу, сказавъ примѣчательную пословицу на счетъ ключаря:

„Дай бабѣ холстъ,
Она скажетъ: толстъ“.

Домовая церковь преосвященнаго, до 9-ти иконъ мѣстныхъ, въ серебряныхъ ризахъ. Попеченіе и жертва покойнаго Неофита. Имъ же домовая церковь расширена. У него пѣли пѣвчіе всенощныя. Отъ со-

*) Много. Безъ сомнѣнія ошибка, въ десять разъ. 31 Января 1871 года.

бора отвлекались богомольцы. Я этого не одобряю. Домовая архіерейская церковь для архіерея: она должна быть маленькая и простая. Такъ у митрополита Московскаго.

Прошелъ по архіерейскому дому: комнатъ довольно, убраны прилично, даже грандіозно. Довольно портретовъ, наиболѣе архіереевъ. Обѣдъ бранный, въ честь мою. Были опять тѣже отцы: каѳедральный, консисторскіе, ректоръ, самъ о. экономъ. Свѣтскихъ не было. Вечеромъ гулялъ по саду. Рослыя дерева. Есть оранжерея, есть гряды для овощей, есть цвѣтникъ; бесѣдка, насыпь и на ней бесѣдка. Хорошій видъ. Есть дорожки, но позапущено. При преосвященномъ Неофитѣ сюда ходили горожане для прогулокъ; преосвященный Антоній запретилъ. Одобряю: а) намъ неприлично видѣть у себя дома мірскія сцены; б) нынѣ вѣкъ столь суетенъ, что и мірскому семейному человѣку иногда досадно видѣть непристойныя положенія гуляющихъ, и наипаче молодежи; в) не всякое съ нашей стороны угожденіе публикѣ намъ пристойно. (Преосвященный Неофитъ былъ въ супружествѣ, преосвященный Антоній дѣвственникъ).

Вечеромъ продалъ мою повозку здѣшнему купцу Евстаѳію Ильичу Будрину за 60 рублей. (Деньги на другой день отослалъ въ Красноярскъ, въ архіерейскій домъ). На этой повозкѣ я ѣздилъ всѣ восемь лѣтъ въ Красноярскѣ; два раза былъ на ней въ полномъ объѣздѣ по епархіи, два раза въ Иркутскѣ (одинъ разъ давалъ другимъ). Ее привезли купцы съ Нижегородской ярмарки и называли Казанскою. Благодаренъ: я въ ней находилъ себѣ покой по крайней мѣрѣ на 2000 верстахъ!

И сегодня ночью я смотрѣлъ на крушеніе лѣса отъ огня: пламень языками выбивался выше лѣса.

16-е число Іюля. Четвергъ. Св. Аѳиногена. Шести соборовъ.

Я спалъ въ стеклянной галлереѣ и блаженствовалъ: люблю свѣтъ и просторъ и свѣжій воздухъ. Весьма тепло и тихо, только мгла въ воздухѣ. На завтра сбираюсь въ путь, путь новый, на водѣ, на пароходѣ, по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ до Нижняго (болѣе тысячи верстъ). Съ о. экономомъ архіерейскаго дома, о. Александромъ, ѣздили на пароходъ г.г. Каменскихъ (купцы братья Ѳедоръ и Григорій Кузмичи). Я взялъ для себя семейную каюту № 1-й за 30 рублей (съ Ѳедоромъ), а для іродіакона Іустина № 2-й, за 12 рублей. Отсюда мы поѣхали къ самимъ г.г. Каменскимъ. Ихъ домъ за заставою (Московскою). Это дало мнѣ случай видѣть противуположный (отъ въѣзда изъ Сибири) конецъ города. Хорошій каменный двухъэтажный домъ. Насъ принялъ Гри-

горій Кузмичъ. Онъ и самъ ѣдетъ съ нами. Я совершенно покоенъ. Выходила жена, степенная по-русски и богобоязненная. Есть и дѣти. Юноша (лѣтъ 18-ти) учится въ Москвѣ въ Коммерческой Академіи.

Послалъ телеграмму въ Нижній къ тамошнему преосвященному Филарету. Прошу дозволенія остановиться на нѣсколько въ его домѣ, чтобы имѣть время и просторъ переложиться съ парохода на желѣзную дорогу.

Вечеромъ съ о. Александромъ былъ у нѣкоего полуюродиваго мѣщанина. (Онъ у меня бывалъ и въ Казани, хоть я не помню), Ѳедора Алексѣевича Воронина. У него свой домикъ, противъ архіерейскаго. Жена его Александра Ивановна. Они среднихъ лѣтъ, бездѣтны. У нихъ квартируютъ ученики семинаріи и училища и гимназіи (тѣмъ они, кажется, и живутъ). Человѣкъ этотъ весь преданъ благоговѣйнству и какъ бы исчезаетъ въ немъ: иконы, монастырь, монахъ, архіерей, то у него на устахъ, въ воображеніи, на умѣ. А однако все это какъ-то плачевно, плаксиво, наружно. Какъ понять это? Не умѣю. Презирать боюсь, одобрять не имѣю основаній, быть холоднымъ жаль. Но видно и самъ я немного похожу на такихъ. Вотъ что я записалъ въ тотъ же день, въ Перми: «Меня величаютъ юродивые и ханжи (какъ такихъ зовутъ), степенный же народъ улыбается, косится, гнушается, жалѣетъ, презираетъ. Даже умные изъ братіи моей вздыхаютъ, жалѣя о моемъ юродствѣ, фальши, мечтательности, которой имя ниже глупой глупости. О Боже! Я точно грязь, ничто; но и на мнѣ есть великія милости Твои, бытіе которыхъ не отспоритъ у меня цѣлый свѣтъ».

Здѣсь ревизоръ, посланный отъ Сената или министра, ревизуетъ управленіе губернатора. Мнѣ сказали, что ревизоръ самъ былъ здѣсь предъ тѣмъ губернаторомъ. Я сказалъ тогда же: «Безъ сомнѣнія, онъ опозоритъ своего преемника и низвергнетъ его». Такъ и есть. Недавно я прочиталъ въ газетахъ, что Пермскій губернаторъ *уволенъ*! (1 Ноября 1870 г. пишу). Кто губернаторъ? Берггардъ. Кто ревизоръ? Струве. Вотъ наши правители. Съѣзжаются со всего свѣта, чтобъ въ бѣдной Россіи выходить на поединки одинъ противъ другого, переспоривая одинъ у другого грабежъ и тиранію безмолвнаго Русскаго!

По самой брови бе́рега посажены дерева для красы и для укрѣпленія бе́рега. Противъ моихъ оконъ стоятъ черемухи и рябины. Уличный сбродъ мальчишекъ и барочные лазятъ и гнутъ безщадно дерева, чтобъ достать ягоду (ни черемуха, ни рябина еще не созрѣла). Я пожаловался эконому. Тягостно глядѣть. Посланъ служитель съ хлыстомъ, разогналъ. Не то, что алченъ Русскій парень, а онъ сущій дуракъ, полускотина. Тяжело видѣть такія сцены!

17-е число Іюля. Пятница. Св. Марины.

XV. Плаваніе мое на пароходѣ братьевъ Каменскихъ отъ Перми до Нижняго Новгорода.

Меня преслѣдуетъ разстройство живота. Стыжусь, робѣю публичнаго пребыванія. Но удивительно: я не изнуряюсь, и во рту мягко, даже вовсе нѣтъ густой мокроты, которая обыкновенно нагораетъ ночью во рту; встаю съ чистымъ и мягкимъ ртомъ, какъ обыкновенно бываетъ днемъ. Есть и аппетитъ обыкновенный. Собираюсь. Сперва перевезли багажъ, пудовъ пятнадцать (два чемодана, тюфякъ и прочіе узлы). Въ 11 часовъ я пріѣхалъ на пароходъ съ о. экономомъ. Сопровождали еще два протоіерея. Я взялъ каюту перваго номера и помѣстился съ Ѳедоромъ въ ней. Убрана отлично. По обоимъ бокамъ диваны, обшитые зеленымъ густымъ плисомъ, столикъ, стулъ. Одно окно, круглое, въ шесть вершковъ, съ толстымъ зеркальнымъ стекломъ, открывается и запирается. Однако помѣщеніе оказалось весьма стѣсненнымъ для двоихъ: пространства кубическая сажень. Я сталъ страшно потѣть, тошно. Не всегда можно держать открытымъ окно: когда въ окно вѣтеръ, надобно затворить. Также и ночью опасно держать отворенное окно: холодно, и простудиться можно. Двери отворить нельзя: она въ коридоръ, которымъ непрестанно ходятъ. Лишь я вошелъ на пароходъ, зазвонили въ соборѣ и въ другихъ церквахъ (можетъ быть, по распоряженію преосвященнаго). Это было 12 часовъ дня. Надобно было трогаться въ путь; но пароходъ обмелѣлъ, сбыла вода. Болѣе часа снимались съ мели. Въ одинъ часъ и 25 минутъ пароходъ пошелъ. Я перекрестился и творилъ молитву. Передъ нами двигался городъ, потомъ пригородъ, дачи, сады, литейный пушечный заводъ. Льютъ пушки изъ стали. Недавно одну отлили, въ ней вѣсу 3000 пудовъ! Ядро 28 пудовъ. Уже пробовали, сдѣлали триста выстрѣловъ. Нашли орудіе прочнымъ, повезутъ въ Петербургъ. Но я возвращусь въ Пермь не надолго.

А. *О преосвященномъ Антоніи.*

Онъ изъ лучшихъ магистровъ 8-го курса Московской Академіи. Еще студентомъ былъ строгъ и важенъ. Управленіе его правильное, твердое, важное. Духовенство смиренно выслушиваетъ его приказанія. Сколько я ни заводилъ рѣчей о немъ съ отцами, они отдѣлывались краткимъ и довольно общимъ отвѣтомъ. Не слишкомъ ли сурово и величаво его управленіе? На случай невзгоды можно остаться безпомощнымъ; вотъ впрочемъ вразумленіе забывающимъ немощи человѣческія.

В. *О преосвященномъ архіепископѣ Неофитѣ* (покойномъ).

Онъ скончался въ Уральскихъ горахъ, въ заводахъ, недалеко отъ Верхотурья. Его поразилъ кровавый поносъ (до 60 разъ въ сутки); тамъ онъ скончался и, по желанію, погребенъ въ Верхотурскомъ монастырѣ. Онъ магистръ Московской Академіи 2-го иль 3-го курса. Былъ протоіерей, овдовѣвши пошелъ въ монахи. Въ послѣдніе годы, въ Перми, онъ проводилъ высокую подвижническую жизнь, но и всегда былъ совершенно цѣломудренный и строгій монахъ. Въ должностяхъ ревностенъ, но и мелоченъ. Человѣкъ прямой совѣсти, нелживый, правдолюбивый, богобоязненный, жалостенъ къ сиротамъ и бѣднымъ. О немъ мнѣ вспоминали въ Перми всегда съ уваженіемъ и любовію.

В. *О храмѣ въ Перми, построенномъ крестьянами, освобожденными отъ рабства, въ честь и память сего освобожденія.*

Храмъ по рисунку собора, что въ новомъ Іерусалимѣ: величественный. Мысль, конечно, принадлежитъ не крестьянамъ, а властямъ, которыя орудуютъ ими.

Вышло вотъ что. Построили храмъ, стоющій можетъ быть, болѣе 60,000 р. Просятъ архіерея освятить. Преосвященный спрашиваетъ: гдѣ же духовенство, которое будетъ служить въ этомъ храмѣ? Отвѣчаютъ: «Пожалуйте его намъ вы». Преосвященный: А содержаніе ему и помѣщеніе? Отвѣтъ: «Этого мы уже не знаемъ. Пусть духовные сами озаботятся о себѣ». Преосвященный отказался освятить храмъ. Больше года стоялъ храмъ не освященный. Недавно освятили. Придумали нѣкое полунищенское содержаніе духовенству. Такъ во всей Россіи духовенство будто не люди. А изъ этого видно: благочестіе ли воздвигло этотъ храмъ? Тоже можно сказать о храмахъ и часовняхъ политико-религіозныхъ, коими обставили даже и площади городскія. И всегда; капиталъ податныхъ, а честь, амбиція и слава гражданской власти, которая не вноситъ въ этотъ капиталъ и одного рубля.

Возвращаюсь къ пароходу.

Читаю Новый Завѣтъ и Псалтырь поперемѣнно (только и книгъ со мною; еще Служебникъ и Каноникъ). Читаю досыта, до усталости. Покойно, не трясетъ, и никто не мѣшаетъ. Ѳедоръ больше на палубѣ. День тихій и теплый. Жаль, густѣйшая мгла. Плывемъ по теченію рѣки; быстро, 20-ть верстъ въ часъ (мнѣ сказали); окрестности быстро смѣняются. Въ 5 часовъ и я вышелъ на палубу. Она пере-

полнена людьми. Едва можно найти мѣсто стать. Я прижался къ стѣнкѣ свѣтлицы, гдѣ хозяинъ и лучшіе пассажиры. Со мною вступила въ разговоръ бойкая женщена (жена исправника г. Ирбити). «Въ лаврѣ преподобнаго Сергія монахи ходятъ въ бархатныхъ рясахъ, ведутъ роскошную жизнь. Пріѣхалъ митрополитъ, заставилъ снять бархаты, одѣваться въ простыя черныя рясы, выпустилъ бочки съ медами, сказалъ: «Пейте воду». Читала мнѣ это какъ по книгѣ, прибавивъ: «Все это было при мнѣ, когда я была въ лаврѣ». Я подивился легкомыслію женщины и охотѣ безславить монаховъ завѣдомо ложно. Однако я скоро заставилъ ее стыдиться своихъ вымысловъ, сказавши, что я самъ знаю лавру и тамошній. (Она думала, что я не бывалъ въ Россіи, а выросъ въ Сибири, какъ грибъ).

Любуюсь красивыми берегами рѣки Камы. Они то холмисты, даже имѣютъ маленькіе хребты, то низменны. Иногда голы. Выглядываютъ известковыя и мѣловыя горы, но чаще красная глина, пышный лѣсъ лиственный и красный. Видимъ селенія, церкви, поля, засѣянныя хлѣбомъ. Въ 5 часовъ встрѣтили рѣку, впадающую въ Каму слѣва. Зовутъ ее *Ныта* и тутъ же село *Ныта*. Въ 7 часовъ позвалъ въ свѣтлицу хозяинъ, Григорій Козьмичъ. Пили чай. Тутъ жена его и сынъ и та барыня Ирбитская. Я разговорился такъ, что надоѣлъ: меня перестали слушать: стыдъ! Я молю Бога обуздать языкъ мой. Но и доселѣ (2-е Ноября) имѣю этотъ недугъ, глупость, безуміе: не умѣю обуздать себя.

Въ 8 часовъ мы подплыли къ городу *Оханску*. Стоитъ на правомъ берегу, низменномъ. Его окружаетъ рукавъ рѣки Камы, либо тутъ впадаетъ рѣка. Церковь надъ рѣкою. Алтарь смотритъ на насъ, хорошій храмъ. Тутъ мы стояли минутъ двадцать.

Иные сходили съ парохода, другіе входили. Набирали на пароходъ дровъ.

Ко мнѣ въ каюту приходила супруга хозяина, Наталья Степановна, женщина въ высшемъ смыслѣ степенная и богобоязненная. Желала послушать моихъ рѣчей о воспитаніи дѣтей; я поговорилъ, какъ умѣлъ. У нихъ три сына: младшій (ѣдетъ съ нами) учиться въ Коммерческой Академіи, въ Москвѣ. Мужъ ея, Григорій Козьмичъ, младшій, а старшій братъ его Ѳеодоръ, и у того тоже три сына. Они были господскіе. Откупились (давно), заплативши боярину за себя двадцать тысячъ рублей! Непостижимая вещь торговля людьми!

18-е число. Суббота. Св. Емиліана. Іоанна многострадальнаго Кіево-печерскаго.

Просыпаясь твержу: «*Прославится въ тѣлѣ моемъ Христосъ, аще животомъ, аще ли смертію* (Филип. I, 20).

Ночью на палубѣ страшный стукъ, будто надъ самою моею головою. Безпокойно, но не я же одинъ терплю это! Видно, все это нужно. Часа два стояли въ самой серединѣ ночи, мгла въ воздухѣ увеличивала ночной мракъ.

Въ 9 часовъ пилъ чай у хозяина, по приглашенію. Опять осуждаю себя за многорѣчіе.

Проплыли, между островомъ, столь узкимъ мѣстомъ, что опасна была бы встрѣча съ другимъ судномъ. На носу стоитъ человѣкъ съ длиннымъ шестомъ, отмѣченнымъ на аршины и четверти. Въ опасныхъ мѣстахъ онъ безпрестанно опускаетъ шестъ ко дну и кричитъ сколько глубины: «шесть съ четвертью, семь, пять съ половиною и проч.» Когда дойдетъ до осьми, перестаетъ кричать. Это для капитана и рулеваго, который стоитъ на подмосткѣ на самой серединѣ судна.

Въ 11 часовъ я опять выходилъ на палубу, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ и полюбоваться на прекрасные берега рѣки. Со мною опять вступилъ въ разговоръ хозяинъ. Слава Богу на этотъ разъ я былъ повоздержнѣе въ рѣчахъ и благоразумнѣе. Погода пріятнѣйшая; тепло, тихо, мгла поменьше. Берега чистые, веселые, будто улыбаются. По крайней мѣрѣ я наслаждался сими минутами бытія моего.

Въ 12 часовъ мы остановились у города *Сарапула*. Предъ нимъ весьма высокій, отвѣсный, совершенно голый берегъ, красная глина. Городъ въ долинѣ. Три церкви. Берегъ заставленъ дровами для пароходовъ, судами, принадлежностями къ пароходамъ. Въ это время я былъ въ общей залѣ, что̀ въ кормѣ (носу) парохода, гдѣ обѣдаютъ и отдыхаютъ каютные. Вбѣгаютъ двое, трое мелкихъ чиновниковъ: торопливо обѣгаютъ залу, кричатъ: «Здѣсь мѣсто генералу. Никого нѣтъ. Достаточно». На меня взглянули глазомъ презрѣнія, трусости, недоумѣнія. Я всталъ тихонько и потянулся въ мою каюту.

Рѣчь этихъ молодцовъ значитъ: «Ступай вонъ, сторонись очищай мѣсто: идетъ генералъ». Кто этотъ генералъ? Ревизоръ удѣльныхъ владѣній, которыхъ около этихъ мѣстъ довольно. Онъ переѣзжаетъ въ Елабугу для того же. Я не видалъ этого генерала, но онъ желалъ меня видѣть (сказалъ мой Ѳедоръ, котораго онъ спрашивалъ обо мнѣ).

Посидѣвши немного въ каютѣ, я пошелъ на палубу: хотѣлось посмотрѣть на городъ и на суеты нагрузки и перегрузки товаровъ съ парохода и на пароходъ. Я стою прислонившись къ стѣнкѣ свѣтлицы. Ко мнѣ подбѣгаетъ чиновникъ: «Ваше преосвященство, отецъ Никодимъ!» Это Николай Шиллеготскій, сынъ покойнаго Вятскаго каѳедральнаго протоіерея Азаріи Тимоѳѣевича. Николай продолжаетъ: «Здѣсь моя маменька; позвольте ей представиться вамъ». Я изумился, пошелъ въ каюту и просилъ пригласить маменьку Николая ко мнѣ. Входитъ старушка, маленькая, сухая, однако живая: глаза блистаютъ, какъ бриліанты. Сѣли, поговорили. Она радуется, будучи утѣшена призоромъ и уваженіемъ своихъ дѣтей (у нея три сына и три дочери, всѣ съ хорошимъ именемъ, службою и состояніемъ). «Гощу у дѣтей, то у того, то у другаго и радуюсь счастію ихъ!» А я ей сказалъ немного о недугахъ моихъ и о томъ, что я оставилъ службу и ѣду въ Москву, въ монастырь, на покой.

Минутъ пять посидѣла она у меня съ Николаемъ и простились. Это Лисавета Гавриловна, нѣкогда цвѣтущая лѣтами, здравіемъ и красотою женщина. Я зналъ ее въ 1835—1838 годы, когда я былъ въ Вяткѣ ректоромъ семинаріи. Тогда ей было около 30 лѣтъ. Да спасетъ ея Господь! Но и я считаю посѣщеніе сіе разительно поучительнымъ. Есть Богъ! Благъ есть Господь Богъ нашъ и милостивъ! Душа моя знаетъ зѣло!

Прочиталъ въ № 147-мъ Московскихъ Вѣдомостей (они есть на пароходѣ) отъ 9-го Іюля, что 15 (3) Іюля Французское правительство объявило войну Пруссіи за невѣжливый отвѣтъ Прусскаго короля Франціи о принцѣ Прускаго дома Леопольдѣ, котораго Испанцы приглашаютъ на престолъ Испаніи. Война дѣйствительно открылась и длится доселѣ (3 Ноября), война ужасная. Пруссаки на десяти и болѣе сраженіяхъ побѣдоносны. Разбили и уничтожили двѣ Французскія арміи: а) въ 120,000 человѣкъ въ Седанѣ и б) 150,000 человѣкъ въ Мецѣ. Французы остались съ новобранцами. Съ 7 (17) Сентября Пруссаки обложили Парижъ и доселѣ держатъ его въ осадѣ. Взятъ въ плѣнъ Французскій императоръ Наполеонъ III; взяты крѣпости Седанъ, Страсбургъ, Туль, Мецъ, Вердюнь и много городовъ. Но конца брани нѣтъ. Французы не просятъ мира; а Нѣмцы начинаютъ сами терпѣть отъ погоды и будучи растянуты на 300 верстъ въ непріятельской землѣ.

Въ этомъ же номерѣ газеты прочиталъ: «Государь утвердилъ представленіе Св. Сунода о бытіи епископомъ Енисейскимъ и Красноярскимъ епископу Павлу Американскому 10 Іюня». Чудныя, дивныя,

разительныя для меня, вѣсти, видѣнія, сближенія! (Я выѣхалъ изъ Красноярска 11 Іюня, на другой день по утвержденіи на мое мѣсто преемника).

Въ 8-мъ часу вечера видимъ устье рѣки *Бѣлой* слѣва отъ насъ.

19-е. Воскресеніе. Св. Макрины, сестры Василія Великаго.

Въ 11 часовъ подплыли къ городу *Чистополю*.

Онъ на лѣвомъ берегу Камы. Центръ хлѣбной торговли. Три церкви посреди города, поперекъ его глубокій оврагъ. Середняя церковь (вѣроятно соборъ) пятиглавая, лучше и больше другихъ, надъ самымъ обрывомъ берега (не очень благоразумно). (Въ прошедшую ночь, въ полночь, мы были у города *Елабуги*, послѣдній Вятскій. Около него справа вливается въ Каму огромная рѣка *Вятка*, почти равная Камѣ. Оттого Кама стала уже огромною рѣкою. Въ нынѣшнемъ году здѣсь отличный урожай хлѣба (сказали).

Палуба набита людьми, но я захотѣлъ посмотрѣть, какъ носятъ съ берега и передаютъ къ машинѣ парохода дрова. Работаютъ и женщины. Я одобряю. Честный, хотя не легкій трудъ. Копѣйка эта золотая.

Въ 4 часу мы были у города Лаишева. Я вышелъ было на палубу посмотрѣть на городъ, но мы уже проплыли его. Берега мѣловые, изрѣзанные, грядами, голые, съ полуглиною. Видъ печальный. Города не видно. Сильный вѣтеръ и намъ встрѣчу, волненіе. Палуба застроена корпусочками, покровами, навѣсами, такъ что ни съ одного пункта (кромѣ подмостка для капитана) нельзя смотрѣть, лишь по одному направленію. Для любопытнаго (каковъ и я) это грустно. Сверхъ того, на палубѣ столько народу, что едва можно найти мѣсто прижаться и стать. Люди больше движутся, переходя съ мѣста на мѣсто. Въ проходной свѣтлицѣ я засталъ барынь за картами. Имъ было стыдно; перестали играть. Ирбитская барыня читаетъ Англичанина Диксона объ Американскихъ религіозныхъ сектахъ, и восхищается: Диксонъ одобряетъ всѣ эти секты въ ущербъ признаннаго исповѣданія вѣры.

При мнѣ заговорили о митрополитѣ Иннокентіи, о преобладаніи въ Синодѣ оберъ-прокурора, заставляли и меня приговаривать. Я старался быть сдержаннымъ и осторожнымъ, однакоже не лживымъ и хвалителемъ ложнаго. Слава Богу, кажется, не сказалъ опаснаго, вреднаго или ложнаго.

Я видѣлъ Татарское селеніе, гдѣ я ночевалъ, ѣхавши въ Красную Слободу изъ Казани, на освященіе церкви во имя Казанскія Божія Матери, въ Октябрѣ 1861 года, и гдѣ я переплывалъ Каму въ то время. Даже, кажется, я видѣлъ и этотъ храмъ Казанскія Божія Матери (или совершенно похожій на него, мною тогда освященный, въ имѣніи графа Комаровскаго и супруги его Аделаиды). Сладкое воспоминаніе!

Я спустился въ каюту (въ 5 часу), прилегъ. Со мною дѣлается дурно: лѣвая рука и вся лѣвая сторона и ноги стали нѣмѣть. Я сталъ усиливаться приводить въ движеніе лѣвую руку и ногу, но нѣмѣніе увеличивается, и со мною стало дѣлаться родъ *корчнія*; я свалился на полъ и уже не могу приподняться. Въ каютѣ, на другой сторонѣ, спитъ Ѳедоръ; я бужу его словами и дергая за рубаху правою рукою, спитъ, какъ мертвый. Отъ усилія встать сдѣлался приливъ sementis и туча. Я боялся сдѣлаться уродомъ, или мгновенно умереть. Но, слава Богу, всталъ, приподнялся, и минуть чрезъ десять здравіе ко мнѣ возвратилось.

Надобно мнѣ помнить это явленіе. Мои соображенія: 1., въ этотъ день я буду у Казани, гдѣ я былъ седьмь лѣтъ и восьмой викаріемъ; 2., въ 1853 году, въ этотъ день, который былъ тоже Воскресеніе, я видѣлъ пророчественный сонъ, что меня будто посвятили викаріемъ въ Казань; 3. Въ Красноярскѣ, въ этотъ самый день и въ эти часы, влѣзъ въ алтарь домовой архіерейской церкви воръ, сорвалъ антиминсъ, ободралъ Евангеліе и другія совершилъ святотатства и поруганія: тать-Еврей солдатъ. (Это мнѣ все написалъ изъ Красноярска тамошній о. каѳедральный протоіерей Василій Дмитріевичъ Касьяновъ) 4. Въ этотъ же день, какъ мнѣ дано знать, отправлены изъ Красноярска ко мнѣ сюда, въ Перервинскій монастырь, мои рукописи (три ящика), въ которыхъ весь я, вся моя жизнь и всѣ тайны души моей. Спхъ ящиковъ я доселѣ (4 Ноября 1870 г.) не получилъ, и тяжело опасаюсь, не попали бы они въ чужія руки, злые умы и злыя сердца! (Ящики получены сохранно 14 Января 1871 года). Но ты благъ еси, Господи, и милостивъ!

Въ 6-мъ часу пополудни мы подплыли къ устью Камы. Ея впаденіе въ Волгу почти подъ прямымъ угломъ. Правый берегъ Камы, составляющій уголъ съ лѣвымъ берегомъ Волги, совершенно низменный и голый—песчаная коса. Лѣвый же берегъ Камы обрѣзаетъ черная, мягкая земля, сажени три выше воды. Тамъ лѣсъ, поля и луга. Правый же берегъ Волги отвѣсная угрюмая каменная стѣна, валъ,

хребетъ, груда камень зернистый, полугранитъ, потреснутый рядами желтовато бураго цвѣта. Такимъ тянется этотъ берегъ вверхъ и внизъ на всезримое пространство. Здѣсь цѣлые хребты великолѣпнаго алебастра. Хотя и Кама уже великая рѣка въ этомъ мѣстѣ, на сутки плаванія нашего, но предъ Волгою она становится въ разрядъ притока, дочери: величественная Волга здѣсь съ версту ширины и, можетъ быть, болѣе. (Но я здѣсь вспомнилъ свой Сибирскій Енисей, напримѣръ, въ Усть-Тунгузкѣ въ Енисейскѣ: о, далеко шире и величественнѣе Волги Сибирскій Енисей. Даже Обь тамъ, гдѣ я ее переплывалъ, много шире Волги).

Немного повыше Камы, на правомъ берегу Волги, хорошее село съ каменною церковію на скатѣ берега. Тутъ мы стояли минутъ двадцать. Сходили, входили пассажиры, складывали, накладывали кладь, дрова для машины. (Не городъ-ли это Тетюши?) Лѣвый берегъ Волги низменный и открытый. Поднялся вѣтеръ довольно сильный, намъ противный, а и мы плывемъ тепе́рь уже противъ теченія: плаваніе очень медленное. Видѣли на правомъ берегу и еще село, тоже съ каменною церковію. (Не это ли Богородское?).

Я все вытягивался смотрѣть вдаль, впередъ, чрезъ лѣвый берегъ, желая увидѣть Казань. Тщетно: уже десятый часъ вечера, стало темнѣть. Что-то бѣлѣется впереди, но уже весьма не ясно. Я спросилъ у капитана, далеко ли Казань. 25 верстъ, сказали. Я перекрестился и ушелъ въ каюту. Легъ и заснулъ крѣпко.

Въ 11 часовъ ночи подплыли на *Казанскую пристань*. Поднялся страшный гвалтъ на пароходѣ: сходятъ, входятъ, сгружаютъ, нагружаютъ. Я слышу, безпокоенъ, но не просыпаюсь. Въ 12 часовъ меня разбудилъ Ѳедоръ. Подаетъ письмо изъ Казани. Жандармъ, подавшій письмо, проситъ теперь же отвѣта. Письмо отъ Гавріила Ивановича Горталова, дворянина и чиновника по земству; проситъ усерднѣйше пожаловать къ нему въ домъ отдохнуть.

Такъ какъ я еще въ Перми рѣшилъ не быть въ Казани, то я написалъ карандашемъ: «не могу быть за слабостію здоровья и по другимъ обстоятельствамъ, сложившимся около меня такъ, что я вынужденъ лишить себя сего утѣшенія». Запечаталъ и отдалъ жандарму, а самъ молился и плакалъ. Въ два часа по полуночи пароходъ тронулся въ дальнѣйшій путь. И—я Казани не видалъ!

На пристани были два студента Университета. Какъ рожны, они совались вездѣ и всѣмъ мѣшали, со всякимъ зачинали заносчивыя

рѣчи, насмѣхались, важничали, какъ-бы какіе независимые ни отъ кого, ни отъ чего. Они были очень пьяны. Полицейскіе вѣжливо напоминали имъ долгъ и предостерегали отъ бѣды (наприм., они нагибались на рѣшетку надъ водою, могли перевѣситься и упасть въ воду). Студенты вступали въ юридическіе споры, важничая, что они знаютъ законы лучше полицейскаго. Вотъ скаредная молодежь, которая готовитъ Россіи тирановъ, гордецовъ, мечтателей и возмутителей. Кажется, высокое правительство не достаточно близко и ясно понимаетъ положеніе нашихъ университетовъ и вообще всего круга гражданскаго образованія. (Сцену о студентахъ мнѣ разсказалъ мой Ѳедоръ, очевидецъ, своимъ языкомъ. Потомъ я прочиталъ о томъ же въ газетахъ. Слава Богу, что я не видалъ этого).

Предъ Казанью Волга верстахъ на десяти почти уходитъ въ пески и оставляетъ на поверхности столько воды, что едва можно съ осторожностію пройти судну, и столько суживается по широтѣ, что не безопасно встрѣчному судну разойтить.

20-е число Іюля. Понедѣльникъ. Съ пророка Иліи.

Вчера, подплывая къ Казани и воспоминая мое тамъ житіе, я молился и плакалъ, плакалъ горько и глубоко. Прочиталъ четыре кафизмы и заснулъ.

Въ десятомъ часу подплыли къ селу *Сундыръ*. Большое торговое село. Двѣ каменныя церкви. Есть каменные домы. Звонятъ къ литургіи; я помолился въ душѣ моей и порадовался. Тутъ была нагрузка дровъ и смѣщеніе и входъ сѣдоковъ.

Я чувствовалъ себя дурно. Давила какая-то грусть и тоска. Боялся заболѣть и просилъ крѣпко пощады себѣ у Бога. Выходилъ на палубу, чтобъ освѣжиться; но здѣсь такъ людно и такія передвиженія, что невольно надобно уйти. По сану моему я тотчасъ обращаю на себя вниманіе и дѣлаюсь зрѣлищемъ любопытныхъ.

Въ четвертомъ часу пополудни мы были у города *Козмодемьянска*. Двѣ каменныхъ церкви, въ городѣ, третья впереди его, вѣроятно, кладбищенская, въ рощицѣ. Городъ маленькій, но стоитъ на красивомъ скатѣ втораго берега (а первый идетъ высокою стѣною надъ нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи), городъ, однакоже, стоитъ высоко надъ рѣкою (примѣрно сажень двѣнадцать). Я назвалъ бы его *зеленымъ*, оттого, что онъ весь въ зеленыхъ садахъ и садикахъ, и высокій берегъ, что надъ нимъ, тоже въ густой, свѣжей, дѣвственной зелени.

Рѣка Волга въ этомъ мѣстѣ съ версту. Она здѣсь не имѣетъ острововъ. Правый берегъ ея стѣна, въ 50—70 сажень, покрытая зеленымъ лѣсомъ: есть дубы, липы, орѣшникъ. Лѣвый низменный: это уже Вятская губернія. Видно хорошее село съ каменною церковію и дремучій лѣсъ (выгорѣвшій однако года за три предъ симъ).

Козмодемьянскъ давалъ мнѣ два воспомпнанія. *Первое*, въ проѣздъ мой чрезъ него въ Вятку, въ первыхъ числахъ Марта 1835 года; *второе*, въ проѣздъ мой въ Казань, въ Мартѣ же 1854 года. Въ оба раза я тогда былъ счастливъ и радостенъ и здравъ, наслаждался жизнію и готовился къ высшей службѣ. Нынѣ я хилъ и унылъ и безъ общественной службы.

Ирбитская барыня съ двумя дочками накормили меня отличною садовою малпною, здѣсь купленною, со сливками и сахаромъ. Я покушалъ, ничтоже сумняся, яко даръ Божій.

Со мною вступалъ въ разговоры купецъ города Охапска Яковъ Спиридоновичъ. Да благословитъ его Богъ! Честный и искренній Русскій христіанинъ.

Въ 7 часовъ пилъ чай съ хозяиномъ, Григоріемъ Козмичемъ, въ свѣтлицѣ.

21-е число Іюля. Вторникъ. Семеона Христа ради юродиваго и Іоанна. Пророка Іезекіиля.

Помолившись и начитавшись досыта въ каютѣ, я въ восемь часовъ вышелъ на палубу. Меня пригласилъ пить чай съ собою Григорій Козмичъ.

Въ эту ночь у насъ на пароходѣ *приключеніе*:

Вчера, въ 10 часовъ вечера, крестьянинъ изъ Елабуги Димитрій, 22 лѣтъ, холостой, намѣренно ли бросился въ воду, или по неосторожности вздремалъ и перевѣсился, и упалъ въ воду, никто не знаетъ. Однако тотчасъ пароходъ былъ остановленъ, спущены лодки, искали долго и не нашли утопленника. Осталась его сумочка, въ ней нашли только кусокъ хлѣба. Товарищей и знакомыхъ на пароходѣ не было: дѣло покрылось мракомъ. Вѣдаетъ Господь! Не отчаяніе ли? Не бѣда ли? Не злодѣяніе ли томило душу этого Димитрія?

Въ 11 часовъ дня мы увидѣли Нижній-Новгородъ и окрестности его. Пріятная, красивая и великолѣпная мѣстность. Подъ самымъ го-

родомъ вливается въ Волгу Ока, которая сама не менѣе Волги, въ этомъ мѣстѣ сверху къ ней подошедшей.

Волга шла съ Востока на Западъ и въ Нижнемъ, упершись въ каменную гору, круто повернула налѣво, на Югъ, а Ока въ этомъ мѣстѣ и до того шла на Югъ, такъ что какъ бы Волга въ нея впала.

Лѣвый берегъ Волги на далекое пространство виденъ съ горы Нижняго. Видно сліяніе Оки съ Волгою, луга, озера, села, четыре каменныя церкви въ одной слободѣ, и на правомъ берегу хорошее село съ каменною церковію. Передъ самымъ городомъ значительная возвышенность второго берега и на немъ расположенъ обширный и богатый Печерскій монастырь, имѣющій рощи и сады. Надъ монастыремъ виситъ стѣною, первый берегъ. За монастыремъ круглая каменная гора (примѣрно сажень сто вышиною), полу-овальная, верстъ въ пять. На ней расположенъ Нижній-Новгородъ, обширный, богатый, очень красивый.

Здѣсь я распростился съ пароходомъ, сѣлъ на хорошій экипажъ извощика съ Ѳедоромъ и поѣхали въ городъ.

Іеродіакона Іустина я оставилъ на пароходѣ, чтобы онъ оберегалъ нашу кладь и багажъ, и дождался пріѣзда за всѣмъ этимъ изъ города по моему распоряженію.

Больше версты мы втягивались на гору, по дорогѣ, выстланной чисто булыжнымъ камнемъ (какъ это въ Россіи, въ городахъ). Дорога шла лентою, огибая овальную гору и постепенно поднимаясь. Гора усажена деревами, а открытыя мѣста, какъ бы ковромъ, покрыты изящною зеленою травою: видно, что тутъ есть заботливая рука человѣческая и бдительное наблюденіе. Такого прекраснаго пути нѣтъ во всей Сибири ни на десять сажень. Сибирь не знаетъ этого наслажденія изяществомъ природы.

Чѣмъ болѣе мы поднимались на гору, тѣмъ шире становился нашъ горизонтъ, и мы восхищались (по крайней мѣрѣ я) торжествомъ благословенной природы.

Видно была и ярмарка, но я не успѣлъ окинуть ее взоромъ и даже подлинно не зналъ ее ли я вижу.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА*).

XVI. Нижній-Новгородъ.

Пріѣхали въ архіерейскій домъ. Преосвященный Филаретъ принялъ меня дружелюбно. Онъ поразилъ меня собою: едва движется, такъ что моя ходьба, съ моими больными ногами, можетъ почитаться сравнительно молодецкою. Лицо его имѣетъ свѣжій жизненный румянецъ, но опять на рукахъ, по крайней мѣрѣ на правой, пальцы омертвѣли, недвижимы и сохнутъ. Словомъ, преосвященный Филаретъ совершенно болѣзненный и уже давно вовсе и не можетъ служить. Онъ изъ Уніатовъ, тонкій и деликатный. Впрочемъ, нужда заставила говорить и его, и меня. Я тотчасъ попросилъ у преосвященнаго дозволенія съѣздить въ Печерскій монастырь, чтобъ тамъ видѣть и отдать уваженіе преосвященному Іереміи, живущему здѣсь на покоѣ.

Путь версты три, и опасный: спускъ подъ гору сажень на сорокъ и довольно крутой; тормозили. Меня проводили до преосвященнаго Іереміи. Онъ живетъ въ восточной части монастыря, которая отъ въѣзда есть задняя, въ смиренномъ флигелѣ, однакоже двухъ-этажномъ. Онъ меня встрѣтилъ съ восторгомъ и любовію. Мы наговорились до сыта. Онъ показалъ мнѣ свою домовую церковь. Она въ слѣдующей залѣ, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Иконостасъ на золотѣ, настоящій церковный. Кажется, онъ самъ служитъ по священнически. У него келейникъ, кажется, іеродіаконъ Никонъ, лѣтъ 30. Келія весьма уединенная. На Западъ храмъ Божій и кладбище съ садомъ, на Востокъ, чрезъ стѣну, вся вселенная, Волга, ея окрестности; на Югъ, конецъ корпуса и видъ на первый берегъ Волги, стоящій стѣною, покрытой густымъ лѣсомъ и висящею надъ монастыремъ. Къ Сѣверу, продолженіе корпуса и неизвѣстное (мнѣ) назначеніе его.

Преосвященный опасается провалиться со всѣмъ зданіемъ, въ которомъ живетъ. Сѣверо-восточная сторона монастыря (а именно гдѣ живетъ Іеремія) угрожается проваломъ, который подходитъ къ монастырю ближе и ближе. Подземные ключи подмываютъ основаніе грунта на глубинѣ 10—20 сажень.

---

*) См. выше стр. 118.

Преосвященный пожалѣлъ, что я не знаю никакого рукодѣлія, ни искусства, чѣмъ бы наполнять праздное время (котораго нельзя не имѣть). Самъ онъ видно занимается чѣмъ-либо.

Преосвященный жалѣлъ объ Астраханскомъ преосвященномъ Аѳанасіѣ, тоже уволенномъ на покой (въ одинъ день со мною): «ищетъ монастыря, гдѣ бы помѣститься». Я послѣ узналъ: преосвященный Аѳанасій изъявилъ Сѵноду желаніе помѣститься въ *одномъ* изъ Астраханскихъ монастырей. Сѵнодъ же ему указалъ *другой* монастырь, тутъ же въ Астрахани. Этотъ монастырь бѣдный, а тотъ богатый.

Здѣсь проживалъ въ останкѣ дней своихъ, недавно скончался и здѣсь же погребенъ архимандритъ Иннокентій, изъ Московскихъ (мѣщанскій или купеческій сынъ). Онъ былъ игуменомъ въ Новгородскихъ Саввы-Вишерскаго и Отенскомъ монастыряхъ, гдѣ я у него бывалъ. Въ молодости онъ былъ въ Іерусалимѣ. Здѣсь духовный отецъ его, имѣвшій бороду до земли, сказалъ ему: «Оставайся здѣсь, если хочешь спасти душу свою, а въ Россіи очень трудно, отъ *безстыдства женъ*». Иннокентій не послушался и едва ли не потерпѣлъ бѣдъ отъ послѣдняго пророчества. Я подошелъ къ могилѣ его и прочиталъ заупокойную молитву. Катились слезы.

Монастырь Печерскій отданъ въ управленіе викарію здѣшнему Поликарпу. Надлежало зайти къ нему, хоть я ужасно утомленъ, его не знаю, время утекало, меня ждали преосвященный Филаретъ къ обѣду. Былъ. Поговорилъ. Онъ Московской Академіи, 1838 года (11-го курса), Тамбовскій родомъ, былъ викаріемъ Петербургскимъ. Видно, есть либо ошибки, либо несчастія по службѣ; благообразный, важный, огромная черная борода, пересыпанная слегка сѣдинами. Онъ лишь возвратился изъ путешествія по епархіи. Комнаты приличныя, на Сѣверо-западѣ. Садъ. Волга. Печерскій монастырь весь въ садахъ и рощахъ, пышныхъ, зеленѣющихъ, благоуханныхъ. Двѣ особыя старинныя церкви. Монастырь продолговатый, думаю, сто сажень и болѣе, а въ ширину 60—70. Въ 1854 году, въ Мартѣ, проѣзжая въ Казань, я простился съ преосвященнымъ Іереміею (онъ тогда былъ епархіальный) на Волгѣ, *противъ этого монастыря* (преосвященный провожалъ меня). Почитаю для себя это случайное обстоятельство примѣчательнымъ. Чрезъ 16-ть лѣтъ и я, тоже уволенный, какъ онъ, и видимся *на той же линіи земли*.

Я возвратился уже въ 4-мъ часу. Меня преосвященный Филаретъ ждалъ. Стыдно, а обстоятельства не дозволили сократить время. Обѣдъ деликатный, Шампанское, разговоры добрые. Завтра тезоименитство Императрицы. Преосвященный приглашалъ служить въ соборѣ; я отказался (и по слабости здравія, и по разстройству живота). Служилъ преосвященный викарій.

Во всенощное я былъ въ домовой архіерейской церкви; обширная и богатая церковь. Пѣніе общее церковное. Служилъ ставленникъ.

Потомъ я ходилъ гулять по саду; большой садъ и огромнѣйшія дерева, вязы и липы. Онѣ, конечно, видѣли Минина и Пожарскаго. Есть хозяйственныя посадки, овощи; есть плоды кустарные и древесные. Садъ содержится въ чистотѣ, дорожки выметены. Преосвященный жаловался и на стѣсненія духовенства отъ гражданства и на стѣсненія духовенствомъ архіерейской администраціи. Жалоба тонкая, разумная, осторожная, а однако все же жалоба; и я радъ, что и не наши мыслятъ по нашему.

Преосвященный Филаретъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года, прислалъ на имя мое въ Красноярскъ *сто рублей* и просилъ передать ихъ *Василію Евграфовичу Вердеревскому*, бывшему вице-губернаторомъ въ Нижнемъ, осужденному и сосланному въ Сибирь по дѣлу о расхищеніи казенной соли въ Нижнемъ на милліоны. Я передалъ этому господину Вердеревскому сіи деньги чрезъ о. протоіерея, показавъ ему и письмо Филарета. Вердеревскій былъ у меня и просилъ благодарить преосвященнаго, сказывая, что онъ его *почти не знаетъ* и едва видѣлъ разъ или два. Между тѣмъ о. протоіерей мнѣ сказалъ, что этотъ господинъ живетъ въ Красноярскѣ деликатно и широко, имѣетъ богатую квартиру. Его Государь скоро почти простилъ, дозволивъ ему возвратиться изъ Сибири и проживать въ Рязанской губерніи у родныхъ. Онъ выбылъ изъ Красноярска немного раньше меня, но я нагналъ и обогналъ (кажется) его, хотя вовсе не видалъ. На одной станціи мнѣ сказали о немъ, что онъ движется *нищенски* и проситъ покормить его. Дивно и загадочно! Удивительно и то, за что, отъ чего, почему, у Филарета милость и сердоболіе къ такому человѣку, который его почти не знаетъ?! Оставляю совѣстямъ ихъ предъ Богомъ.

Филаретъ епископомъ съ 1851-го года. Былъ викаріемъ въ Вильнѣ, епископомъ въ Уфѣ (съ 1860 года) и недавно въ Нижнемъ. Въ нынѣшнемъ году онъ получилъ орденъ Александра Невскаго. За что же?— «За то, что *есть*, живетъ въ домѣ, и не служитъ», сказалъ съ горечью мнѣ на пароходѣ Нижегородскій гражданинъ.

Въ комнатѣ, отведенной для меня, на стѣнѣ большой портретъ (поясной) Василія архіепископа Полоцкаго (изъ Уніатовъ), нынѣ просто члена Святѣйшаго Синода). Какая тяжко отталкивающая фигура! И злость, и коварство, и брюзга. Ей, я не могъ примириться съ этою несчастною физіономіею.

Преосвященный Филаретъ былъ ректоромъ въ Полоцкѣ (у этого Василія). Конечно орденъ Св. Александра полученъ по протекціи этого преосвященнаго Василія; но и самому кліенту видно въ тягость это

видѣніе своего патрона (онъ повѣсилъ его въ нежилую полу-лакейскую). Либо это сдѣлано во пскушеніе, или для науки—*мнѣ*!

Экономъ архіерейскаго дома бѣлый священникъ. Домъ сущая пустыня и *таинственность*: никого не видно. Ѳедоръ мой остался безъ обѣда; не у кого попросить. А домъ сущій дворецъ. Подъѣздъ вельможескій, а также крыльцо и лѣстница. Залы убраны портретами и зеркалами въ золотыхъ рамахъ. Домъ въ два крупныхъ этажа. Противъ дома (за подъѣздомъ) сажень во сто и болѣе длиною и шириною садъ. Словомъ, это домъ, какихъ немного въ Россіи у архіереевъ.

Предшественникъ Филарета въ Нижнемъ былъ епископъ, а потомъ архіепископъ Нектарій, нынѣ Харьковскій. Онъ украсилъ и обновилъ Нижегородскій архіерейскій домъ. На сіе дѣло требовалась немалая сумма, а ея при домѣ не было. Нектарій испросилъ въ Св. Сунодѣ (онъ тамъ засѣдалъ въ тѣ годы) дозволенія закрыть Макаріевскій монастырь, (при которомъ была знаменитая Макаріевская, что̀ нынѣ Нижегородская ярмарка), а вмѣстѣ *перевести капиталы монастыря* и, кажется, ризницу и цѣнности, *въ архіерейскій домъ*, для поправки его. Все это Нектарію дозволено, и онъ на сіи-то капиталы вельможественно обновилъ домъ свой. Это весьма озлобило Нижегородское гражданство. Нектарія, при возвратѣ его изъ Сунода въ Нижній, хотѣли встрѣтить *каменіемъ*! (Это мнѣ тоже разсказали на пароходѣ). Ему дали Харьковскую епархію. Купечество Нижегородской ярмарки думаетъ просить Государя о возстановленіи Макаріевскаго монастыря, почитая преподобнаго Макарія покровителемъ ярмарки. Во мнѣніяхъ и дѣяніяхъ преосвященнаго Нектарія много сходства съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, современникомъ Петра Великаго. Новѣйшее преобразованіе духовнаго обученія двигалось и навершилось, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ, трудами преосвященнаго Нектарія.

22-е число Іюля. Середа. Св. Маріи Магдалины.

Спалъ тихо. Не вставалъ ночью для нужды. Даже, что̀ приписываю великому милосердію Божію, вчера, съ парохода во весь день, я ни разу не имѣлъ нужды: это меня освобождало для дѣйствій и явокъ и радовало. Во снѣ: «Послѣ долгаго путешествія подъѣзжаю къ родинѣ. Радуюсь. Читаю надъ чѣмъ-то, или надъ кѣмъ-то надпись: memento mori! (помни умереть). Видно, близка моя кончина: буди воля Господня! Царскій день. Былъ у литургіи въ домовой церкви (въ соборѣ служилъ преосвященный викарій). Я написалъ и послалъ телеграмму митрополиту Московскому Иннокентію: «Дозвольте, владыко, мнѣ, проѣзжающему изъ Красноярска, остановиться въ домѣ вашемъ на нѣсколько. Епископъ Никодимъ».

Вчера на желѣзной дорогѣ, куда отвезли мою поклажу; только сложили, а не приняли, для моей же пользы и спокойствія. На желѣзной дорогѣ мнѣ растолковали, что столь малую кладь (14 или 15 пудъ) мы примемъ въ тѣ вагоны, съ коими вы поѣдете: у насъ есть багажные. А если бы вы захотѣли отдать вашу кладь въ товарные поѣзды, то тамъ, при сотняхъ тысячъ пудовъ разныхъ кладей, движущихся ежедневно въ Москву и изъ Москвы (началась ярмарка) вы причяли бы много безпокойства и въ сдачѣ, и въ полученіи вашей клади. Какъ капля въ морѣ, ее не скоро бы и отыскали. Спасибо имъ!

Обѣдъ у преосвященнаго праздничный. Въ два часа пріѣхалъ викарій. Обѣдали втроемъ. По неуваженію къ суетнымъ обрядамъ при столахъ, я не сдѣлалъ *тоста* преосвященному Филарету за рюмкою Шампанскаго. Почему-то я обратился къ викарію. Это смутило преосвященнаго Филарета. Я сталъ извиняться, но извиненіе хуже молчанія. И я послѣ того смутился и, кажется, это такъ повліяло на обоихъ насъ, что мы встали и раскланялись *истуканами*. Вотъ какъ иногда ничто дѣлаетъ нѣчто! Хотя я тяготился пребываніемъ у преосвященнаго, видя его болѣзнь и скуку и догадываясь, что онъ безмѣрно тяготится мною и опасается, какъ бы я чего нибудь неблаговиднаго у него не подсмотрѣлъ и не подслушалъ, но однѣ сутки надобно же было провести мнѣ въ Нижнемъ, чтобъ перегрузиться съ парохода на желѣзную дорогу, и потому я невольно оставался въ архіерейскомъ домѣ этотъ день.

Спасибо, владыка далъ мнѣ карету и особую лошадь для поклажи, и мы въ пять часовъ отправились на желѣзную дорогу.

Мы проѣхали другую половину города, западную, по длинѣ его. Богатый городъ, даже изящный. По улицамъ опрятность и чистота, домы большіе каменные, и одинъ другаго лучше. Ѣхавши отъ архіерейскаго дома (онъ, кажется, въ срединѣ города) съ версту, мы начали спускаться внизъ по оврагу, но отлично выровненному. Спускъ довольно отлогій (больше версты). Дно оврага выстлано булыжнымъ камнемъ, съ канавками и откосами по бокамъ, тоже выложенными камнемъ, бока оврага выложены дерномъ, который покрыть прекраснѣйшею зеленью, какъ ковромъ (траву, видно, подкашиваютъ); чѣмъ дальше спускаешься, тѣмъ бока оврага становятся выше и выростаютъ до большой высоты, а межъ тѣмъ по краямъ ихъ виднѣются хорошія городскія постройки и сады. По выѣздѣ изъ оврага открылась окрестность: Волга, изгибающаяся дугою у города прямо противъ насъ; поперекъ намъ слѣва вливается Ока въ Волгу. По Окѣ построенъ широкій, покойный деревянный мостъ, настланный досками и раздѣленный на двѣ широкія половины. Направо и впереди пароходы и баржи,

коимъ конца невидно; налѣво въ Окѣ тоже судна въ большомъ количествѣ. (Есть ли между ними пароходы, не помню).

Тотчасъ по переѣздѣ черезъ Оку начинается знаменитая Всероссійская Нижегородская ярмарка. Мѣстность ровная, но низменная. Ярмарка прислонена къ лѣвому берегу Оки и правому Волги и составляетъ тупой уголъ устья на большое пространство (я его опредѣлить не могу). Въѣхавши въ ярмарку, мы поворотили налѣво и ѣхали краемъ ея у берега Оки; ѣхали версты двѣ. Направо намъ встрѣчались ряды корпусовъ, смотрящіе другъ на друга, составляющіе изъ себя улицы, не видно конца имъ. Проѣхали зданія два, безъ сомнѣнія храмы, но чьи, не знаю: ибо есть и кирки, и костелы, и мечети, и даже синагоги. И въ глубинѣ направо тоже видны церковныя возвышенія. Зданія каменныя, недавнія; но идетъ и еще обширная постройка новыхъ безконечныхъ каменныхъ зданій тамъ и здѣсь. Народу много, какъ въ городѣ; но еще не открыта торговля.

Подъѣхали къ вокзалу. Онъ на концѣ ярмарки. Я пріѣхалъ рано. Часъ и болѣе сидѣлъ въ вокзалѣ. Однакоже въ это время мои ребята, Ѳедоръ и іеродіаконъ, сдавали багажъ, брали билеты. Мы съ Ѳедоромъ взяли первый номеръ, іеродіакону дали второй. По сану моему я былъ въ рясѣ, камилавкѣ, клобукѣ съ панагіею. Это дѣлало изъ меня предметъ любопытства для большой публики, здѣсь собравшейся. Многіе, вѣроятно, впервыя видятъ монаха и архіерея (я былъ въ простой шерстяной черной рясѣ). Тутъ были, конечно, иновѣрцы и даже иностранцы; но и я смотрѣлъ съ разнородными чувствіями на эту смѣшанную публику. Господствуетъ совершенно не Русская народность. И *вопервыхъ*, всѣ въ шапкахъ (что не по-русски). За боярами, чинами и Французами и глупый мѣщанинъ тоже въ шапкѣ и тоже вытягивается, дабы показать, что и онъ не отстаетъ отъ вѣка. *Второе*, нѣтъ мужчины безъ сигары во рту. Съ сигарою гуляетъ, сидитъ (и какъ сидитъ, гнусно взглянуть), даже говоритъ половину, держа въ зубахъ сигару. *Третье*, мужской костюмъ обыкновенно короткій, но иногда до того, что мерзко взглянуть. *Четвертое*, видъ смѣлый, т. е. наглый и нахальный. «Не тронь меня! Я тебя!» *Пятое*, и женщины наиболѣе имѣютъ недостатокъ скромности, кротости, цѣломудрія, тихости и стыда: открытымъ челомъ идетъ прямо на тебя: посторонись; иначе она опрокинется на тебя. Парижскіе рисунки для костюма склоняютъ къ продажѣ цѣломудрія, торговлѣ стыдомъ, хвалятся безстыдствомъ. И какія выдумки! Сущее шутовство, полное отсутствіе степенности, уваженія къ обществу. Не имѣя случаевъ бывать при подобныхъ сборищахъ, я этотъ часъ въ вокзалѣ сидѣлъ какъ на раскаленныхъ угольяхъ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЕПИСКОПА НИКОДИМА*).

XVII. Отъ Нижняго въ Москву.

Въ шесть или семь часовъ вечера мы сѣли въ вагонъ. Услужливые комиссары (въ полу-военномъ костюмѣ) сдѣлали для меня все наилучшимъ образомъ: а, цѣлое отдѣльное сидѣніе, карету 1-го номера, отдали одному мнѣ съ Ѳедоромъ; б, карета имѣла надпись «для некурящихъ сигары» (спасибо; я слѣдовательно и запаха не слыхалъ сигаръ); в, въ нашемъ сидѣніи другъ противъ друга на двухъ противуположныхъ диванахъ можно бы свободно помѣститься восьми человѣкамъ: мы сидѣли двое. Карета изящно обшита драдедамомъ нагаго цвѣта. Стекла въ окнахъ зеркальныя, большія, поднимаются удобно и спускаются, какъ въ каретѣ. Когда мы садились, былъ дождь и громъ. Помчались быстро. Окрестности быстро измѣнялись. Мѣсто ровное, низменное: мы не переѣхали ни одной горы, сколько-нибудь стоющей этого названія. Мосты желѣзные, или готовятся въ замѣну деревянныхъ (вѣроятно послѣ сожженія моста на Мстѣ, на Петербургской желѣзной дорогѣ).

23 число Іюля. Четвергъ. Св. Трофима и Ѳеофила.

Въ полночь, или немного позднѣе, мы были во Владимирѣ. Я уже дремалъ, однако около этого времени проснулся. Городъ стоитъ на берегу рѣки Клязьмы, гористомъ и волнистомъ. Желѣзная дорога идетъ у рѣки, по скату берега, огибаетъ городъ, а въ него не входитъ. Тутъ долгая остановка. Большой вокзалъ. Сходятъ съ вагоновъ, входятъ, сгружаютъ, нагружаютъ. Межъ тѣмъ въ вокзалѣ готовы кушанья. Вошелъ и я, чтобъ что нибудь видѣть. Выпилъ чашку чая (10 коп.) и пошелъ.

Городъ Владимиръ губернскій. Напрасно его проѣзжаютъ въ полночь. Городъ древнѣйшій въ Россіи, примѣчательный великими отечественными событіями и исполненъ святостей. Я думаю (пусть простятъ мнѣ), все это и было причиною закрыть отъ проѣзжающихъ этотъ

*) См. выше, стр. 281.

патріотическій городъ. Вмѣсто созерцанія святостей здѣсь поставили корчму для пьянства и объяденія въ полночь! *Упивающіеся въ нощи упиваются.* Такъ какъ желѣзныя дороги у насъ строятъ иностранцы, которые вмѣстѣ суть иновѣрцы, то діаволъ и подущаетъ ихъ какъ можно дальше становиться отъ святости и заслонять себя отъ нея, и къ тому же обучать Русскихъ! Мнѣ особенно это было тяжело потому еще, что я изъ Красноярска писалъ здѣшнему викарію, Іакову, епископу Муромскому, прося у него дозволенія побыть во Владимирѣ и погостить въ его жилищѣ. Онъ, конечно, ждалъ меня. Я его обманулъ, оскорбилъ. Онъ жаловался мнѣ. Но, о Боже! Мнѣ слѣдовало бы сойти съ желѣзной дороги въ полночь; слѣдовало разыскивать жилище викарія, стучать и толковать, допрашивая и объясняясь, либо-ждать дня въ какой нибудь гостиницѣ съ піяницами. Я не рѣшился на это, особенно при слабомъ здравіи.

Верстъ за семьдесять и, можетъ быть болѣе, уже разсвѣло, все видно: виды прекрасные. Селенія и церкви направо и налѣво.

Мы подъѣхали къ Москвѣ въ восьмомъ часу утра. Я вошелъ въ вокзалъ и перекрестился. Присѣлъ отдохнуть. Ко мнѣ подходитъ почтенный іеромонахъ, экономъ митрополичьяго дома о. Арсеній и предлагаетъ мнѣ карету. Я возблагодарилъ Бога и воспомянулъ молитвенно митрополита Иннокентія.

Въ вокзалѣ сущая ярмарка. Суета, бѣганіе, клики, поиски, озабоченность; несутъ охапками свои пожитки. Комиссары прислуживаютъ. И я долженъ былъ распорядиться о пріемѣ съ вагоновъ нашего багажа и доставкѣ его на митрополичье подворье. Мы оставили здѣсь іеродіакона Іустина и моего Ѳедора. Я попросилъ, и о. Арсеній обѣщался, прислать сюда лошадь съ телѣгою для принятія клади.

Мы поѣхали съ о. Арсеніемъ.

Станція Нижегородской желѣзной дороги не въ Москвѣ, а внѣ ея, на вольномъ мѣстѣ, и занимаетъ по крайней мѣрѣ квадратную версту. Корпуса и навѣсы, сараи и лабораторіи, кузницы и столярни, линіи разнородныхъ вагоновъ, товарныхъ, пассажирскихъ, рельсовъ груды, рельсовыхъ экономическихъ путей для вытяжки, выходовъ вагоновъ нагруженныхъ и для нагрузки: не можетъ объять скоро и око зрѣніемъ. Это цѣлый механическій и товаро-складочный и накладной городъ. Удалившись отъ желѣзнодорожнаго городка, мы въѣхали въ хорошую городскую улицу, обстроенную хорошими деревянными и каменными домами. На версту и болѣе эта улица еще передъ заставою (кажется, Рогожскою или Роговскою). Все это привлекла желѣзная дорога, потому что до нея здѣсь было чистое поле. Я дивился.

Въѣхали въ Москву и ею ѣхали до Троицкаго митрополичьяго подворья версты три. Пріѣхали, и я возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе пути моего столь длиннаго и тяжкаго.

XVIII. Москва.

Къ 10 часамъ дня привезена съ желѣзной дороги моя кладь, и мы, всѣ трое (я, Ѳедоръ и іеродіаконъ Іустинъ) нашли себѣ тихое пристанище въ домѣ митрополита. Владыка въ это время былъ въ Черкизовѣ, въ своемъ загородномъ домѣ. Меня принялъ въ свои комнаты, внизу, о. экономъ и уступилъ мнѣ свою залу.

Къ митрополиту (верстъ шесть) ѣхать было бы поздно; я пріѣхалъ бы незваный къ обѣду; а мнѣ, послѣ толикаго пути, при моемъ хиломъ здоровьи, хотѣлось отдохнуть. Кромѣ сего мнѣ хотѣлось начать представленія мои въ Москвѣ молитвою и поклоненіями предъ святостію Москвы. По всему этому я, достигши уже своего пристанища, не хотѣлъ торопиться и положилъ этотъ день остаться дома для отдыха. И столько, сколько я уже проѣхалъ Москвою, мнѣ показало удивительное ея улучшеніе. Грязная площадь, улицы и переулки у Рогожской заставы нынѣ уже суть городъ чистый, даже богатый, иногда великолѣпный и изящный. Мнѣ дали хорошій обѣдъ и ужинъ. Я въ полномъ покоѣ. Вокругъ меня тихо. Окна въ садъ и на огороды, принадлежащіе митрополичьему дому (на арендѣ, кажется, за пятьсотъ рублей). Въ 6 часу былъ крупный дождь-ливень. Гремѣлъ громъ. Воздухъ свѣжій, влажный, живительный. Я радовался. Въ Сибири это рѣдкость. Тамъ сухой воздухъ мгла, изгарь, вѣтры.

24 число Іюля, Пятница. Св. Христины. Бориса и Глѣба. Поликарпа Печерскаго.

Спалъ тихо, всталъ умиленно-радостно. Въ 7 часовъ литургія въ домовой церкви. Я пошелъ. Стоялъ въ алтарѣ, въ моленной, гдѣ 50 лѣтъ молился великій Филаретъ. Я изчезалъ въ умиленіи и обливался слезами. Но я столь немощенъ, что едва могу стоять, и мнѣ душно безъ внѣшняго воздуха. Спасибо, въ алтарѣ полурастворено одно окно. Служилъ старецъ, іеромонахъ, весьма благоговѣйно, діаконъ степенно, поющіе складно и неспѣшно. Они пѣли не на клиросѣ, а у западной стѣны церкви. Преумно: на клиросѣ они заслонили бы собою полъ-иконостаса, и непріятное зрѣлище молящимся. Церковь меньше нашей Красноярской, изящная, но самая простая. Есть моляшіеся.

Въ 9 часовъ мы поѣхали въ городъ (я не пилъ чаю). Пріѣхали. 1. Къ часовнѣ Иверской Божіей Матери. Поклонились, приложились. Часовня сія принадлежитъ Перервинскому монастырю. Я просилъ себѣ

благословенія и милости у Матери Божіей подъ Ея покровомъ въ Перервенскомъ монастырѣ, гдѣ имѣю водвориться. Поѣхали въ Кремль чрезъ Никольскіе ворота.

2. Вошли въ Успенскій соборъ. Здѣсь кончаютъ литургію, предъ *Отче нашъ*... Я остановился съ правой стороны, у прохода, между колоннами. Обождалъ конца литургіи. Вошелъ въ алтарь. Поклонился святости. Обошелъ и поклонился св. мощамъ Петра, Іоны и Филиппа, Московскихъ святителей, а также множеству частицъ св. мощей великихъ угодниковъ Божіихъ, собранныхъ въ сѣверномъ придѣлѣ собора. У мощей св. Іоны меня обласкалъ и утѣшилъ старецъ іеромонахъ. У сѣверныхъ дверей я встрѣтилъ профессора, сына іеромонаха Антонія, Павлова, что̀ въ Красноярской домовой церкви. Профессоръ въ бородѣ. Онъ меня узналъ, а не я. Ѣдетъ въ Одессу, въ тамошній Университетъ, профессоромъ. (Въ Казани, въ мое время, онъ былъ баккалавромъ тамошней Духовной Академіи). Обходя молитвенно вокругъ собора, я остановился противъ гробницы блаженнаго патріарха Гермогена. Онъ Казанскій, былъ архимандритомъ въ тамошнемъ Преображенскомъ монастырѣ (гдѣ и я былъ въ 1854—1861 годы викаріемъ). Онъ построилъ въ этомъ монастырѣ соборъ Преображенія Господня, существующій и доселѣ. При немъ открылись мощи святыхъ Гурія и Варсонофія Казанскихъ. Онъ былъ и митрополитомъ Казанскимъ, откуда воззванъ въ патріарха Всероссійскаго въ Москву. Онъ патріаршествовалъ въ Москвѣ въ годину самозванцевъ, междуцарствія, мятежей и нашествія Поляковъ, которые и уморили его гладомъ, за несогласіе его признать царемъ Россійскимъ Польскаго царева сына Владислава, *безъ крещенія въ православную вѣру*. Я прочелъ предъ гробницею заупойную молитву и поклонился ему. Въ алтарѣ, водившій меня указалъ мнѣ на ковчегъ на престолѣ, сказавъ: «Здѣсь хранится завѣщаніе императора Александра Николаевича на случай его кончины». Если правда (руководившій меня, кажется, простецъ), дѣло доброе, успокоительное для Россіи.

3. Пришли въ Благовѣщенскій соборъ. Помолились, поклонились. Въ паперти на стѣнныя изображенія Матери Божіей и Христа Спасителя положены кованныя серебряныя ризы. Чудодѣйствуютъ сіи иконы. И при насъ служили молебенъ. Здѣсь почиваетъ подлинная икона *Донскія Божія Матери* въ иконостасѣ. Соборъ сей при царяхъ былъ придворный и соединялся съ дворцомъ. Нынѣ онъ тоже числится придворнымъ, но номинально. Онъ отдѣленъ нынѣ отъ дворца совершенно.

4. Пришли въ Архангельскій соборъ. И здѣсь литургія уже кончилась. Почтенный и ученый протоіерей этого собора (не главный).

Меѳодій Смирновъ, обвелъ меня вокругъ и показалъ чего я желалъ, и объяснилъ. Соборъ этотъ заставленъ кругомъ гробницами царей (я полагалъ бы возвышенія надъ гробницами снять, а для опредѣленія мѣста, гдѣ какой царь почиваетъ, вставить въ стѣнѣ металлическія дощечки съ обозначеніемъ вкратцѣ, кромѣ имени, и самой біографіи. Соборъ распространился бы, и праху царей что́ за обида, когда могилы ихъ сравняются съ помостомъ церковнымъ? Съ южной стороны, внутри алтаря, по крайней мѣрѣ за чертою иконостаса (главнаго) гробницы царя Ивана Грознаго и двухъ сыновъ его Іоанна (убитаго отцемъ) и Ѳеодора. По крайней мѣрѣ здѣсь возвышенныя тумбы надъ могилами царей весьма неприличны. Но все дышитъ святынею въ этихъ несравненныхъ храмахъ благочестивой Москвы.

Здѣсь у мѣста воспомянуть о 1858 годѣ. Въ этомъ году, въ Августѣ, скончался архіепископъ Ѳеодотій Симбирскій. По желанію покойнаго я приглашенъ былъ изъ Казани (гдѣ я былъ викаріемъ) въ Симбирскъ. Я ѣздилъ и совершилъ погребеніе. Тамъ и духовенство и граждане полутономъ поздравляли меня преемникомъ Ѳеодотія и своимъ будущимъ архипастыремъ. Осмѣливался и я мечтать объ этомъ же потому, наипаче, что преосвященный Ѳеодотій, отъ Семинаріи мой покровитель и благодѣтель, любившій меня какъ сына и цѣнившій меня (онъ лучше многихъ зналъ меня), предъ кончиною своею, убѣдительно просилъ митрополита Московскаго Филарета (можетъ быть, и еще кого-либо) по кончинѣ его въ Симбирскъ назначить викарія Казанскаго Никодима. Я былъ уже епископомъ четыре года, смѣлъ считать себя стоющимъ этого повышенія. Однако вышло не такъ. Въ Симбирскъ назначенъ епископъ Евгеній, викарій Московскій (онъ тамъ и донынѣ), а я остался въ сторонѣ. Возвратясь изъ Симбирска чрезъ мѣсяцъ иль побольше, я въ Казани вижу вотъ какой сонъ. Я иду изъ собора Благовѣщенія (въ Московскомъ Кремлѣ), вхожу въ Архангельскій соборъ, съ западныхъ вратъ. Посреди церкви стоитъ митрополитъ Филаретъ и при немъ другой высокій монахъ. Я прошелъ мимо ихъ. А они пошли отъ меня въ лѣвую (отъ меня) сторону, т. е. на Сѣверъ». Я думаю: это Евгеній, котораго митрополитъ Филаретъ поставилъ въ Симбирскъ, а я остался въ сторонѣ. Нынѣ, выходя изъ Благовѣщенскаго собора, я хотѣлъ войти въ Архангельскій сквозь западные врата (припоминая сонъ). Но нельзя было: производилась работа и надъ вратами и во вратахъ; они заставлены лѣсами. Во власти Божіей всѣ шаги наши!

5. Изъ Архангельскаго собора я повернулъ немного вправо, чтобъ съ обрѣза Кремлевской горы взглянуть на Замоскворѣчье, Москву-рѣку и окрестность: великолѣпный видъ! Есть-ли другой такой въ Рос-

сіи, не знаю; но Москва-рѣка въ сравненіи съ Енисеемъ, на которомъ Красноярскъ, показалась малымъ протокомъ. (Енисей въ Красноярскѣ верста шириною). Отсюда я потянулся въ Чудовъ монастырь. Едва дотащился, усталъ смертельно и весьма взапрѣлъ (на мнѣ теплый подрясникъ). Вошелъ въ храмъ Божій, еще длится литургія... «И всѣхъ и вся»... Постоявши до причастія, я пошелъ къ мощамъ святителя Алексія. Благоговѣйный іеромонахъ, стоящій у мощей, благолюбезно обласкалъ меня. Я порадовался, что и нынѣ есть благіе отцы, истинно образцовые. Я просилъ молитвъ и благословенія у святителя Алексія. И здѣсь есть въ церкви народъ; стоятъ благоговѣйно. Вышедши отсюда, я сѣлъ въ карету для объѣзда (по дорогѣ) съ поклонами.

1. Пріѣхали въ Крестовоздвиженскій упраздненный монастырь, гдѣ пребываютъ соборяне Успенскаго собора, къ протоіерею сего собора, Димитрію Петровичу Новскому. (Онъ мой наставникъ въ Академіи, въ логикѣ и психологіи). Непринятъ; очень нездоровъ.

2. Въ Егорьевскій, тоже упраздненный монастырь, гдѣ пребываютъ соборяне другихъ соборовъ, къ протоіерею каѳедральному (Архангельскому) Петру Евдокимовичу Покровскому. Принятъ предружелюбно, обласканъ, ободренъ, мнѣ предложены съ его стороны всѣ возможныя услуги. Истинно-ангельская душа. Онъ уже вдовъ. Дѣтей немного, кажется, женскаго пола и уже въ замужествѣ. Онъ одинъ. Старше меня однимъ курсомъ по той же Московской Академіи 6-го курса. Кончилъ въ 1828 году. Когда я былъ младшій студентъ, Петръ Евдокимовичъ былъ старшимъ въ моей комнатѣ. Отсюда слѣдовало бы заѣхать къ первому викарію Леониду, живущему на Саввинскомъ подворьѣ, на Тверской, и мнѣ по дорогѣ; но я узналъ, что онъ живетъ гдѣ-то за Москвою, въ загородномъ домѣ; я радъ былъ, что и самъ избавляюсь и его освобождаю отъ тягостнаго свиданія, потому что мы не питаемъ другъ къ другу сердечнаго уваженія и довѣрія. Кто изъ насъ виноватъ болѣе, разсудитъ Господь.

3. Пріѣхалъ ко второму викарію, Игнатію Можайскому. Я его вовсе не зналъ лично. Онъ живетъ въ Высокопетровскомъ монастырѣ и имъ управляетъ. Я принятъ уважительно, благосклонно, сердечно. Я радъ былъ. Поговорили. И сей владыка предлагалъ мнѣ въ нуждѣ потребную и возможную помощь. Отсюда я поѣхалъ домой на подворье. Пріѣхалъ въ часъ, отчаянно изнуренный, усталый, весь мокрый отъ пота. Мнѣ дали хорошій обѣдъ. Уснулъ сладко. Вечеромъ былъ въ банѣ, хорошая, легкая, предусмотрительно устроенная, деревянная, въ саду, у самаго дома. Прошелъ и по саду. Простенькій, рослый, многодревесный. Есть *лиственница*, но она здѣсь чужая, истощена, искривлена, тонка, чуть жива. У насъ въ Красноярскѣ лиственница

царица деревъ и лѣсовъ, на три сажени выше сосенъ, иногда сажени двѣ въ охватѣ. Тутъ же увидѣлъ о. игумена Перервинскаго Николаевскаго монастыря, въ обители коего назначено мое пребываніе. Онъ мнѣ соимяненъ, Никодимъ. Лицо честное, покойное. Ему побольше сорока лѣтъ.

25 число Іюля. Успеніе Св. Анны Матери Божіей. Св. отцовъ пятаго вселенскаго собора. Макарія Желтоводскаго.

Ночь спалъ тревожно. Болѣзненныя грезы, послѣдствіе вчерашняго великаго утомленія и, можетъ быть, бани. Такъ какъ владыка обѣщался сегодня быть къ вечеру, то я и хотѣлъ было дождаться его здѣсь, чтобъ, не трудясь въ поѣздкѣ къ нему, представиться ему здѣсь. Но бывшіе у меня два архимандрита Филаретъ и Веніаминъ, отецъ и сынъ (первый, бывшій Енисейскій, второй Чудовскій намѣстникъ) дали мнѣ понять, что я обязанъ явиться къ митрополиту. Я призналъ ихъ наставленіе вѣрнымъ. Попросилъ экипажъ. Мнѣ дали карету, и я съ Ѳедоромъ, часовъ въ десять, отправился въ Черкизово, за Москву, верстъ на пять. Поѣхали; версты три до заставы-Рогожской и за тѣмъ версты двѣ до Черкизова. И тутъ сплошное населеніе. Пріѣхали въ Черкизово. Какая то рѣчка-ручеекъ. Налѣво изъ нея огромный прудъ. Переѣхавши мостъ, миніатюрная приходская церковь стариннаго Московскаго вкуса, съ оградою. Это Черкизово. Мы тотчасъ поворотили налѣво же, мимо церкви, въ огромный липовый садъ, обнесенный каменною стѣною. Это дача митрополита. Въ саду хорошій деревянный домъ на берегу пруда. Меня встрѣтилъ Гавріилъ Ивановичъ Веніаминовъ, протоіерей, сынъ митрополита.

Владыка принялъ вѣжливо, хотя немного холодно и сухо. Подана чашка чаю. Рѣчи простыя, отдаленныя. Я говорилъ о пожалованіи митры Тобольскому каѳедральному протоіерею, восьмидесятилѣтнему старцу, Петру Андреичу Фелицыну: полный, холодный, съ негодованіемъ отказъ. Говорилъ о рукописи преосвященнаго Варлаама Тобольскаго, лежащей въ Сѵнодѣ безъ движенія: еще холоднѣе отвѣтъ. Рукопись признана нелѣпою. Ее окритиковалъ Нилъ, епископъ Ярославскій, а и на самаго Варлаама Сѵнодъ смотритъ со скорбію и досадами: много жалобъ, и дѣйствія его Сѵнодъ многія признаетъ неправильными и утѣснительными.

О себѣ я не сказалъ ничего. Попросилъ благословенія завтра выѣхать въ Перерву, мѣсто моего пребыванія: дано холодное дозволеніе. Я всталъ, поклонился и вышелъ. Повидимому, грустно; но я радъ былъ, что скоро уволенъ. Я боялся быть задержаннымъ до обѣда, особенно по причинѣ разстройства моего живота. Холодность къ себѣ

митрополита я изъясняю изъ того, что я не тотчасъ по пріѣздѣ явился къ нему, а уже на третій день. Но я разсудилъ: а) по пріѣздѣ въ Москву прежде всего надлежитъ поклониться святости Божіей здѣсь и просить себѣ благословенія отъ сей святости; б) ждалъ, что владыка самъ пріѣдетъ въ Москву (мнѣ еще въ первый день пріѣзда моего сказали, что онъ вечеромъ будетъ); в) съѣздить въ Черкизово, хоть въ каретѣ, нелегкая вещь: десять верстъ по каменной мостовой! Ну, слава Богу, я все кончилъ. Пріѣхалъ на подворье въ первомъ часу. Мнѣ дали обѣдъ, и за тѣмъ я легъ уснуть.

Въ пятомъ часу ѣздилъ въ городъ единственно, чтобъ самому видѣть книжный магазинъ г. Ѳерапонтова и познакомиться съ хозяиномъ лично для будущихъ моихъ сношеній. Былъ хозяинъ Андрей Николаичъ Ѳерапонтовъ, среднихъ лѣтъ, простой, добрый, честный Москвичъ. Онъ радъ меня видѣть, и я радъ же его видѣть. Наговорились. Познакомились. На него можно положиться. Магазинъ его маленькій; кажется, онъ середней руки книжный торговецъ. Но у нихъ есть лига: что̀ есть у одного, то можетъ получить другой. Потому всякую книгу можно получить у всякаго, если она есть хоть въ одномъ магазинѣ.

Во всенощное я не пошелъ въ церковь. Не надѣялся (а утреннюю литургію слушалъ, былъ). Моя комната подъ окнами церковными: отчасти можно слышать службу. Подошла къ растворенному окну женщина еще цвѣтущихъ лѣтъ, вдова коллежскаго ассесора, съ тремя дѣтьми: умираетъ съ голоду. Я далъ ей рубль; она изумилась. Значитъ, такихъ подаяній она не получаетъ. Но какое убійственное положеніе молодой женщины безъ способовъ содержанія, безъ возможности трудиться съ тремя малыми дѣтьми. У митрополита одинъ глазъ закрылся: готовится принять операцію.

26-е число Іюля. Воскресеніе 8-е по Св. Троицѣ. Св. Ермолая. Пр. Параскевы. Пр. Моисея Угрина Печерскаго.

Память матери моей Параскевы Борисовны: она имянинница была въ этотъ день. Покой ее, Господи, во царствіи Твоемъ!

Всталъ въ 6-мъ часу. День пасмурный. Поетъ канарейка. Помолился. Въ 7 часовъ пошелъ къ литургіи въ домовую церковь. Служилъ самъ экономъ о. Арсеній, тонкоголосый. Служба благоговѣйная. Я молился, слезы катились. Въ сугубой литургіи прикладывается особое прошеніе о избавленіи отъ бѣдъ, по распоряженію митрополита Филарета. Въ церкви сей есть поминовеніе усопшихъ каждый день. Поминаютъ немного. Филаретъ поминается. Было довольно богомольцевъ: чистый, городской народъ. Больше женщины-старушки.

Въ Перервинскій монастырь дано было знать еще вчера, что я сегодня желаю выѣхать изъ Москвы. Къ 10 часамъ дня я уже собрался. Мнѣ присланы отличныя крытыя дрожки на парѣ прекрасныхъ лошадей. Я въ нихъ и поѣхалъ.

Для поклажи оставилъ Ѳедора, который на особой телѣгѣ, экономической, поклалъ наше имущество и поѣхалъ послѣ насъ. Мы поѣхали къ Иверской, чрезъ площадь, спустились къ набережной, мимо Воспитательнаго дома, за Москву чрезъ какую-то заставу, по Стромынской дорогѣ, черезъ село, потомъ направо узкою дорогою, вонючими полями, переѣхали Кіевскую желѣзную дорогу, кажется, дважды, и въ первомъ часу пріѣхали въ Николаевскій Перервинскій монастырь.

Меня встрѣтилъ о. игуменъ Никодимъ съ старшими отцами на крыльцѣ церковномъ. Я вошелъ въ храмъ Николая Чудотворца, верхній, поклонился ко храму святому Божію, а отсюда о. игуменъ привелъ меня въ мои келіи: пять комнатъ, со сводами, во второмъ этажѣ, въ югозападномъ углѣ монастыря. Я сотворилъ молитву и возблагодарилъ Бога за достиженіе мѣста покоя моего. Комнаты еще слывутъ патріаршими. Ихъ точно выстроилъ для себя, какъ загородное, молитвенное успокоеніе, патріархъ Адріанъ десятый, послѣдній, при Петрѣ Великомъ. Блаженный Адріанъ до патріаршества былъ митрополитомъ Казанскимъ. Меня все это назидало и утѣшало.

Въ Москвѣ гоститъ это время новопосвященный епископъ *Іоаннъ*, всего тридцати четырехъ лѣтъ, профессоръ Московской Духовной Академіи. Посвященъ въ Америку на мѣсто моего преемника, преосвященнаго Павла, назначеннаго въ Красноярскъ. Впрочемъ преосвященному Іоанну дана совсѣмъ особая инструкція, которою онъ уполномочивался основать свою каѳедру даже въ Калифорніи, и съ другими либеральными порученіями. Преосвященный Павелъ былъ изъ бѣлыхъ духовныхъ семинарскаго ученія. Теперь послали академиста и молодого, знакомаго съ современнымъ просвѣщеніемъ и знающаго Европейскіе живые языки: отъ него надѣются выгодъ православію въ Америкѣ и уже, по крайней мѣрѣ, просвѣщенной защиты. Сегодня онъ служитъ въ Параскевіевской церкви, что̀ въ Охотномъ ряду: храмовой праздникъ. Я проѣхалъ у самаго этого храма и въ самое служеніе: было чувствительно! Я не чуждъ по служебной связи Іоанну: онъ есть намѣстникъ моего преемника, и мнѣ какъ бы внукъ. Завтра у митрополита готовится для преосвященнаго Іоанна бранный обѣдъ: я былъ лишній! Послѣ завтра торжественный ходъ въ Дѣвичій монастырь, и митрополичье служеніе: я опять лишній! Можетъ быть, и это есть причина холодности ко мнѣ митрополита. А я самъ очень радъ уклонить-

ся отъ отягощеній собою высокихъ лицъ, коимъ не до уволенныхъ отъ службы.

Я поклонился Иверской иконѣ Матери Божіей и, ѣдучи Кремлемъ и Москвою, воспоминалъ молитвенно святости ея и обливался слезами.

Буди благословенъ Промышляющій о насъ Господь Богъ нашъ!

Епископъ Никодимъ, бывшій Енисейскій и Красноярскій.

15 Ноября 1870 года.
Перервинскій-Николаевскій монастырь.

Послѣсловіе.

Изъ Казани въ Красноярскъ я выѣхалъ 7 Декабря 1861 года, а въ Красноярскъ пріѣхалъ 5 Января 1862 года. (29 дней).

Изъ Красноярска въ Москву и Перерву я ѣхалъ 45 дней.

Моей службы и житія въ Красноярскѣ было восемь лѣтъ, пять мѣсяцевъ и 6 дней): пріѣхалъ 5 Января 1862 г. выѣхалъ 11 Іюня 1870 г.

Я первый епископъ въ Енисейской епархіи, которая открыта 25 Мая 1861 г., а я утвержденъ Государемъ 18 Сентября. Енисейская епархія до сего составляла часть Томской, которая и сама открыта, кажется, въ 1832 г.

Въ Енисейской губерніи считалось около 200,000 душъ. Пространство же ея: а) отъ Юга къ Сѣверу до 2,500 верстъ (отъ 53 градусовъ долготы до 78); б) отъ Запада къ Востоку отъ 500 верстъ до 1000. Впрочемъ, населенныя мѣста только въ южной половинѣ губерніи, а именно отъ Саянскихъ горъ до города Енисейска, около 700 верстъ. Отъ Енисейска же на Сѣверъ обитаютъ Тунгузы и Остяки, скитающіеся и изчезающіе, кажется, отъ опеки Русскихъ. На пространствѣ, по крайней мѣрѣ 1500 верстъ отъ Юга къ Сѣверу и 1000 верстъ отъ Востока къ Западу, въ настоящее время считается не болѣе 10—12 тысячъ этихъ людей

Хотя въ Енисейскую губернію поселенцевъ присылаютъ изъ Россіи ежегодно не одну сотню, и разселяютъ ихъ по губерніи, но они не живучи: гаснутъ какъ догорающіе огоньки. Преобладающій народъ доселѣ коренные Сибиряки. Кто они происхожденіемъ, не могу сказать смѣло, хотя нѣкоторыя мѣста своими названіями даютъ понять, откуда нынѣшніе жители его. Енисейскъ, древнѣйшій городъ, безъ сомнѣнія заселенъ Устюжанами. Сибиряки однакоже, сколько я ихъ видалъ: а) довольно сходны лицемъ, разговоромъ постройками, домашнимъ хозяйствомъ; б) всѣ они говорятъ чистымъ Московскимъ языкомъ, что весьма удивительно. У насъ, въ Енисейской губерніи, нѣтъ раскольниковъ, ниже какихъ другихъ сектъ. Въ Саянскихъ горахъ недавно поселились свирѣпые раскольники, на рѣчкѣ Усъ; но они бѣглые изъ Россіи или откуда нибудь. Около Саянскихъ же горъ есть большая деревня Іудействующихъ. Но это Пермскіе бѣглые раскольники, завѣсившіе себя Іудействомъ, котораго и азъ не понимаютъ, для сокрытія своихъ безпутствъ и развратовъ. Есть единоличности раскола, случайно появляющіяся кое-гдѣ; но это ссыльные, насланные, коренной же Сибирякъ гнушается раскольниками и твердъ въ вѣрѣ.

Мѣстность Енисейской губерніи великолѣпная. Рѣка Енисей, взявшись въ Китаѣ по ту сторону Саянскихъ горъ, разсѣкаетъ ихъ поперекъ, входитъ въ Россію противъ Енисейской губерніи, протекаетъ всю сію губернію отъ Юга къ Сѣверу, по самой серединѣ ея, и вливается въ сѣверное Ледовитое море. Теченіе ея въ Енисейской губерніи около трехъ тысячъ верстъ, да въ Китаѣ съ тысячу верстъ. При выходѣ изъ Саянскихъ горъ, у деревни *Означенной*, Енисей имѣетъ 200—300 саж. (на мой взглядъ); въ Красноярскѣ уже съ версту шириною; въ Енисейскѣ двѣ версты; за Щеками три версты; у села Инбатскаго четыре версты; противъ Туруханска пять верстъ. 600 верстъ ниже Енисей дѣлается уже губою въ 60—100 верстъ шириною, со множествомъ острововъ и затѣмъ вливается въ море, до котораго однакоже самые смѣлые едвали доплывали, ибо это уже 78-й градусъ долготы.

Южная сторона Енисейской губерніи, какъ стѣною отграждена отъ Китая Саянскими горами, коихъ вершины покрыты снѣгомъ. Горы сіи суть собраніе хребтовъ горъ въ 100—200 и даже 300 верстъ шириною. Только смѣлые казаки, частію и по нуждѣ (для осмотра знаковъ границы Россіи съ Китаемъ) переваливаютъ сей хребетъ.

Но и внутри губерніи есть огромныя горы. Енисей течетъ на пространствѣ, можетъ быть, пятисотъ верстъ, отъ Минусинска до Красноярска въ огромныхъ каменныхъ горахъ. Съ горы села Рыбинска, что̀ на трактѣ, цѣлая треть горизонта къ Югу опоясана горами, покрытыми снѣгомъ. Отъ села Абаканска налѣво (смотря на Югъ) огромныя горы.

Рѣка Абаканъ вытекаетъ изпромежъ Саянскихъ и Алтайскихъ горъ и впадаетъ въ Енисей немного ниже Минусинска. Оттуда же вытекаетъ рѣка Чулымъ, вiясь почти до города Енисейска у лѣвой стороны рѣки Енисея, но уходя въ Обь, а не въ Енисей.

Съ правой стороны впадаютъ въ Енисей (кромѣ рѣкъ: а) Тýба, б) Мàна в) Канъ, кои имѣютъ 100 — 150 саженъ ширины три огромныя, рѣки, кои всѣ зовутъ *Тунгузками*: а) *Верхняя*, это Иркутская Ангара, двѣ версты ширины, *Средняя*, она же *Под-Каменная* (т. е. у каменнаго хребта горъ разсѣкаемаго Енисеемъ, стороны котораго направо и налѣво стоячія каменныя стѣны во сто саженъ вышины, называются *Щеки*), верста ширины в. ,*Нижняя* противъ Туруханска, верста ширины. На устьѣ ея, направо стоитъ Туруханскій Троицкій монастырь.

Въ Минусинскомъ округѣ и отчасти въ Ачинскомъ есть голыя каменныя степени. Сюда Русскіе загнали первобытныхъ засельщиковъ, которыхъ здѣсь зовутъ инородцами. Они не знаютъ хлѣбопашества, живутъ скотоводствомъ и наипаче разведеніемъ лошадей. Они живутъ въ неподвижныхъ избахъ, которыя впрочемъ суть юрты, т. е. зданія безъ печи: огонь тлится посрединѣ юрты, и тѣмъ грѣются жители. Они страшно бѣдны, въ лоскутьяхъ, полунагіе. Тому содѣйствуетъ главно опека Русскихъ. У нихъ свой языкъ (говорятъ, Татарскій). Женщины совсѣмъ не знаютъ Русскаго языка. Такихъ инородцевъ считаютъ до двадцати тысячъ. Вообще же Енисейская губернія вся покрыта лѣсомъ и наиболѣе *красным*, т. е. сосною, лиственъ-

ницею, иногда елью, и полосою кедрами. Но, о Боже, здѣсь жалко взглянуть на лѣса. Ихъ жгутъ ежегодно, нещадно, повсюду, съ ранней весны до поздней осени. Здѣсь нѣтъ Русскаго лѣса, пушистаго, благоухающаго, густого, свѣжаго. Здѣсь лѣсъ рѣдкій, больной, полуобогрѣлый, унылый, заваленый каргами (падающій лѣсъ); здѣсь для лѣсовъ есть свое слово *тайга*. Въ самомъ дѣлѣ: это не лѣсъ, не роща, не боръ, а такъ себѣ, нѣчто въ родѣ лѣса. Сквозь него увидишь человѣка въ верстѣ разстоянія. Сперва это принято Русскими по нуждѣ, чтобъ добыть себѣ площадь земли для хлѣбопашества; потомъ оно уже обратилось въ забаву, прихоть.

Земля здѣсь плодородна. Здѣсь нѣтъ обычая навозить землю. Здѣсь нѣтъ общихъ полей, а каждый самъ себѣ имѣетъ дачу, которую зовутъ *займка*. (Онъ ее *занимаетъ*, никого не спрося, увѣрившись напередъ, что она *незанята еще* никѣмъ другимъ). Скотина здѣсь пасется сама себѣ. Для нея огораживаютъ мѣстность вокругъ селенія отъ трехъ до пяти верстъ въ радіусѣ, центръ котораго есть само селеніе (заимка уже за изгородью). Жительство въ Енисейской губерніи расположено *или* по берегамъ рѣкъ, *или* по тракту. За тѣмъ все прочее пространство остается пустымъ, незанятымъ и неизвѣстнымъ, большею частію.

Климатъ въ Енисейской губерніи вообще почитается здоровымъ и пріятнымъ, по крайней мѣрѣ для туземцевъ. Губернскій городъ Красноярскъ, гдѣ и архіерей, стоитъ въ срединѣ населенной части губерніи. Мѣсто красивое: при Енисеѣ, полуокружено хребтомъ горъ отъ Запада-Юга къ Востоку. Но здѣсь наипаче господствуетъ западный вѣтеръ, нерѣдко обращающійся въ бурю. Лѣтомъ онъ тотчасъ изсушаетъ влагу дождя, а зимою сметаетъ снѣгъ до того, что здѣсь почти нѣтъ снѣговой дороги: въ лютые морозы ѣздятъ на колесахъ. Но здѣсь, по всей губерніи и по всей Восточной Сибири, въ воздухѣ стоитъ во все лѣто сухая, синяя, ѣдкая изгарь. Это отъ пожара лѣсовъ. Тяжело дышать. Природа унылая. Зелень колючая, полублеклая, свернувшаяся въ трубку. Дождей такъ мало, что ихъ не можно положить болѣе десяти-пятнадцати во все лѣто, если изъ числа ихъ исключить накрапыванія, которыя не смачиваютъ и пыли. Я почитаю все это послѣдствіемъ пожара лѣсовъ: изсушается атмосфера. Даже и вѣтры, вѣтры постоянные, жестокіе, почитаю послѣдствіемъ тоже паловъ: разрѣжается воздухъ, теряется равновѣсіе, вѣтеръ. Истребленію лѣсовъ пожарами приписываю и оскудѣніе вольной птицы, вольныхъ животныхъ и звѣрей. Пѣвчихъ птицъ нѣтъ, водяныхъ тоже, въ лѣсахъ пустота. Сорока, воронъ, ястребъ иногда орелъ и стадо галокъ: вотъ жители пустынныхъ лѣсовъ Сибири. Волковъ совсѣмъ нѣтъ. О медвѣдяхъ изрѣдка слышимъ. Лисицы есть, но очень немного. Дикія козы есть.

Однакоже здѣсь здравіе въ людяхъ доброе. Въ мое восьмилѣтнее пребываніе я только однажды слышалъ о повальной болѣзни въ одномъ углу епархіи. Холеры здѣсь не бывало. Ягоды здѣсь: смородина черная и красная вездѣ есть. Малина, земляника, брусника, черника. Но палы надолго истребляютъ и ягодныя мѣста. Грибовъ здѣсь нѣтъ бѣлыхъ и сѣрыхъ: ихъ при-

возятъ изъ Россіи! Вотъ что значатъ палы. Собираютъ здѣсь бѣлянки и, кажется, грузди; ихъ солятъ. Хлѣбъ въ Красноярскѣ ѣдятъ яровой, озимаго почему-то не сѣютъ. Хлѣбъ однакоже отличный. Колодезей почти нѣтъ. Употребляютъ рѣчную воду. Но тутъ вотъ въ чемъ несчастіе: берега рѣки усыпаютъ навозомъ и всякою дворовою и уличною нечистотою (для полей навозъ ненуженъ). Такимъ образомъ чистая вода рѣки портится, дѣлается гнилою, вонючею. Такъ даже въ Красноярскѣ. Городскія власти отзываются привычкою населенія дѣлать это гнусное дѣло, себѣ же на посмрадженіе и пагубу. Дороги здѣсь полушоссейныя, самодѣльныя. Расхода казны никакого: все сдѣлаютъ крестьяне по наряду. Мосты отличные.

Церквей въ Енисейской епархіи около двухсотъ. Изъ нихъ больше половины деревянныхъ, и болѣе пятидесяти самыхъ новыхъ. Послѣднія самыя жалкія: маленькія, холодныя, темныя. Въ пятидесятыхъ годахъ вышло дозволеніе отъ Сунода строить въ Сибири церкви, не представляя предварительно Суноду, а только съ благословенія архіерея. Въ тоже время Сунодъ дозволилъ самимъ Сибирскимъ архіереямъ открывать новые приходы. Въ обѣихъ сихъ статьяхъ отличился наипаче преосвященный Парѳеній, бывшій сперва Томскимъ и Енисейскимъ. Сперва и я плѣнился было этою мыслію. Затѣмъ, посмотрѣвши на дѣло ближе, я остановился на томъ, что̀ есть. Я увидѣлъ, что приходы измельчали до того, что индѣ не состояло и 400 душъ прихожанъ, что̀ есть послѣдняя мѣра для прихода. Мнѣ доводилось даже закрывать нѣкоторые приходы по сущей невозможности существовать даже двумъ лицамъ клира, священнику и причетнику. Такимъ образомъ, церкви каменныя и самыя хорошія изъ деревянныхъ построены до размноженія приходовъ, а самыя малыя и жалкія построены въ новѣйшее время.

Старинныя каменныя церкви большею частію прочны, красивы, просторны и украшены златомъ и сребромъ, и на иконахъ и въ утвари изобильно. Новыя каменныя церкви уродливы и хилы (укажу на Чернорѣчинскую и Шилинскую), мрачны и бѣдны убранствомъ. Каѳедральный соборъ Красноярской есть копія Благовѣщенской церкви въ Петербургѣ, что̀ противъ тамошняго каменнаго моста чрезъ Неву. Красноярской соборъ стоилъ храмоздателю, Исидору Григорьевичу Щеголеву, какъ онъ объявилъ (и, конечно, не солгалъ) шестьсотъ тысячъ рублей. О, Боже! Петербургскій соборъ, его товарищъ и предшественникъ, ей, стоилъ не болѣе шестидесяти тысячъ рублей! Остальные же поглотили архитекторы, комиссіи, ревизоры и все, что̀ есть власть-администрація. Эти враны ненасытные въ Сибири приводятъ въ ужасъ населеніе насиліемъ, грабежами, утѣсненіемъ. Размѣръ каѳедральнаго собора: 25 саженъ въ длину, 12 саженъ въ ширину, высота пропорціональная. Внутри восемь огромныхъ устоевъ, въ два ряда, поддерживаютъ сводъ собора; сверху главный куполъ окружаютъ, по четыремъ угламъ, четыре кампанеллы (церквицы), совершенно безполезныя, ибо стоятъ пустыя, и во внутрь церкви и отъ нихъ просвѣта нѣтъ. Съ западной стороны съ соборомъ слита колокольня, въ видѣ бутылицы (какихъ много въ Москвѣ), въ треть ширины собора. Ужели такое зданіе должно стоить шестьсотъ тысячъ

рублей, въ Сибири, въ Красноярскѣ, гдѣ лѣсъ стоитъ ничего болѣе, какъ срубить его на берегу рѣки, сбросить его въ рѣку и доплавить до Красноярска (20—50 верстъ) и гдѣ храмоздатель, отличный хозяинъ и купецъ, имѣлъ свои кирпичные заводы тутъ же, въ верстѣ отъ собора?

Каменныя церкви часто двухъэтажныя, внизу теплая, вверху холодная. Особенно зимнія весьма низки и тѣсны, а алтари боковые, только для одиночной службы священника. Въ нѣкоторыхъ церквахъ, даже въ Красноярскѣ, я потому и не служилъ, что негдѣ размѣститься самому ограниченному собору, и задохнешься. Непредусмотрительность храмоздателей и простота духовенства.

Рѣдкая церковь каменная (изъ новыхъ) цѣла, почти всѣ онѣ имѣютъ трещины. Одна церковь (Уринская) при мнѣ разобрана, вся въ щеляхъ, другую (въ Кемчугѣ) подкрѣпили, подводя новый фундаментъ. Есть страшная ошибка: въ канаву фундамента насыпаютъ сухой гальки (мелкій камень-голышъ) и думаютъ, что это фундаментъ. Когда возведется на такомъ фундаментѣ каменное зданіе, оно раздавитъ гальку, и она поползетъ во всѣ стороны: зданіе даетъ трещины и грозитъ развалиться. Такъ строютъ и дома. И въ Красноярскѣ нѣтъ каменнаго дома безъ трещинъ.

Духовенство Енисейской епархіи на половину туземное, другая же половина изъ наѣхавшихъ изъ Россіи, особенно изъ Рязани, Калуги, Владимира. Къ чести туземнаго духовенства справедливо должно отдать имъ преимущество предъ заѣзжими: благоразумны, осторожны, терпѣливы, послушны. Вся знать нашего духовенства Сибиряки. Въ Консисторіи изъ четырехъ членовъ трое Сибиряки. Но и изъ Русскихъ есть очень хорошіе, особенно получившіе полное образованіе въ Семинаріи. Самые плохіе священники не ученые, и Русскіе, и Сибирскіе.

Пьянство въ духовенствѣ рѣдко, но есть самые жалкіе и отчаянные. Изъ нихъ нѣсколько и при мнѣ отъ сей слабости преждевременно кончили жизнь. И наше Енисейское духовенство, подобно собратіи своей въ Россіи, имѣетъ содержаніе самое умѣренное; но при честномъ и осторожномъ житіи, они и при малыхъ доходахъ живутъ прилично. Объѣзжая епархію, я наиболѣе останавливался ночевать у священниковъ; не помню, гдѣ я поскучалъ бы неудобствомъ помѣщенія, бѣдностію стола, или чѣмъ инымъ: все чисто, опрятно, благородно. Самъ священникъ, его жена и дѣти одѣты прилично. На лицахъ ихъ честность, покой духа, разумность.

Скажу *о себѣ*. Я первый епископъ Енисейскій. Пріѣхалъ изъ Казани гдѣ былъ викаріемъ, 5 Января 1862 года. 8 числа открылъ Консисторію. Отселѣ и началось бытіе Енисейской епархіи. Отцы духовные наняли для меня хорошій каменный двухъ-этажный домъ купчихи Мавры Герасимовны Бѣловой (она скончалась года черезъ три). Домъ въ лучшемъ мѣстѣ города и лучшій. Однако мнѣ уступленъ только верхній этажъ, а въ нижнемъ торговые магазины (что мнѣ было безпокойно). Здѣсь я прожилъ 14 мѣсяцевъ. Сталъ скучать безпокойствами дома, не имѣя власти надъ нимъ. Нашли другой домъ, купца Ребинова, близъ каѳедральнаго собора, на углу (юго-запад-

номъ) площади,—домъ весь въ моемъ распоряженіи. Здѣсь я прожилъ три года, пока выстроилъ собственный архіерейскій домъ, въ который перешелъ въ концѣ Мая 1866 года. Домъ поставленъ противъ Запада каѳедральнаго собора и занимаетъ цѣлый кварталъ 60×50=3000 саженъ. Домъ деревянный, строенъ по моей мысли и желанію. Есть церковь, во имя Іоанна Крестителя. (Въ память нареченія епархіи 25-го Мая, въ день обрѣтенія главы Предтечевой). Длина дома четырнадцать саженъ, ширина 6 саженъ, длина на Востокѣ 11 саженъ. Домъ имѣетъ видъ глаголя. Въ 1869 году весь домъ внутри ошекатуренъ, а снаружи обшитъ тесомъ и покрашенъ желтымъ, а кровля зеленая. Особый корпусъ для братіи. Три большихъ холодныя зданія. Я несчастливъ: въ постройкѣ дома мнѣ граждане не давали и мѣста. Я посторгъ его у нихъ, исходатайствовавъ высочайшее соизволеніе безъ вѣдома ихъ. Святѣйшій Сунодъ не дозволялъ мнѣ строить деревянный домъ и не соглашался дозволить строить домъ по плану, не утвержденному Сунодомъ. Я выстроилъ деревянный домъ и по плану, который показалъ только губернатору. Потомство пусть судитъ, много-ли я виноватъ ослушаніемъ и виноватъ ли? Дома не было бы доселѣ, если бъ я не построилъ его *на свой страхъ*!

Я дважды объѣхалъ всю мою неизмѣримую епархію и ее знаю лучше всякаго другаго мѣста, лучше Московской епархіи, гдѣ я родился. Изъ 175 приходовъ не осталось и двадцати, гдѣ бы я не служилъ, а быть, кажется, былъ во всѣхъ. Граждане были ко мнѣ холодны, особенно власти и чины, хотя я не хотѣлъ имъ зла и намѣренно не дѣлалъ. Насъ разсудитъ Господь. Духовенству же я совершенно благодаренъ: я ими не оскорбленъ. Сердца наши Богъ вѣсть, но я не потерпѣлъ значительно ни отъ одного лица оскорбленія, которое помнилъ бы и доселѣ. Послушаніе полное, уваженіе подобающее, исправность. Мнѣ не доводилось будить кого либо къ долгу: всякій зналъ самъ. Погрѣшности были со стороны ихъ, но я ихъ почти не помню, и они видно не были слишкомъ разрушительны въ послѣдствіяхъ ихъ. Я напротивъ себя окаяваю въ холодности и лѣности къ дѣламъ долга, а иногда и въ своенравіи. Простите меня, братія!

На мое мѣсто назначенъ преосвященный Павелъ, изъ Америки. Назначеніе его 10 Іюня. Онъ былъ у меня въ Перервѣ 10 Декабря, а теперь, конечно, уже въ Красноярскѣ.

Стоитъ примѣтить: 1. Я, ѣдучи на покой, сдѣлалъ 4116 верстъ (осьмую или даже седьмую часть земного шара). 2. Преосвященный Павелъ, изъ Америки до Красноярска, объѣхалъ почти цѣлый свѣтъ. 3. Преосвященный Іоаннъ, отсюда до Америки, объѣхалъ болѣе полсвѣта.

Стезю мою и у́же мое Ты еси изслѣдовалъ и вся пути моя провидѣлъ еси, Господи. Псаломъ 138.

9 Января 1871 г.
Перерва.

О ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСКАХЪ ЕПИСКОПА НИКОДИМА.

Путевыя записки Енисейскаго епископа Никодима были получены мною не отъ самого преосвященнаго, какъ приведено на стр. 230 „Русскаго Архива“ за настоящій годъ, а отъ упоминаемаго въ запискахъ Якова Ивановича Петрова-Родіонова, Томскаго старожила, мѣстнаго купца и почетнаго гражданина, которому онѣ были переданы епископомъ Никодимомъ на память и въ знакъ его особаго расположенія. Мнѣ же, въ пребываніе мое въ Сибири въ 1881—1882 годахъ, пришлось три раза останавливаться въ Томскѣ въ домѣ упомянутаго Якова Ивановича и пользоваться гостепріимствомъ этого умнаго и очень симпатичнаго глубокаго уже старика. Онъ-то и предоставилъ эти записки въ мое полное распоряженіе. Въ нихъ упоминается о Сибирскомъ легендарномъ старцѣ, извѣстномъ подъ именемъ Ѳедора Кузьмича, о которомъ я тогда впервыя услышалъ мѣстные разсказы, бывшіе въ это время особенно въ ходу. Въ моихъ воспоминаніяхъ о поѣздкѣ въ Сибирь („Русская Старина“, Январь, кн. 1901 г.) мнѣ также пришлось упомянуть объ этомъ старцѣ и привести отзывъ о немъ другого преосвященнаго, архіепископа Иркутскаго Веніамина.

14 Февраля 1903. С.-Петербургъ.

М. Галкинъ-Враской.